

ISSN 2500-347X

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2018 **3** (806)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

SOCIAL SCIENCES

Issue 3(806)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 3(806)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор научного журнала
«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки»
доктор философских наук, профессор **И. К. Харичкин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. дель Валье Галвес д-р юрид. наук, проф. (Испания)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Милитосян Л. Х., канд. пед. наук, доц. (Армения)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф. (*ответственный редактор*)

Беблер А., д-р социол., проф.
Белозёров В. К., д-р полит. наук, доц.
Брега А. В., д-р полит. наук, проф.
Ивашов Л. Г., д-р истор. наук
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф.
Кемаль Оглу И., д-р истор. наук, доц.
Колесников А. А., д-р истор. наук, проф.
Лапшов В. А., д-р социол. наук, проф.
Образцов И. В., д-р социол. наук, проф.
Плоских В. М., д-р истор. наук, проф.
Примаков В. Л., д-р социол. наук, проф.
Пророкович Д., д-р полит. наук
Саблуков А. В., д-р социол. наук, доц.
Сидорова Г. М., д-р полит. наук
Синчук Ю. В., д-р полит. наук, проф.
Хазанов А. М., д-р истор. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абаев Л. Ч. , Вавилов А. И.</i> Угрозы национальной безопасности России: экспертный взгляд	9
<i>Абгарян Р. Э.</i> Управление в системе власти	21
<i>Емельянов А. И.</i> Особенности взаимодействия со странами БРИКС в условиях геополитических трансформаций	32
<i>Мартынов Е. В.</i> Социальная реклама как инструмент государственной политики США	40
<i>Синчук Ю. В.</i> Арктика во внешнеполитических стратегиях субъектов мировой политики	51
<i>Синчук Ю. В., Харичкин И. К.</i> Конкурентоспособный госслужащий	59
<i>Чибаров А. А.</i> Чавизм как отражение социально-политической действительности Латинской Америки	69

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Савельев И. В., Егорова Ю. С.</i> Взаимоотношения Русской Православной Церкви и купеческо- промысловых объединений на Аляске в конце XVIII века	79
<i>Косториченко В. Н.</i> «Русская Америка» и международная дипломатия: Франсиско Миранда при дворе Екатерины II	85
<i>Браиловская Т. В.</i> Изучение историко-культурного наследия русской Америки в контексте истории США (на примере чтения курса лекций в МГЛУ)	98
<i>Михайлин И. В.</i> «Мозговые центры» в Латинской Америке (1990–2005)	106

<i>Троицкая Л. М.</i>	
История русской Америки на страницах «Американского ежегодника»	118
<i>Спицын А. Г.</i>	
Геополитические проекты военного режима Аргентины (1976–1983) и их международные последствия	128
<i>Плотников А. Ю.</i>	
К вопросу о значении Курильских островов в истории Азиатско-Тихоокеанского региона	140

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гербач Ж. В.</i>	
Социально-правовые аспекты функционирования системы подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов	147
<i>Козырева П. М., Смирнов А. И.</i>	
Предпринимательская активность в контексте задач инновационной модернизации	158
<i>Лапшов В. А.</i>	
Риски социальной политики в современном Российском обществе	178
<i>Каюмов А. Т., Исхакова Н. Р., Сафиуллина Н. З.</i>	
Историко-социологические аспекты формирования духовно- нравственных ценностей в идеалах современной городской молодежи (на материале Республики Татарстан)	190
<i>Примаков В. Л., Осипова В. А.</i>	
Престиж профессий социально-коммуникативного профиля в представлении студентов московских вузов	201

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Abaev L. T., A. I. Vavilov</i>	
Threats to the Russian National Security: Expert View	9
<i>Abgaryan R. E.</i>	
Governance in the System of Power	21
<i>Emelianov A. I.</i>	
Features of Interaction with BRICS in Terms of Geopolitical Transformations	32
<i>Martynov E. V.</i>	
Public Service Announcement as an Instrument of US Public Policy	40
<i>Sinchuk Yu. V.</i>	
The Arctic in the Foreign Strategies of the Subjects of the World Politics	51
<i>Sinchuk Yu. V., Kharichkin I. K.</i>	
Competitive civil servant	59
<i>Chibarov A. A.</i>	
Chavism as a Reflection of the Socio-Political Reality of Latin America	69

HISTORICAL SCIENCES

<i>Savelyev I. V., Egorova Iu. S.</i>	
The Relationships of the Russian Orthodox Church and Trade Companies in Alaska in the Late Eighteenth Century	79
<i>Kostornichenko V. N.</i>	
"Russian America" and International Diplomacy: Francisco Miranda at the Court of Catherine II	85
<i>Brailovskaya T. V.</i>	
Studying the History and Cultural Heritage of Russian America in the Context of the United States History (as Exemplified by Lectures in MSLU)	98

<i>Mikhailin I. V.</i> «Think Tanks» in Latin America (1990–2005)	106
<i>Troitskaia L. M.</i> History of Russian America in «American Yearbook»	118
<i>Spitsyn A. G.</i> Geopolitical Projects of the Military Government of Argentina (1976–1983) and their International Consequences	128
<i>Plotnikov A. Yu.</i> The Kuril Islands and the Asian-Pacific Region in XVIII–XX Centuries a History	140

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Gerbach Z. V.</i> Social and Legal Aspects of the Functioning of the System of Preparation and Accumulation of Mobilization Human Resources ...	147
<i>Kozyreva P. M., Smirnov A. I.</i> Entrepreneurial Activity in the Context of Innovative Modernization	158
<i>Lapshov V. A.</i> Risks of Social Policy in the Modern Russian Society	178
<i>Kayumov A. T., Iskhakova N. R., Safiullina N. Z.</i> Historical and Sociological Aspects of the Formation of Spiritual and Moral Values in the Ideals of Modern City Youth (based on the Materials of the Republic of Tatarstan)	190
<i>Primakov V. L., Osipova V. A.</i> The Prestige of the Professions of Socio-Communication Profile in the Perception of Moscow Universities Students	201

УДК 327

Л. Ч. Абаев, А. И. Вавилов

Абаев Л. Ч., доктор технических наук, профессор кафедры политологии МГЛУ;
e-mail: abaev_lev@mail.ru

Вавилов А. И., доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: maryandre@yandex.ru

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ЭКСПЕРТНЫЙ ВЗГЛЯД

В статье рассматриваются некоторые результаты проведенных в период с 2011 по 2017 гг. экспертных опросов по актуальным проблемам национальной безопасности Российской Федерации. Исследуется динамика угроз безопасности России и ее отношений с западными странами, анализируются экспертные оценки вопросов ядерного сдерживания и контроля над вооружениями.

Ключевые слова: национальная безопасность; экспертные оценки; угрозы безопасности; ядерное сдерживание; контроль над вооружениями.

L. T. Abaev

Doctor of Technical sciences (Dr. habil), Prof. at the Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: abaev_lev@mail.ru

A. I. Vavilov

Doctor of Political Science (Dr. habil), Prof., Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: maryandre@yandex.ru

THREATS TO THE RUSSIAN NATIONAL SECURITY: EXPERT VIEW

The article analyses the results of expert polls on current problems of national security of the Russian Federation conducted from 2011 to 2017. The author examines the spread of threats to the security of Russia and its relations with the West, considers experts' evaluation of nuclear deterrence and arms control issues.

Key words: national security; experts evaluation; threats to the security; arms deterrence; arms control.

Нынешнее состояние международных отношений характеризуется исключительным обострением военно-политической ситуации. Военный конфликт между Киевом и республиками Новороссии, приведший к многочисленным жертвам среди гражданского населения, военная операция в Сирии, проводимая Россией против террористических организаций (в первую очередь – ИГИЛ), продолжающееся развертывание глобальной системы ПРО, активизация деятельности НАТО, в том числе в странах Восточной Европы и Прибалтики, экономические санкции, введенные Западом против нашей страны, ставят весьма серьезные задачи перед Российской Федерацией.

Эти задачи относятся к категории слабо формализуемых, поэтому нуждаются в использовании экспертных методов, основанных на привлечении к их решению высококвалифицированных специалистов по рассматриваемым проблемам.

Одним из широко используемых экспертных методов является коллективный экспертный опрос – анкетирование. Он позволяет получить информацию от экспертов по самому широкому кругу вопросов, оценить ее согласованность, непротиворечивость и в случае выполнения этих условий сделать достаточно надежные обобщенные выводы.

Рассмотрим некоторые результаты опросов, касающиеся динамики угроз безопасности России, характера взаимоотношений РФ с западными странами, вопросов ядерного сдерживания и контроля над вооружениями.

Прежде всего, отметим, что экспертное сообщество полагает, что в ближайшие пять лет произойдет существенное нарастание угроз безопасности России. Так считают 67% опрошенных специалистов (см. рис. 1).

Важно отметить, что в 2017 году мнение экспертов весьма существенно изменилось по сравнению с 2016 г.

В 2016 г. лишь примерно половина (48%) опрошенных прогнозировала нарастание угроз безопасности России, а другая половина (49%) полагала, что изменений не произойдет или даже будет незначительное ослабление угроз. Через год подавляющее большинство экспертов (88%) отметило нарастание угроз безопасности России.

Рис 1.

По-видимому, в 2016 г. часть экспертного сообщества полагала, что угрозы безопасности России уже достигли своего критического значения. Приведем характерные комментарии в обоснование данной позиции.

«Отношения между Россией и Западом и так находятся на пике обострения внешнеполитических отношений».

«Уровень угроз уже максимальный для данной военно-политической ситуации. К концу “пяtilетки” будут стабилизированы процессы, генерирующие эти угрозы».

«Сейчас угрозы достаточно высоки, но не критичны. В таком “тонусе” и будем существовать в ближайшие пять лет».

Кроме того, в 2016 г. ряд экспертов считал, что приход к власти в США нового президента приведет к смягчению отношений между Москвой и Вашингтоном. Как отметил один из опрошенных, *произойдет несущественное ослабление угроз, если риторика Трампа в отношении РФ, хотя бы частично будет соответствовать внешней политике США в реальности. И такое развитие событий окажется весьма позитивным, поскольку в интересах РФ и США (Запада) все же продолжить сотрудничество по вопросам международной безопасности. К этому*

подталкивает процесс глобализации новых вызовов и угроз (терроризм, наркоугроза, экология и т. п.).

Однако в 2017 г. иллюзии относительно возможного потепления отношений между Россией и США (или хотя бы их стабилизации) развеялись, и экспертному сообществу стало понятно, что Россия и Запад «дна» своих отношений далеко еще не достигли.

Вот как прокомментировали свои оценки эксперты.

«В мире назревают масштабные экономические и военно–политические кризисы, инициируемые США. И самое трагичное, что альтернативы такому поведению Соединенных Штатов нет – они вынуждены создавать очаги напряженности в мире, чтобы поддерживать свою гегемонию и привлекать инвестиции в свою падающую экономику (астрономический размер госдолга)».

«Появятся новые очаги напряженности: на Юге, в Арктике и на Востоке, которые в той или иной степени будут влиять на национальную безопасность РФ. Также могут разгореться военные конфликты в Нагорном Карабахе и в Приднестровье».

«Наращение угроз будет связано с: деятельностью США по изоляции РФ; деятельностью КНР по утверждению своего влияния в Центральной Азии, ШОС, БРИКС; расширением НАТО; борьбой за влияние в АТР США и Китая».

«Усилятся нетрадиционные и непрямые угрозы в духе “гибридной” войны. Объекты воздействия – экономика и идеология».

«По мере дальнейшей дестабилизации обстановки на Украине возможно усиление конфронтации с Киевом. Украину будут поддерживать страны ЕС. Роль США будет маскироваться, но не слишком существенно».

Отметим также, что оценки 2017 г. оказались довольно схожими с результатами опроса 2015 г., когда началось давление на Россию в связи с воссоединением Крыма и событиями в Новороссии. Тем не менее последние выводы оказались более «тревожными». В частности, оценку «Произойдет существенное нарастание угроз» в 2015 г. дали 56 % опрошенных, а в 2017 г. – на 11 % больше.

Таким образом, экспертное сообщество оценивает нынешнюю ситуацию и перспективы ее развития как исключительно сложные.

Как уже отмечалось выше, угрозы и вызовы национальной безопасности Российской Федерации в значительной степени являются следствием существенного обострения в последние годы

отношений между Россией и Западом. На рисунке 2 представлены обобщенные результаты ответов экспертов на вопрос «Оцените возможные изменения в отношениях между Россией и Западом в ближайшие пять лет». Нетрудно заметить, что полученные результаты оказались весьма схожими с результатами ответов на предыдущий вопрос.

Рис. 2

В 2016 г. примерно одинаковое количество опрошенных придерживались, в общем-то, противоположных точек зрения. 37% экспертов считали, что в ближайшие пять лет произойдет повышение напряженности между Россией и Западом по сравнению с нынешним уровнем, а 45% прогнозировали снижение уровня напряженности.

Эксперты, полагавшие, что произойдет снижение напряженности между Россией и Западом, по-видимому, связывали это с обострением внутривнутриполитических и экономических проблем в Соединенных Штатах и Западной Европе (приход к власти новой администрации в США, грядущие выборы во Франции и Германии, выход Англии из ЕС). А их «оппоненты» считали, что указанные моменты не изменят резко конфронтационного отношения западного мира к России.

В 2017 г. мнение экспертного сообщества существенно изменилось. «Оптимистический» прогноз дали лишь 17% экспертов, а 66% опрошенных негативно оценили динамику отношений между Россией и Западом (причем почти в четыре раза увеличилась доля экспертов, полагающих, что произойдет существенное повышение напряженности).

Приведем характерные комментарии по данному вопросу.

«Отношения уже находятся на беспрецедентно низком уровне с высокой степенью напряженности. Поскольку Западу в целом свойственно “блефовать”, отношения не должны свалиться до прямого военного противостояния, но поскольку для Запада мы, в силу своей экономической слабости, не можем быть равноправными партнерами, нас по-прежнему будут принуждать к проведению устраивающей Запад политики».

«Ослабление (незначительное и временное) роли США приведет к соперничеству за лидерство между европейскими державами. В этой связи сохранится неопределенность перспектив развития отношений».

«“Фактор Трампа” в условиях консолидации элит Запада против РФ не имеет шансов на реализацию, по крайней мере, в первом сроке президентства».

«Произойдет существенное усиление напряженности. Реальных предпосылок для изменения враждебной политики США и их союзников по отношению к России пока не просматривается».

В целом существенно большая часть экспертного сообщества полагает, что отношения между Россией и Западом в ближайшие пять лет будут ухудшаться.

Однако важно отметить, что экспертная оценка динамики отношений между Россией и Западом оказалась все же более оптимистической, нежели аналогичная оценка динамики угроз безопасности РФ. Если ухудшение отношений между РФ и западными странами прогнозировали 66% опрошенных (при этом о значительном ухудшении говорят 40%), то нарастание угроз безопасности РФ прогнозируют уже 88% экспертов (причем 67% предсказывают существенное усиление угроз).

Таким образом, экспертное сообщество полагает, что спектр угроз безопасности Российской Федерации представляется достаточно широким и они иницируются не только западными странами.

В связи с нарастанием угроз безопасности России продолжают оставаться актуальными вопросы ядерного сдерживания и лежащая в его основе концепция взаимного гарантированного уничтожения. Поэтому представляет интерес экспертная оценка данной концепции и ее роль в отношениях между Россией и США. На рисунке 3 представлены результаты опроса специалистов по данной проблеме.

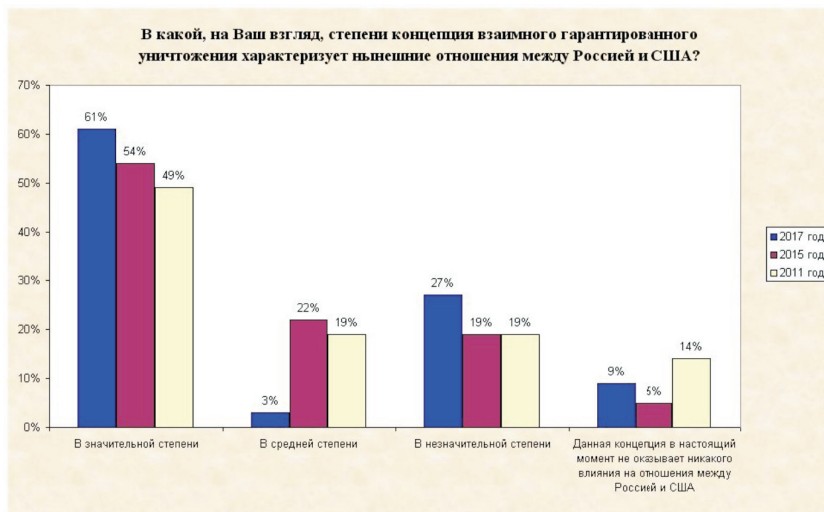

Рис. 3

В первую очередь следует отметить, что наиболее популярным ответом оказался такой: «В значительной степени» (49% опрошенных ответили так в 2011 г., 54% – в 2015 и 61% – в 2017). Вот как прокомментировали такую оценку эксперты:

«Только угроза уничтожения США (нанесение неприемлемого ущерба в ответных действиях) сдерживает их от агрессии».

«Данная концепция позволяет избежать прямого вооруженного столкновения между РФ и США».

«Это единственный фактор сдерживания».

«Отношения между нашими странами очень плохие. В США есть влиятельные силы, которые призывают к усилению военного давления на РФ, США неоднократно осуществляли военное нападение на страны, слабые в военном отношении. США обладают превосходством над Россией в обычных вооружениях. Следовательно,

удерживать США от войны с Россией может только гарантированное взаимное ядерное уничтожение».

Представляется важным отметить постоянный рост доли опрошенных специалистов, выбравших данный вариант ответа.

Что касается экспертов, полагающих, что концепция взаимного гарантированного уничтожения в «средней» степени характеризует нынешние отношения между Россией и США, то они обосновали это тем, что *данная концепция работает в военно-политической сфере, а на другие аспекты практически не влияет*.

Заметим также, что экспертные оценки 2017 г. оказались более «разнополюсными» по сравнению с 2011 и 2015 гг. (средний вариант ответа в 2017 г. дали лишь 3 % опрошенных).

Весьма интересной представляется позиция ряда экспертов, считающих, что рассматриваемая концепция в незначительной степени влияет на российско-американские отношения. Дело в том, что некоторые из них вовсе не считают такую ситуацию позитивной. Приведем обоснование их позиции.

«Эта концепция рассчитана на разумность противостоящих сторон, а импульсивная политика военно-политического руководства США, деградация их политической верхушки подрывают основы ядерного сдерживания».

«Импульсивная политика Запада, не справляющаяся с накопленными проблемами, все менее и менее продумана. А концепция сдерживания рассчитана на разумного, рационального оппонента».

Таким образом, даже в этой группе экспертов есть аналитики, считающие необходимым «реанимацию» рассматриваемой концепции как основы сдерживания.

В целом, по мнению экспертного сообщества, ядерное оружие и ядерное сдерживание (в концепции взаимного гарантированного уничтожения) продолжает оставаться актуальным инструментом решения проблем международной безопасности. Причем данная экспертная позиция имеет тенденцию к росту в течение, по крайней мере, последних шести лет.

Важной составляющей обеспечения безопасности являются международные договоры в области контроля над вооружениями. Однако в последнее время ситуация в мире изменяется так быстро, что возникает вопрос о целесообразности заключения новых

договоров в данной области. Безусловно, все подобные соглашения должны соответствовать национальным интересам России. Поэтому важным представляется мнение экспертного сообщества о необходимости заключения тех или иных договоров в оборонной сфере. Обобщенные экспертные оценки по данному вопросу представлены на рисунке 4.

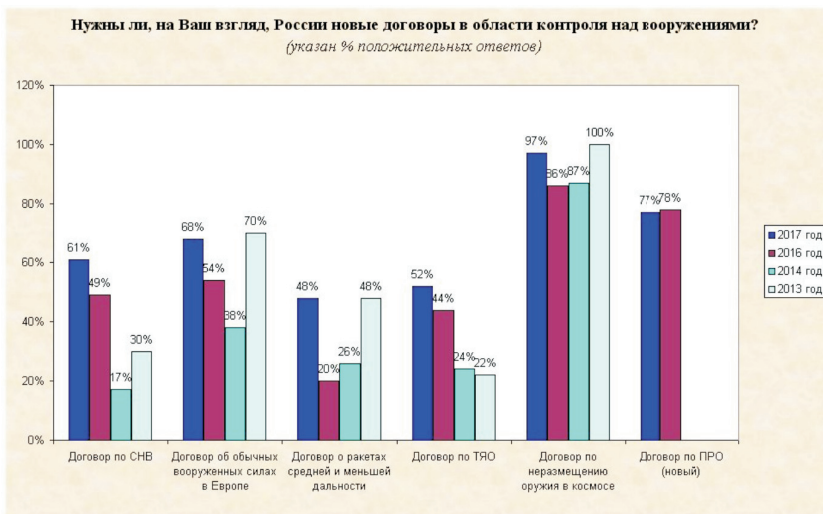

Рис. 4

Полученные результаты свидетельствуют о происходящем в последние два года изменении позиции экспертного сообщества по целому ряду договоров. В 2013–2014 гг. мнение специалистов было достаточно четким, определенным и согласованным. Большая часть экспертов выступала за заключение Договора по нерасположению оружия в космосе, но против заключения договоров по СНВ, ТЯО и РСМД (противоположные позиции в 2013 и 2014 гг. у экспертов касались лишь ДОВСЕ).

Важно также отметить, что в рассматриваемых опросах практически не возникало неопределенности позиций экспертного сообщества по тому или иному договору (сторонники или противники какого-либо варианта имели значительное большинство).

В 2016 г. ситуация кардинально изменилась. По трем из шести договоров, причем весьма важных (СНВ, ДОВСЕ, ТЯО) экспертное сообщество разделилось практически пополам, что не

позволяло сделать определенные выводы относительно необходимости их пересмотра, корректировки и т. д.

Более того, в 2017 г. к группе «неопределенных» соглашений добавился и договор о РСМД и существенно выросла доля сторонников заключения новых соглашений по СНВ (до 61 %) и ДОВСЕ (до 68 %).

Приведем общие аргументы сторонников и противников договоров о контроле над вооружениями.

«Существующую систему международно-правового контроля над вооружениями разрушать нельзя! Необходимо вести работу по разработке нового многостороннего договора по “комплексному” контролю над всеми стратегическими (ядерными и неядерными) вооружениями».

«РФ категорически нельзя заключать договоры о сокращении вооружений, так как российская сторона выполняет обязательства иногда с опережением, а партнеры зачастую либо с опозданием, либо вообще не исполняют, с выходом из договоров (примеры – Договор по ПРО, СНВ–3)».

Рассмотрим подробнее конкретные направления в области контроля над вооружениями.

В рассматриваемый период мнение экспертного сообщества было практически полностью согласованным относительно необходимости заключения договоров по двум направлениям: новый Договор по ПРО и, особенно, Договор по размещению оружия в космосе (как отметил один из экспертов, *размещение ударного оружия в космосе может привести к такому уровню неопределенности и риска, что говорить о каком-то сдерживании не представляется возможным*).

Что касается спорных договоров, мнения специалистов здесь оказались различными.

«Ядерное оружие – на данный момент основной элемент нашей военной мощи. Оно уже неоднократно сокращалось по договорам, и дальнейшее сокращение приведет к исчезновению гарантированного уничтожения США ответным ударом. Поэтому новый договор не нужен. ТЯО тоже должно остаться в арсенале, так как оно очень полезно в обороне».

«СНВ необходим в многостороннем формате, РСМД необходимо сохранить, ТЯО отдельно не рассматривать, а включить в СНВ.

ДОВСЕ не нужен, необходимо реализовать основополагающий акт Россия – НАТО».

«По поводу ДОВСЕ и РСМД – сложно сказать, так как для России это создаст лишние ограничения свободы действий при необходимости реагировать. В то же время США и НАТО точно будут эти договоры нарушать, когда им это будет выгодно».

«1. Договор о РСМД – уже бессрочный, необходима глобализация этого соглашения. 2. Другие договоры нужны, но только многосторонние, чтобы не случилось как с ДСНВ и с учетом различных видов вооружения, имеющих скрытый стратегический характер».

Ряд экспертов, подчеркнув необходимость переговорных процессов по контролю над вооружениями, отметили необходимость гарантировать соблюдение интересов России на случай каких-либо «эксцессов». Как отметил один из них, *договоры нужны, но должен быть страховочный вариант по всем направлениям – не уничтожать, а хранить, вдруг понадобятся*.

В целом, в настоящее время экспертное сообщество склоняется к необходимости заключения новых договоров по контролю над вооружениями (за исключением договоров по ТЯО и РСМД). При этом данные договоры должны носить комплексный и взаимосвязанный характер и обеспечивать национальную безопасность Российской Федерации.

В заключение остановимся на следующих основных выводах, которые можно сделать по результатам проведенного экспертного опроса.

1. В настоящий момент следует ожидать существенного нарастания угроз национальной безопасности РФ, связанного с усилением давления Запада на Россию (развертывание глобальной системы ПРО, активизация деятельности НАТО) и обострением региональных конфликтов.

2. В отношениях России с Западом и, прежде всего, с США, основным инструментом выстраивания отношений в военно-политической сфере продолжает оставаться ядерное сдерживание (в концепции взаимного гарантированного уничтожения).

3. В настоящее время у экспертного сообщества сформирована достаточно единая позиция относительно необходимости заключения Договора по неразмещению оружия в космосе и нового Договора по ПРО. Большинство специалистов также считают

необходимым заключение новых договоров по СНВ и ДОВСЕ (правда, с оговорками об их «комплексности» и «многосторонности»). Что касается договоров по ТЯО и РСМД, то в экспертном сообществе единой позиции по этим вопросам нет.

УДК 327.83

Р. Э. Абгарян

кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;

e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ

Данная статья посвящена определению места и роли управления в системе власти. Проводя анализ сущности феномена власти с точки зрения конфликтологии, структурного функционализма и бихевиоризма, исследовав различные классификации власти, а также выявив основные элементы деятельности власти, в статье обоснована идея о том, что выбор адекватных средств власти и эффективное использование ее ресурсов осуществляется через систему управления. Определив управление как систематическое, целенаправленное воздействие на любую социальную систему для ее оптимального функционирования, а также структуру управления как совокупность элементов управленческой деятельности с заданными функциями, в данной статье изложены особенности различных видов структур управления – линейных, функциональных, матричных.

Ключевые слова: власть; свойства власти; структура; элементы деятельности; разделение власти по вертикали и горизонтали; средства и ресурсы власти; управление; структура управления; разновидности структур; руководство и регулирование в системе управления.

R. E. Abgaryan

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Political Science of the Institute of International Relations and Social-Political Science, MSLU;

e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

GOVERNANCE IN THE SYSTEM OF POWER

The article focuses on defining the place and role of governance in the system of power. The article substantiates the idea that the choice of adequate means of power and efficient use of its resources is carried out through the management system. Having defined management as systematic, purposeful influence on any social system for its optimal functioning, as well as a management structure as a set of elements of management activity with given functions, this article outlines the features of different types of management structures – linear, functional, matrix.

Key words: power; aspects of power; structure; elements; division of powers; types of structures; management and regulation in governance.

Категория «Власть» является одной из центральных в современной политологии, так как содержание любой политики определяется деятельностью по достижению, удержанию и реализации власти. В наиболее общем смысле власть представляет собой способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность и поведение людей с помощью права, авторитета, насилия. Власть есть в любом обществе, это социальный феномен, с помощью которого осуществляется единство общества как целостного саморазвивающегося организма. Этим и определяются два основных универсальных свойства власти – всеобщность, то есть функционирование во всех сферах жизнедеятельности общества (экономической, социальной, политической, культурной) и инклюзивность (от лат. *includere* – *включать*) как возможность проникать во все виды социальных отношений, тем самым связывать людей либо противопоставлять их друг другу [Мухаев 2010, с. 51–55].

Феномен власти, возникший в человеческом обществе, претерпевает множество изменений по мере развития и усложнения социальных отношений от первобытно-общинных до современных. Французский политолог М. Дюверже выделяет три основных этапа в эволюции форм власти.

Первый этап. Власть не имеет политического характера, она анонимна, проявляется через обычаи, традиции, первобытные верования, которые строго регламентируют и контролируют жизнь первобытных людей.

Второй этап в эволюции власти делает ее *индивидуализированной*, т. е. концентрированной в руках одного или нескольких лиц.

Третий этап в эволюции форм власти требует создания специализированных *институтов власти*, выражающих и защищающих интересы экономически господствующих классов, осуществляющих управленческие функции, а также обеспечивающих социальный мир и порядок в обществе. Диффузия власти формирует из рядовых граждан не только объект, но и субъекты власти [Абгарян 2010, с. 11–20].

Будучи социальной по своей природе, власть является предметом изучения всех общественных дисциплин. Политическая власть, которая выражается в деятельности политической системы, в политических отношениях и в политическом сознании является

предметом исследований в современной политологии. Однако единой точки зрения по поводу определения сущности феномена политической власти нет. Так, например, в русле конфликтологических концепций (Р. Дарендорф, Л. Козер) власть представляется как возможность принятия политических решений, регулирующих распределение финансовых, экономических, природных, военных и др. ресурсов в конфликтных ситуациях.

Представители *структурного функционализма* (Т. Парсонс, Д. Истон) определяют власть как функцию политического порядка, обеспечивающую мобилизацию индивидов для достижения социально-значимых целей. Сторонники *бихейвиористского подхода* (Г. Лассуэлл, Р. Даль, Д. Риччи) исследуют власть как особый тип поведения, изменяющий поведение других людей. Несмотря на множественность трактовок определения власти, общим для всех точек зрения является осознание власти как способности и возможности осуществлять свою волю, даже вопреки сопротивлению тех, на кого эта власть направлена. Кроме того, любое определение *власти* включает в себя два элемента – *субъект* власти (личность, группа лиц, партия, государство), выражающий свою волю по отношению к тому, над кем осуществляется власть и *объект* власти (личность, группа лиц, партия, общество в целом), тот или те, кто находятся в подчинении и осуществляют команды, приказы, распоряжения субъекта власти. Наличие субъекта и объекта власти необходимо для формирования власти как социального и политического феномена.

В силу сложности и многогранности субстанции «власть», в современной политологии разработаны несколько *классификаций* этого явления, каждая из которых отвечает определенным целям и задачам конкретных исследований. Так, например, власть может изучаться *по сферам общества*: экономическая, социальная, политическая, духовная (идеологическая). Власть может быть классифицирована *по количественному признаку субъекта власти* на: единоличную, олигархическую, полиархическую и др. Власть *по правовому признаку* делится на законную и незаконную или легальную и нелегальную. Если исследовать власть с точки зрения *функций органов власти*, то изучать надо деятельность законодательной, исполнительной и судебной власти. Власть может быть классифицирована и *по степени институализации* на феодальную,

региональную, городскую, муниципальную и сельскую [Белозёров, Харичкин, Синчук, Слоботчиков 2017].

Несмотря на множество трактовок в определении сущности политической власти, ее классификаций, *деятельность власти* складывается из определенного набора элементов, или функций:

а) анализ социально-экономической и политической обстановки;

б) определение стратегических целей и тактических задач;

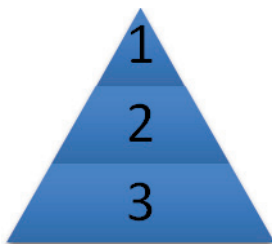
в) выбор адекватных способов и средств их достижения и решения;

г) присвоение и распоряжение финансовыми, материальными, природными, военными, людскими и др. ресурсами для достижения поставленных целей;

д) осуществление управленческой деятельности, включающей постоянный контроль над выполнением властных решений, а также пресечение девиантного поведения;

е) с помощью средств массовой информации создание в обществе соответствующих настроений, морально-политической обстановки для эффективного решения поставленных задач.

Реализация деятельности власти (т. е. ее функций) происходит в строгом соответствии с институциональной *структурой власти*, которая может быть представлена тремя взаимодействующими уровнями в форме пирамиды:

Первый уровень – это власть макроуровня; он включает высшие законодательные, исполнительные и судебные органы страны, высшие руководящие органы политических партий и ведущих общественных организаций. Этот уровень обеспечивает развитие внутренней и внешней политики государства и гражданского общества. *Второй уровень* в структуре власти образуют учреждения и бюрократические аппараты среднего звена (регионального, областного, городского). Политические институты этого уровня

(мезовласть) связывают власть макроуровня с *микроуровнем* – третьим структурным уровнем власти, который представляет собой совокупность политических и общественных организаций, осуществляющих самоуправление. Представленная институциональная структура власти характерна для государств с федеративным устройством, в унитарных государствах различают общенациональный или центральный уровень власти и местный.

Для реализации принятых решений власть использует различные средства. Условно их можно разделить на две большие группы. *Первая группа* включает средства, порожденные самим обществом – социальные нормы и ценности, традиции, идеологические течения и религиозные верования, общественные настроения (энтузиазм, апатия) и др. *Вторая группа* средств порождена самой политикой и применяется ею. На основе права, авторитета, проявления силы и применения насилия, а также экономического стимулирования или принуждения власть использует все виды командования, такие как исполнение закона, устава, убеждение, распоряжение, приказ и т. д. [Абгарян 2009].

В качестве *ресурсов власти* выделяют: **экономический** (уровень развития промышленного и сельскохозяйственного производства, стабильность финансовой системы, наличие полезных ископаемых, особенно энергоресурсов), **военный ресурс власти** (боеспособная армия, уровень ее вооружения); **социальный ресурс** (количество и качество населения, его здоровье, продолжительность жизни, уровень образования и профессиональной подготовки); **политический ресурс**, включающий в себя **политическое пространство, политическое время и стабильность политической власти** как внутри страны, так и на международной арене.

Выбор адекватных средств власти и эффективное использование ее ресурсов осуществляется через систему управления. **Управление** представляет собой систематическое, целенаправленное воздействие на любую социальную систему в целом или на отдельные ее звенья (подсистемы, структуры) в целях ее оптимального функционирования и развития. Научное управление системой предполагает: 1) наличие объективной оценки деятельности системы в прошлом и настоящем; 2) выявление прогрессивных тенденций в развитии системы и направление ее деятельности в их соответствии; 3) своевременное выявление противоречий

в функционировании системы и их разрешение адекватными средствами; 4) обеспечение структурного и функционального единства системы как целостного организма [Абгарян, Синчук, Чашихин 2010].

Система управления имеет свою структуру.

Структура управления включает в себя ряд элементов управленческой деятельности с заданными функциями.

Элементами структуры управления являются: органы управления, подразделения этих органов, отдельный работник. Работник управления – это человек, выполняющий часть функций управленческого процесса. Под органом управления следует понимать группу работников, связанных между собой отношениями разделения труда в системе управления. Орган управления состоит из одной или нескольких первичных управленческих групп, представляющих собой коллектив работников управления, у которых есть общий руководитель, но нет подчиненных.

Между элементами структуры существуют вертикальные и горизонтальные связи. Вертикальные связи предполагают отношения подчинения и руководства и подразделяются на:

- 1) линейные, предполагающие обязательное подчинение по всем вопросам управления;
- 2) функциональные, обозначающие подчинение по определенной группе проблем или задач.

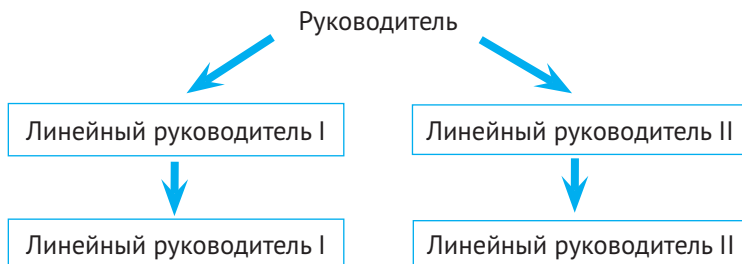
Существует категория «диапазон управляемости» для вертикальных связей в структуре управления. Эта категория означает количество подчиненных, находящихся у одного руководителя. Оптимальное число подчиненных – 7.

Существует несколько видов структур управления, выбор той или иной зависит от многих факторов. Основными факторами, влияющими на выбор структур управления являются:

- 1) социальные, представляющие собой внешние детерминанты, идущие от конкретной социальной системы, организации,
- 2) организационно-технические, обусловленные внутренними особенностями субъекта управления.

Основные виды структур управления: линейные, функциональные, матричные [Манохин, Синчук 2016, с. 152–156].

Линейные структуры – наиболее простые, основаны на линейных вертикальных отношениях, предполагающих подчиненность по всем вопросам управления одному руководителю.

Преимущество линейной структуры управления в том, что работник каждой первичной управляемой группой имеет одного руководителя (линейный руководитель (или 2)). Однако по мере увеличения объема информации усложнения процесса производства становятся недостаточными, так как недостаточной становится компетентность линейных руководителей. Выход из создавшейся ситуации – формирование при линейном руководителе консультативных органов или штатов, представляющих собой коллектив узких специалистов в отдельных вопросах, несменяющих подчиненных. Эта структура получила название *линейно-штатной структуры* управления и представляет собой первый шаг на пути к функциональной структуре управления. Итак, линейная структура управления ведет к невероятной перегрузке как руководителя, так и работника управления, которые в результате объективных причин (увеличения объема работы, сложности проблем, отсутствия времени, необходимых знаний) становится тормозом развития. В этих условиях необходим переход к *функциональной структуре управления*. В основе функциональной структуры управления лежат отношения функциональной зависимости, предполагающих подчиненность по определенной группе проблем и вопросов.

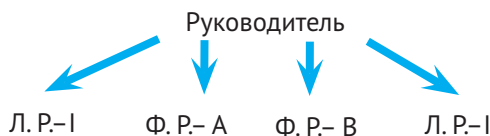
Схема функциональной структуры управления может быть представлена следующим образом:

- руководитель
- функциональный руководитель I
- функциональный руководитель II
- первичные управленческие группы

Преимущество функциональной структуры управления в том, что работник первичной управленческой группы имеет компетентного функционального руководителя и I и II. Однако эта структура имеет и недостатки, которые заключаются в следующем:

- 1) возможность пересечения функций руководителей I и II;
- 2) известная мера неопределенности, так как у работника первичной управляемой группы два руководителя (I и II);
- 3) возможность конфликтов и недоразумений функциональных руководителей I и II или между двумя руководителями и работником первичной управленческой группы.

Сочетанием линейной и функциональной структуры управления стала линейно-функциональная структура, которая может быть выражена следующей схемой:

Л.Р. - линейный руководитель;

Ф.Р. - функциональный руководитель.

Из представленной схемы видно, что линейный руководитель **полностью** отвечает за работу первичных управленческих групп, а функциональный руководитель отвечает только за правильность данных рекомендаций первичной управленческой группе, не беря на себя ответственность за выполнение этих рекомендаций, а возлагая ее на линейного руководителя. Линейно-функциональная структура получила широкое распространение во многих органах управления разных стран. Однако, наиболее прогрессивной структурой управления является *матричная* структура. Основное ее содержание сводится к тому, что вертикальные связи между руководителем и подчиненным – стабильные, а горизонтальные связи, то есть связи между подчиненными, например между линейными руководителями I и II или между первичными управленческими группами – мобильные. Мобильные связи допускают возможность зависимости на определенный срок для решения определенных задач линейного руководителя I от линейного руководителя II или наоборот. Матричная структура наиболее эффективна для решения проблем программно-целевого управления. Основная проблема в плане воплощения этой структуры в жизнь – подбор высокообразованных, квалифицированных кадров, обладающих высокой степенью культуры.

Процесс управления носит циклический и относительно замкнутый характер. Он включает в себя несколько этапов:

- 1) определение цели и постановка задач;
- 2) принятие управленческого решения, которое должно быть полномочным, научно-обоснованным и современным;
- 3) организация выполнения принятых решений, то есть объект и субъект управления приводятся в состояние упорядоченности, устанавливаются прямые и обратные связи между субъектом и объектом управления через постоянно действующие каналы информации;
- 4) регулирование, то есть сохранение упорядоченности системы, на которую влияют не только факторы организации, определяемые субъектом управления, а также внутренними связями и отношениями объекта, но и факторы дезорганизации, подспудно действующие внутри объекта и вне него;
- 5) контроль за выполнением управленческого решения. Этот этап включает в себя перманентный анализ оперативной информации, поступающий от объекта, а также систему наблюдений, проверок за выполнением решений;
- 6) окончание управленческого цикла связано с реализацией принятых решений и постановкой новых задач, обеспечивающих достижение стратегических целей. Любой управленческий цикл включает в себя систему властных мер, таких как экономические (материальное принуждение или стимулирование, организационно-распорядительные, основанные на прямом давлении субъекта управления на объект и социально-психологические, использующие убеждения. Определяя феномен руководства как систему, обеспечивающую управление, необходимо обратить внимание также на *стиль руководства*. Как правило выделяют три стиля:
 - 1) директивный, основанный на приказных методах и жестком администрировании;
 - 2) товарищеский, использующий в основном социально-психологические отношения, включая межличностные, а также авторитет субъекта управления;
 - 3) попустительствующий, опирающийся в основном на моральную и /или материальную заинтересованность объекта управления. Руководство в системе управления дополняется также *регулированием*, представляющим собой совокупность методов косвенного

воздействия на объект управления посредством информирования (включая наглядную агитацию, пропаганду, методы идеологического воздействия) и стимулирования (морального и материального) [Синчук, Синчук 2016].

Большое значение в реализации управленческих решений, в осуществлении власти имеет деятельность бюрократии, ее аппарата. Бюрократия (от франц. *bureaucratie* – *господство канцелярии*) представляет особый замкнутый слой чиновников, который отождествляет себя с государственной системой управления, а следовательно, властью, занимает привилегированное положение в обществе, обособляясь от масс, сосредотачивает в своих руках реальные рычаги управления и стремится к господству в высших эшелонах власти для реализации корпоративных интересов, зачастую несовпадающих и даже противоречащих общественным интересам. Бюрократия в любой стране при любом политическом режиме стремится к монополизации источников и средств власти, генерируя при этом такие социальные явления, как карьеризм, местничество, личный протекционизм, волокиту, бумажный фетишизм, а также коррупцию, что в совокупности резко снижает эффективность управления в целом и доверие к власти в обществе. С другой стороны, деятельность бюрократии культивирует в механизме управления консервативную функцию, которая обеспечивает поступательное развитие социальной системы без «бурь и революций», кроме того, бюрократия в сознании миллионов граждан ассоциируется с сильной централизованной властью, которая воплощает в себе стабильность и порядок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абгарян Р. Э. Тексты лекций по теории политики. Ч. 2. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 11–20.
- Абгарян Р. Э., Синчук Ю. В., Чашихин Б. Д. Политология и политическая теория. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. 460 с.
- Белозёров В. К. [и др.] Государственное и муниципальное управление: учебник / [В. К. Белозёров, И. К. Харичкин, Ю. В. Синчук, О. Н. Слоботчиков, С. М. Кулешов, А. И. Пирогов, В. Ф. Ницевич, М. А. Булавина, В. А. Налетов, Е. А. Кокорева, А. А. Попков, В. В. Бруз, А. Б. Курдюмов, С. Г. Каргинов, И. А. Кокорев, Л. И. Пирогова, И. С. Егоров, В. Г. Пещеров, А. Н. Беспалов, О. П. Михайлова]. М. : ИМЦ, 2017. 647 с.

- Латин Н. И.* Общая социология: учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд., доп. М. : Высшая школа, 2009. 451 с.
- Манохин И. В., Синчук Ю. В.* К вопросу об обеспечении военной безопасности // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Общественные науки. 2016. № 742. С. 152–156.
- Мухаев Р. Т.* Политология: учебник. М. : Проспект, 2010. 640 с.
- Синчук Ю. В., Синчук И. Ю.* К вопросу об укреплении национальной безопасности государства в контексте «мягкой силы» // Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н. Э. Баумана / под общ. ред. И. В. Бочарникова. М. : Экон–Информ, 2016. С. 245–270.

А. И. Емельянов

кандидат политических наук; доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;

e-mail: anton.politolog@ya.ru

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СТРАНАМИ БРИКС
В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

В настоящее время существует значительное число международных организаций, ставящих своей целью повышение взаимного сотрудничества и укрепление многополярного мироустройства в условиях глобального доминирования США. В этой связи растет количество противников подобного статус-кво. Среди них можно выделить различные формальные и неформальные институциональные формирования, где особое положение занимает БРИКС. В статье исследуется ее деятельность в различных сферах. Делается вывод о том, что по различным показателям с этой Организацией может сравниться только Большая двадцатка (G-20), которая, впрочем, не имеет такого значительного количества институтов для реализации своих внешнеполитических амбиций. Кроме того, в условиях многочисленных институциональных кризисов в экономической и политической сферах подобная форма сотрудничества может привести к благоприятному развитию государств и укреплению национального суверенитета, который влечет за собой рост экономики и возрастание геополитического влияния тех сторон, которые выступают за активное сотрудничество в рамках межгосударственных образований.

Ключевые слова: БРИКС; Бразилия; Индия; Китай; Россия; ЮАР; геополитика.

A. I. Emelianov

PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty); MSLU; e-mail: anton.politolog@ya.ru

**FEATURES OF INTERACTION WITH BRICS IN TERMS OF
GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS**

At present, there are a significant number of international organizations aiming to increase mutual cooperation and strengthen the multipolar world order in the conditions of the global domination of the United States. In this regard, the number of opponents of such a status quo is growing. Among them are various formal and informal institutional formations, among which BRICS holds a special position. The article examines its activities in various fields. It is concluded that only the G20 can be compared with this organization in various indicators, which, however, does not have such a large number of institutions for the implementation

of its foreign policy ambitions. In addition, in the context of numerous institutional crises in the economic and political spheres, such a form of cooperation can lead to the favorable development of States and the strengthening of national sovereignty, which entails the growth of the economy and the increase of the geopolitical influence of those parties who advocate active cooperation within the framework of inter-state entities.

Key words: BRICS; Brazil; India; China; Russia; South Africa; geopolitics.

Потенциал государств – членов БРИКС стал предметом исследований задолго до создания самого объединения. Деятельность этой организации находится под пристальным вниманием различных экспертов ввиду своей значимости в рамках международного взаимодействия. Несмотря на экономические и политические кризисы, группа БРИКС, представляющая собой объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, является важным международным форумом для представления и защиты своих национальных интересов активно развивающихся субъектов мировой политики и имеющих свое видение на дальнейшее развитие миропорядка. Кроме того, страны – участницы БРИКС желают повысить свой авторитет в международной политической и экономической системах, стараясь трансформировать архитектуру международных отношений в XXI в. в многополярном ключе.

В 2001 г. аббревиатура БРИК была впервые применена экономистом Джимом О'Нилом к группе развивающихся стран, за счет экономического роста которых, по его мнению, в будущем во многом будет обеспечиваться рост мировой экономики [O'Neill 2001]. Тем не менее формирование и институциональное оформление БРИКС происходило постепенно, под влиянием различных факторов. Одним из них стало формирование альтернативной площадки, на которой обсуждались вопросы многостороннего сотрудничества и диверсификации международных связей – речь идет о ИБЮА.

Предшественник БРИК – ИБЮА начал свое существование в 2003 г. в качестве площадки по привлечению инвестиций для развития национальных экономик стран-участниц, которые представляли собой быстрорастущие рынки для импорта и экспорта различных видов продукции. В отличие от нее БРИК приобрела большую степень политизации и в своей повестке дня затрагивала вопросы глобального политического развития. Кроме того, движущей силой этой Организации стали Россия и Китай. Именно

инициатива России, которая в 2006 г. под руководством министра иностранных дел России приняла у себя первый официальный саммит БРИК в Санкт-Петербурге. Если ранее ИБЮА представлял собой форум трех демократий для защиты экономических интересов стран глобального Юга, то теперь эту роль взял на себя БРИК, становясь более глобальной и существенной силой за счет политической составляющей. В рамках БРИК стали рассматривать и принимать решения по всё большему числу политических вопросов и вырабатывать совместную позицию в вопросах глобального управления и развития.

К моменту присоединения ЮАР к этой Организации в 2011 г. БРИКС стал влиятельным центром мировой экономики и политики [Сидорова 2013]. В настоящее время эта группа стран представляет собой объединение глобального масштаба, ориентированное на диалог и партнерство при координации взаимодействия с целью создания «более демократического и справедливого многополярного миропорядка, основанного на верховенстве международного права, равноправии, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях и коллективном принятии решений всеми государствами» [Совместное заявление лидеров ...]. Кроме того, БРИКС рассматривается в качестве геоцивилизационного объединения нового поколения, объединившего ведущие государства пяти восходящих цивилизаций: китайской, индийской, евразийской, латиноамериканской, африканской [Перспективы и стратегические приоритеты ...].

Тем не менее в настоящее время БРИКС испытывает ряд трудностей, связанных с нестабильной внутренней политической и экономической ситуациями, вызванными под влиянием различных факторов, что негативно отражается на способности государств-членов объединения оказывать влияние на мировые политические и экономические процессы, например в экономической сфере. Так, Китай испытывает трудности с темпами экономического и промышленного роста: если в период с 2000 по 2009 гг. среднее значение составляло 10,3 %, то к 2017 г. показатели роста ВВП снизились до 6,7 %. При этом ожидается дальнейшее сокращение этого показателя. Россия и Бразилия в условиях экономического спада столкнулись с отрицательными темпами роста экономики. С замедлением темпов экономического роста столкнулись также Индия и ЮАР [GDP – Real Growth ...].

В политической сфере негативное влияние на позиции БРИКС оказал спорный (юридически и политически) импичмент демократически избранного президента Дилмы Русеф (2011–2016), усугубивший внутренние политические конфликты в стране. Приход к власти нового вице-президента Мишела Темера привел к консервации активного сотрудничества Бразилии со странами БРИКС по политическим вопросам в связи с близостью взглядов этого политического деятеля с истеблишментом США. Дальнейшее развитие событий, как и определение дальнейшей политики Бразилии в этом направлении, покажут предстоящие выборы главы государства. Возможная победа политика ультраправого толка Жаира Болсонару, часто именуемого в СМИ «бразильским Трампом», ставит под сомнение влияние БРИКС в Латиноамериканском регионе в связи с ориентацией кандидата на США и стремлением пересмотра отношений с Китаем в сторону ужесточения экономических барьеров в отношении китайской продукции [Добрынин 2018].

Политическая нестабильность отмечается и в ЮАР. В стране не первый год ведутся расследования о превышении полномочий первыми лицами государства. Помимо этого, ситуация осложняется процветанием nepотизма, семейственности и «клановости» в этой южноафриканской стране, что отчетливее дало о себе знать после отставки президента ЮАР Джейкоба Зумы (2009–2018) [Холодков 2018].

Стабильными на этом фоне выглядят Россия, Индия и Китай, которые в настоящее время не испытывают институционального кризиса, сохраняя политическую устойчивость на фоне внешнеполитической нестабильности.

Тем не менее, помимо внутренних политических проблем, в этих странах стоит говорить о *двусторонних проблемах* во взаимоотношениях между странами БРИКС. Существуют определенные разногласия, прежде всего между Китаем и Индией, связанных не только с различными политико-экономическими национальными интересами, но и с решением не всегда совпадающих геополитических задач. Например, ключевым вопросом для Индии в рамках БРИКС является позиция по вопросу о принадлежности территорий на границе с Пакистаном. Индия всячески стремится изолировать Пакистан на международной арене в рамках решения этого вопроса. Китай же стремится использовать БРИКС прежде

всего в качестве площадки для легитимации своих претензий на территории и архипелаги в Южно-Китайском море, не допустить укрепления Японии и Южной Кореи в Тихом океане, а также вырваться из морского кольца, созданного США для сдерживания развития Китая. Кроме того, причиной для столкновения интересов между Индией и Китаем является борьба за региональное лидерство и стремление к расширению геополитического влияния в Южной Азии и Юго-Восточной Азии, что вызывает некоторую напряженность в отношениях между странами. Некоторые территориальные споры периодически обостряются, например спор вокруг принадлежности Плато Доклам в Гималаях. Индия также обеспокоена другими формами регионального влияния Китая в регионе, например строительством крупного портового сооружения в Шри-Ланке, которое может использоваться в военных целях, а также созданием китайско-пакистанского экономического коридора, который пройдет по спорной индо-пакистанской территории в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Китай также обеспокоен военным сотрудничеством между Индией и США при участии Японии. Еще одним пунктом в разногласиях КНР и Индии является то, что Китай отказывается соглашаться на включение Индии в «группу ядерных поставщиков» (NSG). Это решение было впервые принято в 1974 г. в ответ на индийскую ядерную программу, что, в свою очередь, не позволяет Индии получить право на свободный экспорт и импорт ядерных материалов. Включение в NSG позволило бы Индии развивать свой ядерный потенциал, а также могло бы привести к большей независимости по вопросам развития национальной атомной энергетики.

Сохранение БРИКС при наличии подобных конфликтов интересов между государствами и внутри них могло бы поставить под сомнение дальнейшее взаимодействие в рамках БРИКС. Однако, руководствуясь принципом невмешательства во внутренние вопросы государств, страны – члены БРИКС не стремятся принимать участие в разрешении различных споров, затрагивающих национальные интересы стран объединения. По всем этим вопросам государства БРИКС стараются держать нейтралитет и не использовать обсуждение подобных вопросов вкупе с различными вопросами основной повестки дня.

По мнению ряда экспертов, США вводит торговые ограничения против России, Китая и Индии для ослабления БРИКС, снижая таким образом их роль в мировой экономике, в чем и выражается внешнее давление на становление альтернативного источника силы в мире [Петров 2018].

Несмотря на все разногласия и проблемы, с которыми сталкиваются страны группы, «хоронить» БРИКС еще рано. Организация продолжает активную деятельность, направленную на укрепление практического взаимодействия между государствами-членами по разнообразным направлениям (создание центров разработки вакцин, развитие сотрудничества в сфере миротворчества по линии ООН, продвижение туризма, продвижение инициатив о создании Платформы энергетических исследований и Женского делового альянса БРИКС и др.) [Выступление министра иностранных ...].

В то же время говорить о том, что БРИКС уже стал ключевым механизмом в рамках международных отношений, сравнимым с G-20 пока не совсем корректно. Однако, если странам группы удастся сформулировать и выработать общую стратегию, оформить консолидированные подходы к ответам на основные вызовы современности и разработать совместную геополитическую модель противодействия мировому единоправию США, то мы получим готовый мощный международный институт в рамках многополярного мира, обладающий колоссальными техническими, дипломатическими, демографическими и военными ресурсами [Дугин 2012]. В то же время все акторы мировой политики учитывают этот феномен в мировом политическом процессе и стараются найти подходы во взаимодействии с БРИКС. В этой связи целесообразно выделить рекомендации при работе с этой Организацией.

1. Во внешнеполитических документах развитых страны БРИКС должен пониматься как важный политический субъект, страны-члены которого по разным причинам не удовлетворены старым мировым порядком и созданными в нем международными институтами в рамках сложившегося доминирования англосаксонских геополитических акторов. Тем не менее страны БРИКС имеют политическую волю для того, чтобы отстаивать свои национальные интересы глобального масштаба. Учет данных обстоятельств будет способствовать развитию отношений государств с этим объединением.

2. Страны, относящие себя к глобальному Югу, можно охарактеризовать поздним включением в мировой политический и экономический процессы. Стало быть для приобретения суверенитета от бывших метрополий и более развитых государств глобального Севера им нужно более плотно взаимодействовать со странами БРИКС. Учитывая внешнеполитические установки и геостратегические задачи государств БРИКС, например, Китай и Россия ведут борьбу за Центральную Азию, где начиная с 1990-х гг. были сильны позиции ЕС и США, Бразилия и Индия выступают за уменьшение доминирования США в прибрежных регионах своих государств, развивающимся государствам будет проще реализовать свои амбиции в рамках трендов развития БРИКС. Кроме того, страны БРИКС не стремятся вмешиваться во внутренние дела государств, что является большим плюсом в укреплении положения Организации в качестве независимого и полноценного международного института многополярного мира.

В то же время необходимо отметить, что развитие отношений БРИКС с США не имеет особых перспектив. При построении своей внешней политики государства должны учитывать потенциально негативное воздействие США при попытках построения партнерских отношений с рассматриваемой Организацией. Это связано с тем, что и Россия, и Китай имеют разногласия с Вашингтоном по различным вопросам.

Кроме того, ЕС и отдельные страны этого надгосударственного объединения имеют больше шансов для налаживания двусторонних отношений с этой Организацией, так как не имеют значительного количества разночтений с членами БРИКС в рамках мирового экономического и политического процессов.

Многим государствам и надгосударственным образованиям есть, чему поучиться у государств БРИКС, так как эта Организация представляет собой успешный международный проект, который удалось реализовать, в то время как многие другие проекты на протяжении долгих лет остаются лишь на бумаге либо в головах политических деятелей тех или иных стран, например МИКТА (Мексика, Индонезия, Корея, Турция и Австралия).

Таким образом, основные интересы БРИКС – это не тотальная конфронтация с Западом, а распределение сфер влияния и постепенное реформирование системы международных отношений,

в которой сохраняются признаки однополярности. Лидеры стран БРИКС регулярно подчеркивают, что существующая структура международных отношений не является гарантом стабильного экономического развития стран – членов Организации и ее необходимо трансформировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на заседании министров иностранных дел стран БРИКС // Официальный сайт МИД РФ. 2018. 4 июня. URL: mid.ru/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3247892?novelty-display-dynamic=novelty
- Добрынин В.* Москва рискует потерять важнейшего союзника в Латинской Америке // ВЗГЛЯД. 2018. 14 апреля. URL: vz.ru/world/2018/4/14/917501.html
- Дугин А.* БРИКС: геополитика «второго мира» // Геополитика. 2012. Вып. XVIII. 6 с. URL: geopolitica.ru/magazine/vypusk-xviii-briks
- Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС / Научный доклад к VII саммиту БРИКС (сокр. версия) ; под ред. А. А. Акаева, В. А. Садовниченко, Ю. В. Яковца. М. : МИСК – ИНЭС – НКИ БРИКС, 2014. С. 10. URL: nkibrics.ru/ckeditor_assets/attachments/548e7dc36272693788000000/sokraschennaya_versiya_doklada.pdf?1418624451
- Петров А.* США используют торговые ограничения против России, Китая и Индии для раскола БРИКС // РИСИ. 2018. 10 мая. URL: riss.ru/smi/50317/
- Сидорова Г. М.* Вооруженный конфликт в Демократической Республике Конго и его последствия. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты) / отв. ред. И. О. Абрамова, Д. М. Бондаренко: коллективная монография. М. : Институт Африки РАН, 2013. С. 174–201.
- Совместное заявление лидеров стран БРИК // Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации. 2009. 16 июня. URL: kremlin.ru/supplement/209
- Холодков В.* Повлияет ли смена президента в ЮАР на отношения в БРИКС? // Официальный сайт Российского института стратегических исследований. 2018. 16 февраля. URL: riss.ru/events/47980/
- GDP – Real Growth Rate (%) // CIA. The World Factbook. URL: cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2003.html#in
- O'Neill J.* Building Better Global Economic BRICS // Goldman Sachs Economic Research Group. 2001. 31st of November. URL: goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf

УДК32.019.51

Е. В. Мартынов

кандидат филологических наук; доцент кафедры социальной работы, факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ); e-mail: martynov@mirmolodezhi.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ США

Статья направлена на анализ феномена социальной рекламы как особого инструмента государственной политики Соединенных Штатов. В качестве методологии используются принципы кейс-стади. Автор отмечает, что американское правительство нашло удобную модель в виде Рекламного Совета, который является важным медиатором, комфортной площадкой для коммуникации государства, негосударственных и коммерческих организаций по вопросам рекламы. Совет занимается планированием, разработкой, размещением социальной рекламы, а также координацией деятельности рекламодателей, рекламных агентств, финансово поддерживающих различного плана социально значимые проекты. Подчеркивается, что месседж социальной рекламы в США подается таким способом, чтобы американец самостоятельно сделал некоторые выводы. Отсутствие императивности, когда человек вынужден делать выводы самостоятельно, формирует доверие к информации, получаемой американцами от государства, укрепляет легитимность политического режима.

Ключевые слова: социальная реклама; США; государственная политика; общественное мнение.

E. V. Martynov

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Social Work of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: martynov@mirmolodezhi.ru

PUBLIC SERVICE ANNOUNCEMENT AS AN INSTRUMENT OF US PUBLIC POLICY

The article is aimed at the analysis of the phenomenon of social advertising as a special tool of the state policy of the United States. The case study principles are used as a methodology. The author notes that the us government has found a convenient model in the form of an Advertising Council, which is a important mediator, a convenient platform for communication between the state, non-governmental and commercial organizations on advertising. The Council is engaged in planning, development, placement of social advertising, as well as coordination of the activities of advertisers, advertising agencies, financially supporting various socially significant projects. It is emphasized that the message of social advertising in the United States is served in such a way that the American

made some conclusions. The absence of imperatives, when a person is forced to draw conclusions independently, creates confidence in the information received by the Americans from the state, strengthens the legitimacy of the political regime.

Key words: Public service; announcement; US; public policy; public opinion.

Социальная реклама является важным инструментом государственной политики в странах Запада. С одной стороны, за государством, сообразно с западной моделью, отвергаются идеологические функции, рассматриваемые в качестве признака тоталитарности. С другой – активно используются различные механизмы недирижистского воздействия на общественное мнение. Одним из таких механизмов недирижистской политики западных государств является социальная реклама. Характерен сам перенос рыночного понятия «реклама» на социальную сферу. Такая экстраполяция иллюстрирует типичный для западного общества подход универсализации рынка. Уместно говорить и о рыночной модели формирования политической культуры. Государство рекламирует тот или иной тип социального поведения, но не навязывает, а предлагает сообществу сделать выбор в пользу него. В этом отношении целесообразно дифференцировать собственно социальную рекламу и социальную пропаганду, более характерных для незападных моделей государства [Багдасарян, Сулакшин 2012].

Как особый механизм воздействия на общественное мнение, социальная реклама возникает в нормативном поле, регулируемом государством, зависит от действующих правил финансирования, реагирует на актуальные запросы общества, а также учитывает практику применения целого спектра технологий влияния на массовое сознание. Не являются исключением и Соединенные Штаты, где государство выступает основным заказчиком рекламы социального профиля. Следует уточнить, что термин «социальная реклама» (social advertising) в привычном понимании для россиян в Америке практически не используется, вместо него большее распространение получило понятие «общественная реклама» (Public service announcement – PSA). Но сами традиции управления социальной рекламой существуют в американском государстве довольно давно [Докторов 2018].

Американские власти пытались обратиться к социальной рекламе еще в период Гражданской войны между Севером и Югом. Тогда бесплатно публиковались объявления о военных парадах,

продаже государственных облигаций, найме рекрутов в армию. Кроме того, американское государство всегда старалось сотрудничать в социальной сфере с негосударственными организациями. Первой социальной рекламой, вызвавшей широкий резонанс в США, стала кампания 1906 г., инициированная Американской гражданской ассоциацией в защиту Ниагарского водопада от деятельности электрических фирм. Позже, когда США вступили в Первую мировую войну, появился Комитет по общественной информации. Перед Комитетом правительство поставило цель – объяснить, зачем Америка должна участвовать в мировой войне и почему в ней важно победить. Для координации национального рынка социальной рекламы в Соединенных Штатах в 1942 г. Комитет преобразовали в неправительственный орган – Рекламный Совет (Ad Council), включающий в свою структуру множество государственных, некоммерческих и коммерческих организаций. Другими словами, Совет является влиятельным медиатором, на площадке которого пересекаются и соотносятся интересы государственных и негосударственных акторов.

Изначально (1950–1960) Совет был довольно консервативен в выборе проблематики для рекламных кампаний – он призывал пристегивать ремни безопасности, писать письма солдатам, воюющим в Корее, спасать леса от пожаров. Тем не менее, когда для удобства были введены специальные персонажи социальной рекламы – Плачущий индеец и Мишка Смоки, ставшие впоследствии известными по всей стране, рекламный эффект имел определенный результат – граждане стали не просто массово покупать облигации государственного займа, но и уменьшилось число дорожно-транспортных происшествий, а число лесных пожаров сократилось наполовину [Астахова]. Актер Айрон Айз Коуди, ставший позже известным как Плачущий индеец, создал незабываемый образ в рекламе первого Дня Земли 1971 г., когда актуализировалась тематика опасности мусора и других видов загрязнений для окружающей среды. Совет здесь активно сотрудничал с организацией Keen America Beautiful. Вместе с тем излишняя осторожность и умеренность Совета в выборе тем стала вызывать критику. В ответ на это Рекламный Совет стал поднимать проблематику более «горячих» тем – неграмотности среди американцев, насилия над детьми, Вьетнамской войны. Совет подключил к кампаниям социальной

рекламы различные государственные ведомства – Министерство здравоохранения, Министерство связи, службу иммиграции.

В рамках государственной политики снижения межрасовых конфликтов социальная реклама затрагивала и типично расовые темы, актуальные в Соединенных Штатах. Например, социальный ролик «Supporting minority education – Little brother», вышедший на экраны в 1972 г., призывал граждан оказать поддержку United Negro College Fund – фонду образования афроамериканцев. С помощью такого приема собрали свыше 2,2 млрд долл. США, более 35 тыс. афроамериканских студентов получили дипломы.

Рекламный Совет стал тесно сотрудничать и с такой американской организацией, как Национальный Совет по предупреждению преступности [Масальцев]. Их совместными усилиями в рамках государственной антикриминальной политики в 1979 г. была запущена социальная реклама «Дайте бой преступности», где телезрителям стали показывать пса-детектива Мак Граффа, стараясь управлять профилактикой преступлений через воздействие на целевую аудиторию детей. Современные американские дети легко узнают этого персонажа, который дает советы в сфере безопасности как им, так и их родителям. Американская полиция сразу стала использовать этот персонаж для просвещения детей об опасности преступного мира.

С 1983 г., когда была запущена рекламная социальная кампания «Friends don't let friends drive drunk», свыше 70 % американцев стали внимательнее относиться к предотвращению фактов вождения автомобиля в нетрезвом состоянии. После цикла этой социальной рекламы в культуру американцев вошла практика так называемого приглашенного водителя. Рекламная социальная кампания «Crash test dummies: double date» также стала проводником государственной политики в сфере повышения безопасности дорожно-транспортного движения. Эта реклама объясняла американским водителям, что наиболее совершенное средство от получения травм в автокатастрофах – это ремни безопасности. Ролик с куклами аварийных испытаний Ларри и Винса стал известен с 1985 г. В итоге число людей, пользующихся ремнями безопасности, выросло с 14 до 83 %, с 1985 по 2007 гг. с помощью него было спасено около 234 тыс. жизней [Масальцев]. Важно отметить, что целенаправленная государственная политика США,

которая использует медиационные возможности Рекламного Совета для воздействия на массовое сознание и привычки граждан через социальную рекламу государственных и негосударственных организаций. Эта целенаправленность хорошо видна в преамбуле, ведь попытки снижения аварий на улицах американских городов и трассах уже предпринимались Национальной службой безопасности с 1945 г. В 1963 г. появился слоган «Buckle up for safety» («Пристегнись для безопасности»). Результатом стало увеличение фактов установок ремней безопасности в автомобилях.

Современный американский Рекламный Совет работает над планированием, разработкой и размещением социальной рекламы, он также занимается координацией деятельности рекламодателей, рекламных агентств, финансово поддерживающих различного плана социально значимые проекты. Его миссия касается пропаганды здорового образа жизни, повышения финансовой грамотности, вопросов насилия в обществе. Каждый год Рекламный Совет организует порядка сорока рекламных кампаний, ориентированных на совершенствование системы образования, предотвращение конфликтов в семьях, повышение качества жизни детей, профилактику заболеваний, проявляющиеся экологические, а также другие важные для американцев проблемы [Чубай 2017]. Ежегодно Совет организует церемонию награждения лидера того или иного СМИ (Silver and Gold Bells) либо корпорации (Public Service Award) за щедрость и активность при создании социальной рекламы. Раз в два года Совет организует серию специальных семинаров для представителей государственных и некоммерческих организаций с целью передачи опыта о наиболее эффективных социальных кампаниях. Данная структура занимается еще и специальными исследованиями для выявления наиболее важных общественных вопросов.

Фактически государство через Совет определяет набор проблем национального масштаба, чтобы потом принимать решение о проведении рекламных кампаний и включении в работу специалистов-рекламщиков, организующих деятельность масс активистов на волонтерской основе. В связи с тем, что Рекламный Совет считается престижным заказчиком, на него работают наиболее профессиональные рекламные агентства, разрабатывающие креативные решения привлечения внимания общественности

к социально значимым вопросам, изменения мнения американцев по отношению к той или иной проблеме. Лучшие эксперты в сегменте маркетинга оценивают уровень профессионализма подобных рекламных агентств [Папаян, Ефремушкина 2012]. Такого рода работа оценивается по серьезным тарифам, как и коммерческая реклама. Платное либо бесплатное размещение рекламы в массмедиа зависит от сюжета и содержания рекламы – к примеру, если реклама выступает против или за того или иного законодательного акта, то место для объявления, ролика дается по специальным расценкам, если же реклама поднимает важную в социальном плане проблему, то за место и время для ролика сообщения плата может не взиматься.

Теоретики социальной рекламы расценивают подобную политику как логичную реакцию американского правительства на вызовы, возникающие перед социумом, правильное поведение государства, постоянно показывающего, что ему важно заботиться о гражданах и ему не безразличны общественные проблемы. Эти проблемы после кризиса 2008 г. стали восприниматься в американском обществе с особой остротой [Бородаевский 2013]. Государство в США учитывает высокую восприимчивость населения к техникам социальной рекламы, его способность менять свое отношение к различного рода социально-политическим проблемам. По этой причине американское государство вкладывает в социальную рекламу онтологические ценности различия добра и зла, долга, справедливости, одинакового и равного обращения с окружающими. Ценности удачно связываются с нормативно-правовыми рамками американской жизни – постоянно подчеркивается значимость ответственности гражданина за свои поступки, уважения достоинства и прав других людей [Goodrum, Dalrymple 2010, с. 317]. Хотя социальная реклама в США презентуется в основном на безвозмездных условиях, в последнее время появилась и другая тенденция – часть некоммерческих организаций специально оплачивает трансляцию своего месседжа, чтобы контролировать время, расписание, график выхода в эфир сообщения.

Ключевыми направлениями жизни, которые затрагивает американская социальная реклама, являются: проблемы развития американского социума (налоговая, молодежная, финансовая, образовательная политика, институт семьи, общечеловеческие ценности, здравоохранение, страхование); безопасность городской среды для

человека (дорожно-транспортная, экологическая, инфраструктурная, правоохранительная политика, беженцы, бездомные); вопросы обретения социальных гарантий и равноправия (профилактика насилия в семьях, права пожилых граждан, женщин, достижение толерантности по отношению к инвалидам); экологические аспекты (пропаганда моделей рационального природопользования, химическая, радиационная безопасность).

В связи с тем, что основная стратегическая цель социальной рекламы – изменить социальное поведение людей, американское государство заказывает такой месседж, который учитывает специфику менталитета, политической культуры и сознания граждан США, а именно – определенную долю их прагматизма. Поэтому американский социально ориентированный рекламный текст содержит месседж с числительными, обозначающими даты, время, возраст, процентные показатели, период (к примеру, государственные организации практикуют указание номера горячей анонимной линии). Это осуществляется для успешного эмоционального воздействия и языкового манипулирования на подсознание человека посредством информирования его о последствиях социальных проблем. Дело в том, что американец как потребитель (консьюмер) информационного контента не осознает, а в основном воспринимает месседж как элемент объективной реальности (если конечно он не специалист в той или иной области) [Багдасарян 2014; Федулин, Багдасарян 2012]. Вот почему месседж социальной рекламы подается таким способом, чтобы американец самостоятельно сделал некоторые выводы. А так как человек вынужден делать выводы самостоятельно, то подобного рода информацию он воспринимает доверчиво, менее критично, близко к своей жизни. Что отличает американскую социальную рекламу от российской. Последняя больше использует императивный месседж – или ты поступаешь так, или ты окажешься в негативной ситуации.

Примечательно, что слово «один» (one) в американской социальной рекламе используется в пронумерованном тексте, инструкциях не в плане чего-то единичного, незначительного, а в ракурсе уникального, важного. Следовательно, в списках (если таковые есть в социальной рекламе) первый пункт означает наиболее важный контент, или самые эффективные и необходимые действия американца в определенных ситуациях. Хорошо это видно на

примере социальной рекламы о вреде табакокурения. В тексте рекламы «Cigarette smoke contains 101 poisons. That's a hundred more than rat poison» числительное 101 является качественной характеристикой негативного влияния на организм человека дыма сигареты, а не обычной дополнительной информацией [Кузнецова 2012]. В социальной рекламе количество переходит в качество, которое, в свою очередь, связано с количественной оценкой.

Американская социальная реклама учитывает и местные корпоративные ценности, которые насаждаются в обществе как государством, так и крупным бизнесом. Отсюда в социальных месседжах, направленных на целевую аудиторию, вместо императивных форм применяется обращение во втором лице, практика собирательного «мы» в смысле «мы справимся вместе с проблемой». Часто применяется прием «размышления вслух», когда обыгрываются разные социальные ситуации, где американец должен сделать важный выбор. Эффект гиперболы задействован там, где поднимается тема причинения вреда государству, обществу. Показывается масштабность проблемы, актуализируется немедленное прекращение конкретных действий. Техника обращения к авторитету отчетливо просматривается при включении в ролик социальной рекламы специалистов здравоохранения, образования, науки [Селянская 2014]. Метод риторического вопроса посредством речевых конструкций перенаправляет внимание реципиента на самого себя, а после этого на его мнимые и реальные нужды. Прием олицетворения предполагает перенос человеческих признаков, черт, характеристик на неодушевленные явления, предметы, животных. Он хорошо привлекает внимание за счет своей фантастичности (например, «Cigarettes kill you», «Drugs destroy your brain», «Alcohol make you feel invulnerable» и т. п.).

В настоящее время американское государство учитывает тренды цифровизации социальных отношений, происходивших в условиях наступления информационного сетевого общества. Размещение социальной рекламы через средства интернет-коммуникации сокращает финансовые расходы, преодолевает пространство и время. Транслирование месседжа социальной рекламы в Интернете обладает «вирусным характером» – власти могут сразу доносить до целевых аудиторий свое сообщение – через сайты, социальные сети, видеохостинги, форумы, микроблоги, мессенджеры.

Подобным способом американские власти добиваются важной цели – повышения доверия к существующему политическому режиму [Федорченко 2018].

Однако наступление цифрового общества создает и новые угрозы для безопасности американских граждан. В 2000-х гг. Министерство транспорта США инициировало новый проект социальной рекламы. Его задача – заставить американских водителей отказаться от использования за рулем смартфонов (увлечение общением через социальные сети и SMS-переписку во время управления автомобилем вполне можно сравнить по степени опасности с вождением в стадии алкогольного опьянения). Примечательно, что сам телефонный разговор особо не влияет на риски дорожно-транспортных происшествий (автомобильный Hands Free, как правило, решает эту проблему), однако риски попасть в аварию резко возрастают, если пользоваться SMS, набором номера, просто тянуться за телефоном. По оценке ведомства, только в 2012 г. 3328 американцев погибли в дорожно-транспортных происшествиях, причинами которых стали именно отвлекающие факторы различного плана, при этом порядка 421 тыс. 10 человек были ранены из-за аварий. В социальном ролике Министерства: «Ты ведешь машину. Ты пишешь. Ты платишь» показывается жестокий случай с подростками, которые попали в аварию на машине из-за решения ответить на сообщение во время вождения. В конце ролика используется прием апелляции к авторитету, – к автомобилистам обращается американский полицейский, объясняющий, что одно предупреждение такого рода может все-таки спасти чью-то жизнь [Последнее SMS за рулем ...]. Над социальным роликом работала профессиональная студия The Tombras Group.

Таким образом, социальная реклама выступает важным инструментом государственной политики в Соединенных Штатах. При этом социальная реклама учитывает менталитет, политическую культуру, ценности и традиции американцев. Американское правительство нашло удобную модель в виде Рекламного Совета, который является важным медиатором, необходимой площадкой для коммуникации государства, негосударственных и коммерческих организаций по вопросам рекламы. Совет занимается планированием, разработкой, размещением социальной рекламы,

а также координацией деятельности рекламодателей, рекламных агентств, финансово поддерживающих различного плана социально значимые проекты. Миссия Совета касается пропаганды здорового образа жизни, повышения финансовой грамотности, вопросов насилия в обществе, профилактики преступности, наркомании. Социальная реклама умело сочетает различные технологии воздействия на социальное поведение американцев – эффект гиперболы, технику обращения к авторитету, метод риторического вопроса, прием олицетворения и др. Подобного рода опыт может быть полезен и для современной российской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астахова Т.* Хорошие идеи в Америке рекламируют. URL: socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=4930&SECTION_ID=107 (дата обращения: 06.05.2018).
- Багдасарян В. Э.* Сервис и консюмеризм: вызов общества неограниченного потребления // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 2. С. 10–19.
- Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С.* Высшие ценности Российского государства. Серия «Политическая аксиология»: Монография. М. : Научный эксперт, 2012. 624 с.
- Бородаевский А. Д.* Некоторые тенденции в экономике США и глобальный кризис // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Экономические науки. 2013. № 6 (666). С. 41–63.
- Докторов Б. З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: в 2 ч. Ч. 1. Научная реклама. М. : Юрайт, 2018. 263 с.; Ч. 2. Научные опросы общественного мнения М. : Юрайт, 2018. 367 с.
- Кузнецова Н. В.* Роль числительных в текстах социальной рекламы США // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2012. № 3. С. 101–107.
- Масальцев М.* Users are losers: социальная реклама из Америки. URL: philanthropy.ru/cases/2011/03/30/5382/ (дата обращения: 06.05.2018).
- Папан Ж. К., Ефремушкина Е. В.* Правовое регулирование социальной рекламы в США // Вестник Московского государственного университета печати. 2012. № 5. С. 60–66.
- Последнее SMS за рулем: жесткая социальная реклама в США. URL: macdigger.ru/iphone-ipod/poslednee-sms-za-rulem-novaya-socialnaya-reklama-v-ssha-video.html (дата обращения: 06.05.2018).

- Селянская Е. А.* Сравнительный анализ стилистических особенностей дискурса американской и российской социальной рекламы // Язык и культура. 2014. № 10. С. 149–156.
- Федорченко С. Н.* Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: монография. М. : ИИУ МГОУ, 2018. 202 с.
- Федулин А. А., Багдасарян В. Э.* Сервис и ценности: вызов консюмеризма. М. : Собрание, 2012. 264 с.
- Чубай С. А.* Современная социальная реклама в России и США: тематика и особенности функционирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 4. С. 201–206. DOI: doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.19
- Goodrum Ch. A., Dalrymple H.* Advertising in America. The First 200 Years. N. Y. : Harry N Abrams Inc. 2010. 477 p.

УДК 338.22.021.1; 327.8

Ю. В. Синчук

доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета МГЛУ; e-mail: sinchukjv@mail.ru

АРКТИКА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ СУБЪЕКТОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье анализируются Арктические стратегии приарктических государств – Российской Федерации, США, Норвегии, Дании и Канады, а также их притязания на расширение их исключительных экономических зон. Описываются некоторые спорные моменты о самом понятии «Арктика» для разных государств.

Ключевые слова: Арктика; исключительные экономические зоны; политика; Россия.

Yu. V. Sinchuk

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor Head of the Department of theory and history of international relations, MSLU; e-mail: sinchukjv@mail.ru

THE ARCTIC IN THE FOREIGN STRATEGIES OF THE SUBJECTS OF THE WORLD POLITICS

The article describes the Arctic strategies of the Arctic states, which are the Russian Federation, the USA, Norway, Canada and Denmark. There is also the information, concerning their aspirations to extend their exclusive economic zones.

Key words: Arctic; exclusive economic zone; Russia; politics.

Арктика является объектом спора для пяти арктических государств – РФ, США, Норвегии, Дании и Канады. Арктические стратегии приарктических государств, их притязания на расширение их исключительных экономических зон являются источником противоборства, споров.

Все приарктические государства имеют в своем составе территории, лежащие за линией Полярного круга. Всевозможная ресурсная база, находящаяся в пределах государственных границ каждого из государств, принадлежит только этим государствам, согласно их конституциям и Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств, от 9 декабря 1981 г., которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН [Декларация ... 1981].

Однако Арктические воды являются объектом спора для арктических государств. Понятие «Арктика» в разных странах трактуется по-разному. Канада, например, еще в 1925 г., определила

всё, что находится севернее параллели 60-градусной широты между Северным полюсом и крайней точкой ее северных берегов, как свою арктическую область, согласно Секторальному подходу, господствующему в первой половине XX в. [Синчук 2017]. Согласно современному российскому представлению об Арктике, исходя из территорий, перечисленных в Указе Президента от 02.05.2014 г., арктическими территориями считаются те, которые находятся за Полярным кругом, т. е. Российская Арктика начинается севернее Канадской [Указ Президента Российской Федерации ... 2014]. Можно отметить, что Арктический регион представляет собой достаточно противоречивое явление в контексте международных отношений – разногласия начинаются еще с самого вопроса «что считать Арктикой?»

В 1982 г. была принята Конвенция ООН по морскому праву. Согласно данной Конвенции, власть государств распространялась лишь на их исключительную экономическую зону (до 200 морских миль от берега) [Конвенция ООН по морскому праву ...]. На свою экономическую зону в Арктике лишилась Финляндия, потерявшая выход к Северному Ледовитому океану в 1944 г., в результате передачи Советскому Союзу района Печенги¹. Швеция и Исландия по своему географическому положению не имеют исключительной экономической зоны в Арктических водах. Таким образом, в споре за Арктические воды участвуют пять государств – Россия, США, Канада, Норвегия и Дания.

Согласно Конвенции ООН, приарктические страны, имеющие выход к Северному Ледовитому океану, разделили Арктику на экономические зоны. Международные воды, т.е. те, которые лежат выше исключительных экономических зон государств, и сам Северный полюс являются общемировым регионом, не принадлежащим ни к одному из государств.

После ратификации Конвенции ООН по морскому праву государства в течение десяти лет имели право претендовать на продление континентального шельфа, в случае если они могли доказать, что их континентальный шельф действительно длиннее, чем

¹ Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией – с другой от 19 сентября 1944 г.

считалось ранее. Увеличение протяженности континентального шельфа позволяет увеличить исключительную экономическую зону. После ратификации Конвенции Норвегия, Россия, Канада и Дания запустили проекты, чтобы доказать протяженность своего континентального шельфа.

Норвегия ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву в 1996 г., а в 2006 г. подала заявление в ООН с целью увеличить свою исключительную экономическую зону, доказывая большую протяженность своего континентального шельфа. Норвегия объявила о своих притязаниях на три района в Северо-Восточной Атлантике и Арктике – область Баренцева моря, Западный бассейн Нансен в Северном Ледовитом океане и «Банана хол» в Норвежском море [Синчук, Журавель 2017].

Дания присоединилась к Конвенции ООН по морскому праву в 2004 г., а в 2014 г. заявила о претензиях на увеличение протяженности своего континентального шельфа в ООН. Гренландия является автономией внутри Королевства Дании и имеет близкую к Северному полюсу береговую линию. Дания претендует на то, чтобы признать Хребет Ломоносова подводным продолжением Гренландии [Territorial Claims]. В 2014 г. Дания заявила о том, что подводная часть Гренландии в 895 тыс. км² пересекает Северный полюс, а значит, Российская, исключительная экономическая, зона должна быть сокращена. Таким образом, Дания претендует не только на сам Северный полюс, но и на часть Российского арктического сектора [Касюк, Манохин, Харичкин 2016].

Россия ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву в 1997 г. Еще в 2001 г. Российская Федерация направила запрос в ООН на признание принадлежности России хребта Ломоносова [Абгарян, Синчук, Чашихин 2010]. В 2007 г. Россией была проведена экспедиция «Арктика – 2007», в результате которой на дне Северного Ледовитого океана был установлен флаг Российской Федерации. Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации было заявлено, что по результатам анализа земной коры, хребет Ломоносова является продолжением континентального шельфа России [Canada to claim... 2013].

Канада присоединилась к Конвенции ООН по морскому праву в 2003 г. О претензиях на расширение своего континентального шельфа заявила в 2013 г. В намерения Канады входит доказать

принадлежность Канадской арктической зоне Северного полюса. Канада в 2013 г. также заявила об обеспокоенности увеличения присутствия Российской Федерации в Арктике [Lackenbauer, Whitney, Morrisson 2008].

Что касается США, на данный момент Конвенция ООН по морскому праву с их стороны подписана не была. Таким образом, США не имеют права претендовать на расширение своего континентального шельфа. Однако в 2007 г. береговая охрана США исследовала морское продолжение Аляски, с целью также доказать расширение своего континентального шельфа [Синчук 2017; Синчук, Журавель 2017].

Новое геополитическое значение Арктики в современных условиях, связанное с материальным базисом – открытием огромных углеводородных запасов на арктическом шельфе, вызывает к ней повышенный интерес и привлекает пристальное внимание большого числа влиятельных государств, в том числе расположенных за географическими пределами региона. Арктика утратила статус периферийного района и оказалась в центре внимания многих наций. Наблюдаемое в последние годы отступление льдов, по мнению экспертов, может привести к конфликту и военной конфронтации в ходе конкуренции разных стран за ресурсы региона.

Запасы северных кладов России привлекают особое внимание соседних государств. Арктическая зона является крупнейшим сырьевым резервом страны, где сохранились практически нетронутые ресурсы углеводородного и минерального сырья глобального значения – как общероссийского, так и мирового. В Арктике сосредоточены основные запасы ряда важнейших полезных ископаемых, которые являются определяющими для развития экономики Российской Федерации:

- запасы газа промышленных категорий Арктической зоны составляют 80 % от общероссийских;
- 90 % извлекаемых ресурсов углеводородов всего континентального шельфа России, в том числе 70 % – на шельфах Баренцева и Карского морей;
- прогнозируется наличие углеводородов и в глубоководной части Северного Ледовитого океана в огромных количествах – приблизительно 15–20 млрд т условного топлива;

– в Арктической зоне сконцентрирована подавляющая доля общероссийских и общемировых запасов, в том числе золота – 40 %, нефти – 60 %, газа – от 60 до 90 %, из них 30 мировых, хрома и марганца – 90 %, платиновых металлов – 47 %, коренных алмазов – 100 % и т. д.

– в Арктической зоне добывается 100 % алмазов, сурьмы, апатитов и др. металлов и минералов, редких металлов, редких земель, 98 % платиноидов, 95 % газа, 90 % никеля и кобальта, 60 % меди и нефти.

По общим оценкам, стоимость минерального сырья арктических недр превышает 30 трлн долл. США, причем две трети из них – это стоимость энергетических ресурсов. Общая стоимость разведанных запасов минерального сырья недр Арктической зоны составляет, по ориентировочным оценкам, 1,5–2 трлн долл. США [Путин призвал отказаться... 2017].

Наличие у ряда компаний и стран современных технологий добычи углеводородов на шельфе дополняется возможностями прямого доступа к их арктическим кладовым в связи с активным таянием льдов, вызванным климатическими изменениями. Появляется также вероятность создания в Арктике в ближайшие десятилетия новых глобальных торговых маршрутов, что привлекает внимание крупнейших торговых наций и судоходных компаний [Размороженный маршрут: как пираты...].

Северный морской путь из Европы в Азию сегодня рассматривается как один из ключевых торговых маршрутов глобального значения и масштаба. Арктика утратила статус периферийного района и оказалась в центре внимания многих наций. Вопросы развития региона Арктики вызывают серьезные разногласия. Стратегической отраслью для России является морской транспорт.

Северный морской путь (Севморпуть) – кратчайшая трасса между портами Северной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, она проходит вдоль побережья России. Зимой этот путь сковывают непроходимые льды, зато в летнюю навигацию, продолжающуюся примерно 120 дней, время движения судна из Роттердама (Нидерланды) до Иокогамы (Япония) по Севморпути сокращается на 15 суток по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал.

Развитию судоходства вдоль северного побережья способствовало и смягчение природно-климатических условий в Арктике. По

преварительной оценке профессора Кембриджского университета П. Вадамса, к 2016 г. Северный Ледовитый океан будет полностью свободен ото льда в летний период. Этот вывод подтверждается спутниковыми наблюдениями NASA, зафиксировавшими в сентябре 2012 г. исторический минимум площади ледового покрытия за все время 34-летнего мониторинга (3,41 млн км², что в два раза меньше среднего значения в 1980–2000 гг.) [Синчук 2012; Синчук 2013].

В результате вопросы делимитации арктического шельфа и проблемы применимости Международного морского права к Арктике превратились в важнейшие темы мировой политики.

В рамках IV Международного арктического форума «Арктика – территория диалога», прошедшего в Архангельск 29–30 марта 2017 г., было отмечено, что в целях ответственного и бережного освоения и развития Арктики необходимы конструктивный диалог, обмен опытом, поиск решений и консолидация усилий представителей науки, бизнеса и власти, а также общественных организаций.

Президент России В.В.Путин заявил, что Арктика должна стать пространством для открытого и равноправного диалога, основанного на принципах всеобщей и неделимой безопасности, в котором нет места для геополитических игр военных блоков, закулисных соглашений и раздела сфер влияния [Путин призвал отказаться ... 2017].

Россия сохраняет приверженность мирному освоению Арктического региона «при соблюдении собственных национальных интересов и безусловном уважении интересов других стран». От устойчивого развития Арктики зависит благополучие арктических и других государств. Деятельность РФ направлена на создание современной комфортной среды жизнедеятельности на Арктических территориях, на сохранение самобытности коренных народов как носителей генетически унаследованного знания об этих суровых условиях жизни, о возможности выживании в них и процветания.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что Арктика является регионом достаточно спорным, особенно с учетом того, что располагает достаточным количеством выгодных пунктов и требует особого подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абгарян Р. Э., Синчук Ю. В., Чащихин Б. Д. Политология и политическая теория. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. 460 с.
- Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (Резолюция 36/103 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1981 г.).
- Воронков Л. Арктика на восьмерых. Эволюция роли НАТО в арктических широтах. 29 июня 2013. URL: globalaffairs.ru (дата обращения: 10.04.2013).
- Касюк А. Я., Манохин И. В., Харичкин И. К. Глобализация и новый мировой порядок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 10 (749). С. 167–181.
- Конвенция ООН по морскому праву. URL: un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 17.12.2017).
- Путин В. В. Совещание по вопросу комплексного развития Арктики. Президент России. События 29 марта 2017 г. Архангельская область. URL: kremlin.ru/events/president/news (дата обращения: 30.03.2017).
- Путин В. В. призвал отказаться от геополитических игр в Арктике. 30 марта 2017 г. URL: lenta.ru/news/2016/08/30/nikakikh_igr (дата обращения: 30.03.2017).
- Размороженный маршрут: как пираты помогли России заработать в Арктике. URL: forbes.ru/infographics/sobytiya/biznes/237044-razmorozhennyy-marshrut-kak-piraty-pomogli-rossii-zarabotat-na-s. (дата обращения: 10.04.2013).
- Синчук Ю. В., Синчук И. Ю. К вопросу о безопасности российского государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2012. № 5. С. 141–147.
- Синчук И. Ю. Методологические основы судоходной политики России в обеспечении национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2013. № 2. С. 93–98.
- Синчук Ю. В., Журавель В. П. Арктика: НАТО contra Россия / Геополитика и безопасность. 2017. № 3 (39). С. 113–120.
- Синчук Ю. В. Арктика в современном мире // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. № 4. С. 128–132.
- США намерены контролировать Арктику. URL: dni.ru (дата обращения: 25.9.2012).
- Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 02.05.2014 № 296. URL: kremlin.ru/acts/bank/38377 (дата обращения: 17.12.2017).

Territorial Claims. URL: arcticcontroversy.weebly.com/territorial-claims.html (дата обращения: 17.12.2017).

Canada to claim north pole as its own. URL: theguardian.com/world/2013/dec/10/canada-north-pole-claim (дата обращения: 17.12.2017).

Lackenbauer P. Whitney, Morrisson William, Poelzer Greg (2008). Arctic Front: Defending Canada in the Far North. Thomas Allen Publishers. P. 109.

УДК 327.8

Ю. В. Синчук, И. К. Харичкин

Синчук Ю. В., доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: sinchukjv@mail.ru

Харичкин И. К., доктор философских наук, профессор; заместитель директора Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: harichkin@starlink.ru

КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫЙ ГОССЛУЖАЩИЙ

В статье рассматривается проблема восстановления традиционных профессиональных ценностей государственной службы, выработка системы стимулирования высоконравственного поведения чиновников и положительной мотивации на добросовестный труд и исполнение служебного долга.

Ключевые слова: кадровый состав; государственная служба; система стимулирования; высоконравственный чиновник; мотивация; добросовестный труд; служебный долг.

Yu. V. Sinchuk

Doctor of political Sciences, Professor; Head of the Department of theory and history of international relations Moscow State Linguistic University; e-mail: sinchukjv@mail.ru

I. K. Kharichkin

Doctor of Philosophy, Professor Deputy director of the Institute of international relations and social-political sciences MSLU; harichkin@starlink.ru

COMPETITIVE CIVIL SERVANT

The article deals with the problem of restoring the traditional professional values of public service, the development of incentive systems moral conduct of officials and positive motivation for hard work and duty.

Key words: the staff, civil service, system of incentives, moral, official, motivation, hard work, duty.

Государственная гражданская служба, выступая в качестве государственного политического института, должна решать проблемы социальной стабилизации, экономического развития, духовного оздоровления общества, выступать гарантом построения правового государства. В связи с возникшей необходимостью преодоления

кризисных явлений в современном российском обществе, формирования современного конкурентоспособного государства, эффективно решающего проблемы социально-экономического и общественного развития, особые требования предъявляются к профессиональным и духовно-нравственным качествам государственных служащих.

Выход российского общества из кризиса, освоение передовых достижений мирового сообщества невозможны без качественного повышения профессионального уровня кадров государственного управления. Решение новых задач, поиск эффективных методов реализации функций органов государственного управления требуют от государственных служащих высокого уровня профессионализма, готовности к творческому и саморазвитию как в профессиональном, так и в личностном плане. От профессионализма и нравственности во многом зависит не только авторитет власти, эффективность реализации стратегических целей и конкретных решений на всех уровнях управления, но и социальное самочувствие общества в целом.

Анализ результатов реформирования свидетельствует, что реализация программных мероприятий признается неэффективной как государственными заказчиками, так и экспертами: за достаточно длительный период реформирования удалось лишь дополнить правовое обеспечение госслужбы, разработать отдельные методики, провести некоторые пилотные проекты, аналитические исследования и т. п. Как следствие, необходим переход от законодательных актов и методических предложений к практике масштабных преобразований [Борщевский 2014].

В процессе исследования выявлены причины снижения уровня влияния субъекта управления на должностной рост гражданских служащих и на качество кадрового состава гражданской службы: приоритет личных связей при решении кадровых вопросов; освоение лиц, занимающих ключевые должности на гражданской службе от конкурсных процедур и аттестаций; недооценка работы гражданских служащих, занимающихся инновациями и проявляющих творческий подход к гражданской службе. Также были выявлены причины, снижающие эффективность отбора технологий повышения качества кадрового состава гражданской службы: отбор на службу лиц, для которых служение государству и обществу

не является приоритетом; игнорирование задач улучшения качественных показателей кадрового состава как целостности при отборе граждан на конкретные должности; обеспечение стабильности кадров за счет сохранения личных связей с руководством.

Раскрыто, что остро ощущается недостаток в специалистах по государственному управлению, управлению персоналом и информационному обеспечению.

В системе дополнительного профессионального образования обнаружены несоответствия: между высокой потребностью государственных гражданских служащих в переподготовке и политической государственных органов по снижению роли этой формы улучшения качества кадрового состава гражданской службы; между потребностью в повышении квалификации лиц, впервые поступивших на гражданскую службу, и возможностями системы дополнительного образования в удовлетворении этой потребности; между ростом профессиональных знаний части гражданских служащих и их низкой востребованностью на службе [Прокофьев 2014].

Реализация в течение последних десяти лет масштабных федеральных программ, в частности федеральной программы «Развитие государственной службы Российской Федерации (2015–2018)» и план мероприятий по развитию системы государственной службы Российской Федерации до 2018 года», направленных на реформирование и развитие государственной службы как социального и правового института, свидетельствует об актуальности и необходимости реформирования государственной службы. Современный этап развития государственной службы характеризуется как эволюционный, признанный закрепить достигнутые результаты и обеспечить повышение эффективности и результативности государственного управления.

От уровня профессионализма кадров государственных органов в определяющей мере зависят результаты реформирования государственной службы и эффективность государственного управления в целом.

Назрела необходимость в разработке концептуально новых подходов к системе профессиональной подготовки госслужащих. Нужны подходы, преодолевающие разорванность индивидуального, личностного и субъектно-деятельностного развития, обеспечивающие организацию и оптимизацию этого процесса, при котором

достигается устойчивый интерес и формируются способности субъекта к самопознанию, саморазвитию и самореализации в процессе профессионального становления [Гусева 1997].

Немаловажным условием успешной карьеры является конкурентоспособность госслужащего. Конкурентоспособным считается госслужащий, имеющий явные преимущества в сравнении с другими госчиновниками благодаря своему личностному и профессиональному потенциалу; способный выдержать конкуренцию, преодолеть препятствия; закрепить эту успешность в сознании других и сделать собственную карьеру определенной нормой, примером для других.

От работников, претендующих на успешную профессиональную карьеру, требуется способность адаптироваться к часто меняющимся условиям организационной сферы и эффективное самообразование; преобразовательная деятельность по отношению к самому себе – аутопсихологическая компетентность. В качестве существенных личностных детерминант, обеспечивающих достижение карьерного успеха, определены высокая самооффективность, выраженная интернальность, высокий уровень самоконтроля и личной ответственности, пониженная склонность к провоцирующим видам поведения, отсутствие фиксации на прежних психотравмах, большая психологическая стабильность [Лотова 2004].

Конкурентоспособный госслужащий имеет явные преимущества в сравнении с другими государственными чиновниками благодаря своему личностному и профессиональному потенциалу. Он способен выдержать конкурсы, выборы, изменившиеся условия среды, преодолеть препятствия, добиться успеха в жизни, профессиональной сфере, закрепить эту успешность в сознании других людей и сделать свои действия определенной нормой для других. Конкурентоспособный госслужащий – это лидер, у которого хорошо развиты адаптационные и технологические способности. Детерминантами конкурентоспособности являются интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные преимущества и составляющие здоровья госслужащего.

В зависимости от личностных особенностей госслужащих: самооценки (представление человека о важности своей личности, деятельности среди других людей и оценивание себя и собственных качеств и чувств, достоинств и недостатков, выражая их

открыто или даже закрыто), уровня притязаний (стремление к достижению целей той степени сложности, на которую человек считает себя способным), локуса контроля (склонность приписывать свои успехи или неудачи внутренним либо внешним факторам), предлагаются шесть типов развития карьеры:

- «скалолаз» – высокая самооценка, высокий уровень притязаний, внутренний локус контроля;
- «имитатор» – высокая самооценка, высокий уровень притязаний, внешний локус контроля;
- «мастер» – высокая самооценка, низкий уровень притязаний, внутренний локус контроля;
- «муравей» – низкая самооценка, низкий уровень притязаний, внешний локус контроля;
- «вечный студент» – низкая самооценка, высокий уровень притязаний, внешний локус контроля;
- «организатор» – низкая самооценка, высокий уровень притязаний, внутренний локус контроля.

Акмеологические условия развития профессиональной карьеры: социально-экономические, политические, нормативно-правовые, маркетинговые, образовательные, социокультурные, медицинские, социально-демографические, географические, ближайшее социальное окружение, модальность имиджа (положительный, отрицательный), случай.

Акмеологические факторы развития профессиональной карьеры классифицированы:

- на объективные: эффективная система подготовки и переподготовки кадров госслужбы; внедрение диагностического комплекса оценки персонала; разработка четких критериев оценки труда; положения и порядок проведения аттестации; формирование группы резерва для выдвижения;
- объективно-субъективные: карьерная среда; организация психолого-акмеологической службы; роль и статус в рабочей группе; тип управленческой команды и особенности взаимодействия в ней;
- субъективные: интеллектуальные; потребностно-мотивационные (локус поведенческого контроля, мотивация к карьере); волевые; коммуникативные; эмоциональные (нейротизм, психотизм); характеристики сферы самосознания; организационно-деловые; стиль деятельности; индивидуальная модель карьеры.

Факторы карьеры классифицированы:

- на общие (высокий уровень мотивации к карьере, потребность в достижениях, высокие профессионально-личностные стандарты, стремление к самореализации, аутопсихологическая компетентность);
- особенные (организованность, рефлексия, стрессоустойчивость, умение обучаться);
- единичные – отображают индивидуальные особенности госслужащих и отражены в акмеограммах и рекомендациях по их оптимизации.

Ряд исследователей государственной службы [Atamantchuk 2000] выделяют следующие характеристики социального статуса государственных служащих:

- ими выполнение труда, который выражается в обосновании целей и направлений общественного развития конкретной организации и регулировании общественной жизни и деятельности (публичные отношения), поведения и деятельности миллионов людей (упорядочение частных взаимосвязей);
- их труд интеллектуальный, психологически насыщенный, ответственный, состоящий в основном в осмыслении и продуцировании сложнейшей управленческой информации и воздействии на людей;
- во всех их усилиях имплицитно (внутренне присуще) проявляется государственная власть, придающая им авторитет и должную гарантию;
- знания и опыт государственных служащих не создают непосредственно потребительские ценности и не удовлетворяют индивидуальные потребности граждан, но формируют особый духовно-материальный «продукт», обеспечивающий рациональность, гармоничность и эффективность общественных отношений, явлений и процессов;
- труд, выполняемый государственными служащими, является высокопрофессиональным и предъявляет к каждому из чиновников жесткие требования в подготовке, в личностных качествах, в поведении и общении с людьми.

В настоящее время для государственных служащих карьерный рост, конкурентоспособность означают возможность реализовать себя, свои возможности и занять достойно место в обществе, что

может обеспечить лишь занятие престижной должности. Понятие престижа профессии в данном случае соотносится с понятием социальной защищенности и оплаты труда госслужащего, а также его возможности реально влиять на общественные процессы. Неудовлетворенность заработной платой, организацией или условиями труда снижает престиж профессии государственного служащего в обществе, не обеспечивает ему уверенности в будущем, в реализации тех карьерных целей, которые, по сути, и определили сам выбор данной профессии. Государство будет конкурентоспособно, предлагая «лицам, принимающим решения», 50–65 % от рыночного уровня зарплаты в коммерческом секторе.

Социальная защищенность государственных служащих имеет целью привлечение на службу наиболее способных к социально организованной деятельности специалистов [Политические учения XX–XXI ... 2015]. Однако состояние социальной защищенности государственных служащих в настоящее время в целом не обеспечивает ни привлечения на службу достойных граждан, ни стремления уже работающих к развитию служебного успеха.

Для наступления реальных прогрессивных изменений в обществе необходимо создать надежные механизмы включения профессионалов в сферу управления, чтобы существовала реальная, а не декларируемая востребованность профессионализма, здоровой конкуренции.

Карьера государственного служащего должна определяться не уровнем государственного управления, к которому он принадлежит, а уровнем компетенции данного должностного органа или лица и соответствующей ей профессиональной компетентности госслужащего и его гражданской позицией.

Требуется новый тип работника-управленца, обладающего профессиональной компетентностью, которая включала бы уровень сформированности профессиональной и духовной культуры во всех ее проявлениях, владение разнообразными видами управленческой деятельности в нестабильных условиях, наличие необходимых профессионально важных качеств личности (в том числе и морально-психологических), способствующих профессиональному и служебному росту. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы профессионального развития госслужащих.

На обучение работников государственного управления необходимо смотреть не как на источник дополнительных расходов, а как на важнейший вид государственных инвестиций. Особенности государственной службы требуют существенного увеличения социально-гуманитарного блока знаний, прежде всего правовых, управленческих, экономических и социально-психологических.

Карьера, конкуренция не должны быть самоцелью служащего, воплощением только его личных интересов. В этом случае они перерождаются в карьеризм и карьерный эгоизм. В карьере, конкуренции должны найти оптимальный баланс как интересы индивидуума, так и потребности, интересы государственного органа и его аппарата. Необходимым условием роста профессионализма работника государственного аппарата выступает единство его обучения и активной включенности в управленческую практику. Знания, умения, навыки, приобретенные и обогащенные в процессе практической деятельности, обладают глубокой прочностью, становятся важной предпосылкой служебной карьеры. Конкурентоспособный госслужащий – лидер, имеющий преимущества в сравнении с другими госчиновниками.

Для социально-профессиональной группы российского чиновничества характерна ситуация статусной рассогласованности, вызванная противоречием между исповедуемыми чиновниками установками, ценностями (их «жизненным миром»), мотивами, задаваемыми извне социально-статусными условиями жизни и деятельности и предписываемыми нормами. Проблемные зоны статусной рассогласованности (мотивационные и ценностно-нормативные) являются сдерживающими факторами в реформировании системы государственного и муниципального управления, оптимизации его деятельности в соответствии с ожиданиями и предпочтениями общества [Чевтаева 2017].

Необходим новый тип государственного служащего, мотивированного на служение государству и обществу, а не своему начальнику. Осознание государственными служащими необходимости служения государству, обществу требует глубокой перестройки мировоззрения и психологии чиновника и на сегодняшний день не является приоритетным мотивом в их деятельности.

В этой ситуации неотложной задачей и науки, и практики становится выявление роли объективных и субъективных факторов

в формировании кадрового корпуса государственных служащих, отвечающих по своим профессиональным и личностным качествам требованиям и задачам, стоящим сегодня перед государственной службой. Необходим более тщательный отбор поступающих на государственную службу с учетом их моральных характеристик и применения эффективных технологий по выявлению мотивов, побуждений государственных служащих к профессиональной деятельности и служебному продвижению. Эти мотивы и побуждения станут показателем того, на что будет в итоге направлена активность госслужащего, его способности и знания, насколько его карьерные цели и способы их достижения соответствуют и соотносятся с целями данной профессиональной деятельности, с ее общественной ролью и предназначением [Еремина 2002].

В настоящее время актуальной является проблема восстановления традиционных профессиональных ценностей государственной службы, выработка системы стимулирования высоконравственного поведения чиновников и положительной мотивации на добросовестный труд и исполнение служебного долга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абгарян Р. Э., Синчук Ю. В., Чащихин Б. Д. Политология и политическая теория // Учебно-методический комплекс. М. : МГЛУ, 2010. 460 с.
- Адамович А. Реформирование системы государственной службы Российской Федерации // Государственная служба. 2014. № 1. С. 80–83.
- Борщевский Г. А. Реформирование государственной службы в России: промежуточные итоги и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 65–88.
- Гусева А. С. Оптимизация гуманитарно-технологического развития государственных служащих: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1997. 350 с.
- Еремина Е. В. Карьерные ценности государственных служащих: дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2002. 287 с.
- Лотова И. П. Развитие профессиональной карьеры кадров государственной службы: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 502 с.
- Политические учения XX–XXI вв. / В. Г. Егоров [и др.]. М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2015. 284 с.
- Прокофьев В. Двухлетние итоги развития государственной службы на основе реализации Указа Президента Российской Федерации // Государственная служба. 2014. № 3. С. 10–14.

Проект Указа Президента РФ «О федеральной программе «Развитие государственной службы Российской Федерации (2015–2018)» и плане мероприятий по развитию государственной службы Российской Федерации (2015–2018)» (по состоянию на 29.01.2015) (подготовлен Минтрудом России). URL: regulation.gov.ru/

Чевтаева Н. Г. Проблема статусной рассогласованности в профессиональной деятельности чиновника: социологический анализ. URL: chinovnik.uapa.ru/ru/article/769/ (дата обращения: 10.11.2017).

Шкелёва Т. О. Формирование кадрового состава государственной гражданской службы в современных условиях: дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 499 с.

Atamantchuk G. V. Statemanagement. M., 2000. P. 204.

ЧАВИЗМ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Статья посвящена рассмотрению чавизма как способа борьбы латиноамериканских народов за свою независимость от навязываемой извне западной модели развития. В работе исследуется эволюция боливаризма и проекта боливарианской революции как инструмента для достижения построения сильного государства как гаранта соблюдения прав человека, защиты национальных интересов. Для того чтобы рассмотреть идеологическое становление такого политического явления, как чавизм, необходимо обратить особое внимание на историю формирования политического движения, направившего Латинскую Америку по своему, третьему, пути развития.

На сегодняшний день Латинская Америка позиционирует себя как важный игрок на политической сцене. Процессы цивилизационной идентификации обусловлены богатой историей народов южноамериканского континента. У стран Латино-Карибского бассейна обнаруживаются следующие общие признаки: языковое единство, или лингвистическая близость, социокультурное сходство, превалирование единой религии – католичества, колониальное прошлое под испанской короной, периферийное политико-экономическое положение. Итогом стремления народов осознать свое место в политической жизни своего государства, толчком к пониманию необходимости государственного суверенитета стал приход к власти сил левого толка, таких как правительство Уго Чавеса в Боливарианской Республике Венесуэле. Чавизм стал отражением социально-политической действительности современной Латинской Америки, а идеи, заложенные в данной идеологии, были направлены на решение актуальных проблем венесуэльского народа. Стремление к независимости как во внешней, так и во внутренней политике были ознаменованы и взлетами, и падениями, ведь в быстро развивающемся мире найти оптимальный для конкретного государства путь развития не так просто. Необходима такая модель, которая будет в силах ответить на вызовы глобализирующегося мира, учитывая национальную специфику и самобытность Венесуэлы. Уго Чавес совершил прорыв на пути к социальной, партисипативной демократии, которая подразумевает непосредственное участие народных масс в процессах принятия решений на всех уровнях. Новая Конституция, реструктуризация государства, посредством представления новых ветвей власти, демонтаж прежних, обрекавших на вечную зависимость от нефтяного рынка, структур, – всё это позволило президенту завоевать доверие народа в руках президента и создать благоприятную почву для дальнейшего развития страны.

Стоит отметить и неудачи цикла реформ, предпринятых правительством Чавеса. Общество, пораженное социальной разнородностью, просто не было готово к таким экономическим преобразованиям. Пытаясь улучшить положение

неимущих, наносился серьезный ущерб зажиточным слоям населения. Несмотря на определенные трудности, с которыми пришлось столкнуться Боливарианской Республике, для выхода из кризиса существуют все предпосылки, и политические решения настоящего правительства должны быть взвешенными и обоснованными.

Современная международная ситуация характеризуется тем, что государства Латинской Америки перестают оставаться на периферии мировой политики. В условиях неослабевающей конфронтации и постоянного давления народы стран латиноамериканского региона начинают осознавать свое положение в политической жизни своих государств. Процессы уничтожения независимых демократических стран сыграли свою роль в устранении режимов ряда латиноамериканских государств, таких как Аргентина и Бразилия. Несмотря на это, бывший президент Венесуэлы Уго Чавес как главный идеолог чавизма вошел в историю как человек, который боролся за национальное единство и независимость как Боливарианской Республики, так и всего латиноамериканского континента.

Ключевые слова: Латинская Америка; Венесуэла; Уго Чавес; латиноамериканизм; боливаризм; чавизм.

A. A. Chibarov

Postgraduate at the Department of Philosophical Sciences, Moscow State Linguistic University; e-mail: artemka26@mail.ru

CHAVISM AS A REFLECTION OF THE SOCIO-POLITICAL REALITY OF LATIN AMERICA

This article is devoted to the analysis of chavism as a way the Latin American nations fight for their independence from the "western" development model imposed from the outside. In this work, the evolution of bolivarianism and the Bolivarian Revolution project as an instrument for achieving the construction of a strong state as a guarantor of observance of human rights, protection of national interests is studied. In order to study the ideological formation of such a political phenomenon as chavism, it is necessary to pay special attention to the history of the formation of a political movement that directed Latin America in its own, third way of development.

Nowadays, Latin America positions itself as an important player on the political stage. The processes of civilizational identification take place due to the rich history of the nations of the South American continent. The countries of the Latin Caribbean region have the following common features: linguistic unity, or linguistic proximity, socio-cultural similarity, the prevalence of a single religion – Catholicism, the colonial past under the Spanish crown, the peripheral political and economic situation. As a result of the desire of the nations to realize their place in the political life of their state, the coming to the understanding of the need for state sovereignty was the appearance of left-wing forces, such as the government of Hugo Chavez in the Bolivarian Republic of Venezuela. Chavism

became a reflection of the socio-political reality of modern Latin America, and the ideas embodied in this ideology were aimed at solving the actual problems of the Venezuelan people.

The desire for independence, both in foreign and domestic policy, was marked by both ups and downs, as it is not so easy to find an optimal development path for a particular state in a rapidly developing world. A model is needed that will be able to meet the challenges of the globalizing world, taking into account the national specifics and identity of Venezuela. Hugo Chavez made an unprecedented success on the road to social, participatory democracy, which implies the direct participation of the masses in the decision-making processes at absolutely all levels. The new Constitution, transformation of the state structure, by introducing new branches of government, dismantling the former, doomed to permanent dependence on the oil market, structures, helped consolidate the people's trust in the hands of the president, which created a favourable ground for the country's further development.

It is worth noting the failure of the cycle of reforms undertaken by the government of Chavez. A society affected by social heterogeneity was simply not prepared for such economic transformations. Trying to improve the situation of the poor, serious damage was inflicted on the well-to-do strata of the population. Despite certain difficulties faced by the Bolivarian Republic, all preconditions exist to overcome the crisis, and the political decisions of the present government must be weighed and justified.

The current international situation is characterized by the fact that the states of Latin America try not to remain on the periphery of the world politics. In the conditions of unrelenting confrontation and constant pressure, the nations of the countries of the Latin American region begin to realise their position in the political life of their own states. The processes of the destruction of independent democracies played a significant role in eliminating of the regimes of a number of Latin American states, such as Argentina and Brazil. Despite this, former Venezuelan President Hugo Chavez, as the main ideologue of chavism, went down in history as a man who fought for the national unity and independence of both the Bolivarian Republic and the entire Latin American continent.

Key words: Latin America; Venezuela; Hugo Chavez; latinamericanism; bolivarianism; chavism.

В настоящее время Латинская Америка становится всё более заметным актором на международной арене. Это обусловлено тем, что здесь набирают обороты процессы цивилизационной идентификации среди народов континента, что ведет к формированию крепких союзов государств для отстаивания общих национальных интересов. Во многих государствах активизируются процессы осознания народами своего места в политической картине страны, желание суверенитета, как во внутренней, так и во внешней политике, а народ жил в достатке. В результате к власти во многих

странах региона приходят политические силы «левого» толка, которые выражают вышеуказанные желания простых людей и, придя к власти, проводят всё более независимую политику [Манохин, Емельянов 2016].

Исследование чавизма в рамках данных политических процессов, которые имеют место в последние десятилетия, как в самой Венесуэле, так и на южноамериканском континенте в целом, представляется сегодня актуальным по ряду причин. Во-первых, боливаризм, как глобальное левое политическое движение, названное по имени руководителя борьбы южноамериканских колоний за независимость от Испании Симона Боливара, отражает социально-политическую действительность современной Латинской Америки, став реакцией на неолиберальную «западную» модель развития региона. Во-вторых, содержащиеся в боливаризме идеи призваны решить актуальные проблемы венесуэльского народа, что приводит нас к главному идеологу современного боливаризма, Уго Чавесу.

С приходом Чавеса к власти в 1998 г. внимание исследователей к этому яркому харизматичному лидеру и его политике не ослабевает. В то же время о политических взглядах президента пишут довольно мало. Однако боливаризм, или боливарианский проект развития Венесуэлы, предложенный Чавесом, и его эволюция заслуживают тщательного и подробного исследования. К началу правления у нового главы государства сформировалось определенное видение положения дел в мире. Огромное влияние на политико-идеологические воззрения Уго Чавеса оказали национально-патриотические и просоциалистические взгляды выдающегося латиноамериканского деятеля Симона Боливара. Задолго до вступления на пост президента, Чавес со своими сторонниками создал концепцию боливаризма. Впоследствии основные постулаты концепции реализовались в определенных внутри- и внешнеполитических действиях правительства Венесуэлы. Принятие данной концепции в качестве государственной идеологии послужило мотивом для узаконивания левосторонних убеждений президента с последующей разработкой программы по построению «социализма XXI века» [Букова 2010, с. 95].

Что касается боливаризма – это идейно-политическое течение, возникшее в конце 1970-х гг. в Венесуэле в небольшой группе молодых офицеров, возглавляемой Уго Чавесом, и вдохновленное

идейным наследием предводителя освободительной борьбы южноамериканских колоний против испанской империи Симона Боливара. Они выступали за построение в Венесуэле социального государства, основанного на принципах свободы, равенства, социальной справедливости и независимости.

Как отмечалось выше, в декабре 1998 г. обозначился крутой поворот в современной истории Венесуэлы. Этому предшествовал 1992 год, когда молодые армейские офицеры во главе с подполковником Уго Чавесом вывели танки на улицы столицы государства, Каракаса и второго по численности населения города – Маракайбо с целью свержения правительства.

Военные намеревались направить в русло активного сопротивления недовольство огромной массы населения курсом на неолиберальные преобразования, взятым властями по согласованию с Международным Валютным Фондом. Ответом на это явились стихийные выступления жителей поселков нищеты весной 1989 г., которые выражали свое недовольство резкими изменениями социально-экономической политики правительства. В мае 1993 г. решением парламента президенту был объявлен импичмент. Он был обвинен в коррупции и злоупотреблении должностными полномочиями. Это явилось не только кульминацией политического кризиса, но и явным признаком агонии системы представительной демократии. Обострившийся социально-экономический кризис начала 1990-х гг. перерос в политический, а затем в системный.

Инициатива выдвижения альтернативного проекта развития страны создавалась в Вооруженных Силах. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. зародилась и оформилась законспирированная Организация под названием КОМАКАТЕ (испанская аббревиатура из первых двух букв воинских званий средних и младших офицеров – Comandante, Mayor, Capitán, Teniente). Ее ядро составили студенты училища сухопутных войск выпуска 1975 г.

Боливарианская концепция относится к флангу просоциалистических подходов XX в. Будучи последователями идей С. Боливара, участники группы четко определили свой новый идейно-политический курс, сформировавшийся на основе осмысления и синтеза интеллектуальной и практической деятельности Боливара [Букова 2010, с. 95].

Огромную роль в самоопределении Организации стало празднование в 1983 г. 200-летия со дня рождения латиноамериканского Освободителя, широко отмечавшееся как в Венесуэле, так и за ее пределами. Это стимулировало военных к более детальному изучению истории страны, созидательной деятельности, взглядов, мировоззрений национального героя Венесуэлы. Они все больше склонялись к тому, что несмотря на значительный временной разрыв, многие идеи Освободителя не потеряли своей актуальности и вполне актуальны в современных условиях, а их реализация должна стать общим делом офицеров и патриотов своей страны.

Изучив взгляды и идеи латиноамериканского революционера, участники КОМАКАТЕ пришли к выводу, что многие идеи Боливара так и не были реализованы и остаются актуальными в современной Латинской Америке. Среди них были национальное самоопределение, определение своего места в мире и модели политического устройства, так и развитие политического поведения граждан [там же, с. 95].

Постепенно Симон Боливар стал их кумиром, непререкаемым авторитетом. Они буквально боготворили его, мечтая воплотить в жизнь идеалы братства и равенства людей, за которые сражался Боливар. Так, вполне логично КОМАКАТЕ трансформируется в Революционное боливарианское движение-200 (Movimiento Bolivariano Revolucionario-200). Его название отражало как цели, задачи и символы, так и методы действий.

Рядом с Боливаром на знаменах движения были имена его наставника Симона Родригеса, внесшего решающий вклад в нравственное формирования личности С. Боливара, а также выдающегося деятеля Федеральной (гражданской) войны середины XIX в. Эсекиэля Саморы, боровшегося за социальную справедливость и ликвидацию олигархического правления. Свою Организацию ее руководители образно сравнивали с деревом, имеющим три могучих корня, – С.Боливар, С.Родригес и Э.Самора. Первый корень – идеи Боливара о равенстве и свободе, интеграции латиноамериканского региона; второй – идеи Симона Родригеса о народном образовании, свободе и равенстве; третий корень – взгляды Эсекиэля Саморы, сторонника суверенного народа и гражданского союза [Букова 2010, с. 96].

Таким образом, основатели движения прибегали к героическим эпизодам отечественной истории, воспитывая чувство патриотизма и любви к родине. Так формировалась идеология движения, краеугольными камнями которого были национализм и боливаризм [Булавин, Дабагян, Семенов 2002].

Отличительной чертой боливаризма как идеологии считается этатизм. Этатизм – идеология, абсолютизирующая роль государства в обществе и предполагающая широкое и активное государственное вмешательство в экономическую и социальную жизнь общества [Новая философская энциклопедия 2001]. Этатизм принято считать одним из основных достоинств новой Конституции 1999 г., главной особенностью которой стала отчетливая социальная направленность новой политики государства, определяющая концепцию «широкой демократии». В государственном устройстве Венесуэлы такой принцип нашел свое отражение в представлении власти не только через законодательную, исполнительную и судебную ветви, но и через гражданскую и избирательную ветви. Кроме того, данный принцип «широкой демократии» был определен расширением прав человека с акцентом на социальные и экономические права [Марчук, Никонов 2012].

Ссылаясь на слова Освободителя о том, что демократическая форма правления является наиболее слабой, его последователи были убеждены, что государственная структура должна быть наиболее крепкой, а все институты нацелены на взаимную работу во имя стабильности государства. Идеологи политического течения обосновывают стремление к сильному государству как гаранту соблюдения прав человека, защиты национальных интересов. Также они ссылаются на следующее высказывание Боливара, которое стало квинтэссенцией идеологического и политического курса Венесуэлы: «Наилучшая система правления должна максимально обеспечить благосостояние, социальную безопасность и политическую стабильность» [Букова 2010, с. 96].

Политические взгляды боливарийцев (так принято называть Чавеса и его единомышленников) развиваются в русле левой латиноамериканской политической культуры, их можно охарактеризовать как своеобразный народнический социализм, или левый национализм. Историю своей страны они рассматривают как период правления чередующихся олигархических и диктаторских

режимов, взаимодействовавших с западными компаниями и странами. Главную роль в осуществлении политики в Венесуэле в течение долгого времени играли политические элиты, но не само население страны, которое не имело возможности отстаивать свои интересы. Исследуя модель представительной демократии, установившейся в стране с середины XX века, боливариЙцы пришли к выводу, что она быстро стала чиновнической структурой, тормозящей механизмы представления интересов широких слоев общества [El futuro del Norte es el Sur... 2005].

Одним из центральных положений в программе Чавеса является боливарианская революция. Понимание революции во взглядах боливариЙцев переросло от непосредственной его трактовки как агрессивного навязанного изменения порядка вещей к процессу мирного переустройства [Кусякина 2007]. Выборы считались крайним методом, с помощью которого боливариЙцам удалось выиграть парламентские, а затем и президентские выборы. Идея революции, по убеждению президента, – новаторский метод в решении проблем [Aco de la refundación de la República... 2005].

Боливарианская революция стала структурной составляющей реального политического курса Уго Чавеса. Поставив цель по реализации боливарианской революции, в обществе Венесуэлы начались изменения. Ожидалось, что они будут направлены на установление государства всеобщего благоденствия и социальной справедливости. В 1999 г. в новой Конституции было закреплено новое официальное название государства – Боливарианская Республика Венесуэла. Проект Боливара о становлении института «моральной власти» отразился в Основном законе, содержащем пункты, посвященные учреждению и функционированию двух дополнительных ветвей власти – гражданской и электоральной. Согласно Конституции, гражданская власть повторяла европейский институт омбудсмена, боровшегося с коррупцией и административными правонарушениями. Функционирование электоральной власти напоминает российский Центризбирком, суть которого заключается в соблюдении электорального законодательства [Кусякина 2007].

Идея Чавеса и его союзников о пути развития сначала опиралась на концепцию «третьего пути», имевшей широкое распространение в Латинской Америке второй половины XX в. Идеологи этой

концепции полагали, что у Латинской Америки должен быть свой путь развития, непохожий на капитализм или коммунизм, но учитывать их опыт. Чавес старался придать капиталистической системе этическое направление, т. е. действовать в рамках модели «капитализма с человеческим лицом». Отказ от попыток сформировать замкнутую экономическую модель, президент стремился найти устойчивый баланс между рынком и государством, в результате чего остановился на кейнсианской модели, выведя известную формулу: «Столько государства, сколько необходимо, столько рынка, сколько возможно» [Aco de la refundación de la República... 2005].

Однако вскоре концепция «третьего пути» начала претерпевать изменения. Чавесу и его сторонникам пришлось осознание того, что в современных обстоятельствах альтернативной моделью должен стать «социализм XXI века», отвечающий на вызовы нового столетия, стоящие перед венесуэльским народом. В 2005 г. Чавес объявил, что гуманный капитализм невозможен, поскольку эта система не идеальна изначально. «Мы взяли на себя обязательство вести боливарианскую революцию к социализму и проложить дорогу социализма, социализма XXI в., который основывается на солидарности, братстве, любви, свободе и равенстве», – говорил президент в одном из своих выступлений в начале 2006 г. [Кусакина 2007].

В заключение отметим, что ввиду того, что в регионе существуют острые социально-политические проблемы, идеи «социализма XXI века» быстро завоевали популярность в Латинской Америке и за ее пределами. Новая концепция заручилась поддержкой на официальном уровне: правительства Эквадора и Боливии выразили свою солидарность с идеями и политическим курсом Чавеса.

Политический строй согласно «социализму XXI века» должен основываться на смешанной модели демократии участия. Она консолидирует процедуры непосредственного участия и институты представительной демократии. Прямое участие граждан в процедурах принятия решений реализуется с помощью демократии на «местах», или децентрализации власти.

Общество при социализме нового типа исключает привилегированные слои населения и нацелено на достижение свободы и равноправия. Прибыль от реализации природных ресурсов Венесуэлы предназначена для жителей страны, и не должна выходить за пределы государства. Следуя этой идее, Чавес национализировал

крупнейшую нефтяную компанию PDVSA, а на деньги от продажи нефти открыл социальные фонды, банки и инициировал социальные проекты.

Стоит подчеркнуть, что современная международная ситуация характеризуется тем, что государства Латинской Америки остаются оставаться на периферии мировой политики. В условиях неослабевающей конфронтации и постоянного давления народы стран латиноамериканского региона начинают осознавать свое положение в политической жизни своих государств. Процессы уничтожения независимых демократических стран сыграли свою роль в устранении режимов ряда латиноамериканских государств, таких как Аргентина и Бразилия. Несмотря на это, бывший президент Венесуэлы Уго Чавес, как главный идеолог чавизма, вошел в историю как человек, боровшийся за национальное единство и независимость как Боливарианской Республики, так и всего латиноамериканского континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Букова И. Венесуэльский «социализм» // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. № 11. С. 93–107.
- Булавин В.И. [и др.] Дабагян Э.С., Семенов В.Л. Венесуэла в поисках альтернативы / [В.И. Булавин, Э.С. Дабагян, В.Л. Семенов]. М. : Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 14–17.
- Кусакина М.В. «Боливарианский проект» развития Венесуэлы // Власть. 2007. Вып. 11. С. 115–122.
- Манохин И.В., Емельянов А.И. Роль латиноамериканской цивилизационной идентичности в формировании современной мировой политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. Вып. 17 (756). С. 136–145.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М. : Мысль 2001. 744 с.
- Марчук Н.Н., Никонов А.С. Особенности конституционного развития стран Латинской Америки на современном этапе // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Юридические науки. 2012. № 5. С. 89–90.
- El futuro del Norte es el Sur. Discurso del Presidente Chávez en el Foro Social Mundial. Rio Grade do Sul. 30 de enero 2005. P. 15.
- «Aco de la refundación de la República». Selección de Discursos del Presidente de la República Bolivariana de Venezuela, Hugo Rafael Chávez Frías. Gobierno Bolivariano. Aco1. T. 1. Ediciones de la Presidencia de la República. Caracas–Venezuela. 2005. P. 26–29.

УДК 93/94

И. В. Савельев, Ю. С. Егорова

Савельева И.В., кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения САФУ им. М.В.Ломоносова; e-mail: ivan_saveliev@mail.ru

Егорова Ю. С., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин ВоГУ; e-mail: ysegorova@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И КУПЕЧЕСКО-ПРОМЫСЛОВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА АЛЯСКЕ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА¹

В статье рассматривается проблема отношений священнослужителей Русской Православной Церкви и деятелей купеческо-промысловых объединений накануне образования монопольной Российско-американской компании. Выявляются факторы взаимодействия духовенства и купечества и специфика этих отношений.

Ключевые слова: Аляска; промысловые объединения; промышленники; передовщик; Российско-американская компания.

I. V. Savelyev

PhD. (History), Associate Professor; head of department of international law and comparative jurisprudence, NARFU named after M. Lomonosov, e-mail: ivan_saveliev@mail.ru

Iu. S. Egorova

PhD. (History), Associate Professor; chair of General history and socio-economic disciplines, VOGU; e-mail: ysegorova@mail.ru

THE RELATIONSHIPS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND TRADE COMPANIES IN ALASKA IN THE LATE EIGHTEENTH CENTURY

The article devoted to problem of relations between representatives of Russian Orthodox Church and representatives of trading companies before foundation of the Russian American Company. Its analyze specific of this relations and factors of influence to it.

¹ Исследование выполнено в РГУ им. С.А.Есенина при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01567).

Key words: Alaska; trade companies; promyshlenniki; peredovshik; Russian-American company.

Конец XVIII в. является периодом активной колонизации северо-западной части Северо-американского материка. К этому времени был накоплен определенный опыт в освоении этой территории, и российские первопроходцы стали впервые основывать здесь постоянные поселения. В ходе конкурентной борьбы на передний план постепенно стали выходить учредители Северо-Восточной Американской компании (СВАК) Г.И. Шелихов, И.Л. Голиков и племянник последнего М.С. Голиков [Петров, Троицкая 1997; Ермолаев, Петров 2009; Петров, Ермолаев 2017].

Практически параллельно с процессом промыслового освоения Аляски шло знакомство местных жителей с православной верой [Петров, Комаров 2014]. Причины, побудившие российское правительство направить миссию на Аляску, в целом хорошо изучены, равно как история формирования миссии [Митрополит Климент (Капалин) 2009]. В начале апреля 1793 г.¹ митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу (Петрову) было направлено совместное прошение именитых граждан Г.И. Шелихова и И.Л. Голикова, в котором излагалась просьба подыскать женатого священника для направления его на Аляску (ЦГИАЛ СПб, л. 8). Однако по решению Екатерины II членами миссии стали насельники Валаамского и Коневского Рождество-Богородичного монастырей. Возглавил духовную миссию архимандрит Иоасаф (Болотов).

По ходатайству митрополита Гавриила Екатерина II повелела выдать миссионерам разовые денежные пособия для покрытия путевых расходов. Кроме того, перед отправлением на Аляску монахи получили инструкцию, которой предписывалось неукоснительно следовать. В соответствии с инструкцией монахи должны были «сообщать в столицу о делах государственной важности» [Митрополит Климент (Капалин) 2009, с. 46]. Однако существовала серьезная проблема в реализации принципов, содержащихся в инструкции: миссионеры по объективным причинам не были знакомы с языком местных жителей Аляски. Предполагалось, что в колониях монахи будут пользоваться услугами толмачей (переводчиков).

¹ В прошении точная дата не указана.

Снабженные одеждой, церковной утварью и деньгами на первое время монахи выехали из Санкт-Петербурга 25 декабря 1793 г. и 16 марта 1794 г. прибыли в Иркутск (ЦГИАЛ СПб., л. 69). Здесь их встретил Г.И.Шелихов, который обеспечил миссионеров всем необходимым в дорогу. Этот факт подтверждал архимандрит Иоасаф (Болотов) в письме к ректору Ярославской семинарии: «Компанионы, люди пречестнейшие, снабдили нас всеми надобными вещами, тысяч десяток на другой и побольше»¹. По всей видимости, глава миссии установил с Г. И. Шелиховым дружеские отношения. Об этом свидетельствуют многие факты, в основном их можно обнаружить в личной переписке архимандрита Иоасафа (Болотова) и Г.И.Шелихова [Letter from archimandrite Ioasaf... 1795]. Возможно, Шелихов посвятил главу духовной миссии в нюансы торгово-промышленных операций на Северо-Западе Тихого океана.

С конца 80-х гг. XVIII в. купцы Г.И. Шелихов и П.С. Лебедев-Ласточкин вели совместный промысел [Савельев 2006, с. 101]. Архимандрит Иоасаф (Болотов) оказался вовлечен в сложные взаимоотношения деятелей двух купеческо-промышленных организаций: «лебедевцев» и «шелиховцев». Из Иркутска 30 апреля 1794 г. Григорий Иванович Шелихов и Павел Сергеевич Лебедев-Ласточкин направили находящемуся уже в пути на Охотск архимандриту Иоасафу (Болотову) письмо с просьбой собрать сведения о передовщике и мореходе «лебедевцев» Григории Матвеевиче Коновалове, который, находясь в заливе Принс-Уильям, навлек на себя возмущение со стороны местных жителей и промышленников своей деспотичностью [там же, с. 123–124]. Нужно отметить, что этот человек еще в 1792 г. успел испортить отношения с «лебедевцами» П. Коломиным и А. Балушиным. В то же время исследователями выявлены факты неоднократных действий А.А. Баранова по подрыву деятельности «лебедевцев», что, несомненно, только повышало конкурентоспособность «шелиховцев» [там же, с. 114].

Суть просьбы купцов сводилась к тому, чтобы начальник духовной миссии помог разобраться в причинах конфликта Коновалова с промышленниками, потому что деятельность передовщика осложнила и без того напряженные отношения промышленных с местными жителями Аляски [Письмо Шелихова и Лебедева-Ласточкина... 1794, с. 57]. Купцы просили архимандрита Иоасафа

¹ Цит. по: [Титов 1912, с. 153].

(Болотова) узнать, не наносит ли Григорий Коновалов своими действиями вред интересам промышленников, а также, не совершает ли иных поступков: «как то: измены, лихоимства и прочего...» [Письмо Шелихова и Лебедева-Ласточкина... 1794, с. 57]. Письмо содержит не только просьбу проанализировать поведение передовщика, но и решить «кому из нас (Шелихову или Лебедеву-Ласточкину) от первого доверено будет исполнение (очевидно наказание Коновалова) ...» [там же, с. 58]. Это письмо интересно по следующей причине. Просьба купцов, адресованная к архимандриту, вряд ли являлась проявлением их личной инициативы и желанием привлечь для разбирательств лицо духовного звания. Вспомним, что в соответствии с инструкцией монахи обязаны были сообщать в столицу о делах государственной важности [Митрополит Климент (Капалин) 2009, с. 48]. Очевидно, что «дело Коновалова» вполне могло испортить и без того небезупречную репутацию купцов-компаньонов в глазах правительства. Поэтому представляется, что Шелихов и Лебедев-Ласточкин решили не испытывать судьбу и обратиться за помощью к начальнику духовной миссии.

Глава духовной миссии выполнил просьбу купцов, и в 1795 г. он сообщил Г.И. Шелихову уже с Кадьяка, что «буйство» промышленных вызывает лично у него большие сомнения. Коновалов, по его мнению, являясь опытным передовщиком, не может быть отстранен от своей должности, «...ибо без него некому и судном будет управлять...» [Letter from archimandrite Ioasaf... с. 5]. А поднявшие против Коновалова бунт промышленники «...восчувствуют и рассмотрят свою ошибку, его (Коновалова) с любовью примут...» [там же, с. 5]. Глава миссии выразил надежду, что «...Коновалов свои ошибки поправить постарается и благосклонностью своею привести их в доброе устройство...» [там же, с. 5]. Архимандрит Иоасаф высказал также свое мнение относительно причин буйного поведения передовщика: «...А поступки Коновалова ежели и были нехороши, но не с промышленными, а с Коломиным¹, но тот и сам стоит того, чтобы с ним так или еще

¹ Коломин Петр – большеерецкий посадский. В описываемый архимандритом Иоасафом период был байдарщиком «лебедевцев» на п-ве Кенай и пытался вредить здесь промышленникам СВАК. Был выслан Барановым в Охотск в 1795 г. Очевидно, что отрицательные отзывы Главы миссии как раз и связаны с данным вредительством.

хуже поступать» [Letter from archimandrite Ioasaf... с. 5]. В письме сообщалось также, что участников конфликта с Коноваловым Коломина и Балушина, по слухам, должны выслать в Охотск [там же, с. 5].

В начале 1795 г. А. А. Баранов выступил в качестве третейского судьи в разрешении конфликта между Коноваловым, с одной стороны, и Коломиным с Балушиным – с другой. Это косвенно может свидетельствовать о том, что окончательное решение вопроса по «делу Коновалова» архимандрит Иоасаф рекомендовал передать в руки «шелиховцев». Результат не заставил себя ждать, и вскоре Коломин и Балушин отбыли в Охотск [Савельев 2006, с. 124]. А поскольку они являлись одними из наиболее ценных людей «лебедевцев», то их высылка в Россию положила начало краха компании Лебедева-Ласточкина [там же, с. 124].

Мнение архимандрита Иоасафа по «делу Коновалова», на наш взгляд, может свидетельствовать о его избирательном отношении к действиям «лебедевцев» и «шелиховцев». Вероятно, глава миссии в большей степени симпатизировал Г. И. Шелихову, чем к П. С. Лебедеву-Ласточкину. Видимо, Северо-Восточная компания Голиковых-Шелиховых воспринималась главой миссии как объединение, действующее на Аляске в соответствии с государственными интересами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ермолаев А. Н., Петров А. Ю.* Документы Российско-американской компании в архивохранилищах России // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 46–52.
- Митрополит Климент (Капалин) Русская православная миссия на Аляске до 1917 г. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 608 с.
- Петров А. Ю., Троицкая Л. М.* Основание постоянных поселений на Северо-Западе Америки. Деятельность Г. И. и Н. А. Шелиховых // История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. I. Основание Русской Америки (1732–1799) / отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М. : Международные отношения, 1997. С. 109–131.
- Петров А. Ю., Ермолаев А. Н.* Главный правитель Русской Америки // Родина. 2017. № 1. С. 22–27.
- Петров А. Ю., Комаров С. Г.* Исторические традиции развития Русской православной церкви на Аляске и Алеутских островах // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Исторические

- и политические науки. 2014. № 23 (709). С. 129–145. [Электронный ресурс]: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/Vest-23z.pdf
- Савельев И. В.* Промысловое освоение Русской Америки во второй половине XVIII в.: монография. Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2006. 358 с.
- Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга» (ЦГИА СПб) Ф. 19. Оп. 1. Д. 15761.
- Титов А.* Историческая справка о первом русско-американском епископе преосвященном Кадыакском Иоасафе и сохранившееся письмо его к ректору Ярославской семинарии Иерониму Понятовскому // Американский Православный вестник. 1912. № 7. (апрель). С. 153.
- Письмо Шелихова и Лебедева-Ласточкина к архимандриту Иоасафу от 30 апреля 1794 г. // Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени / П. А. Тихменев. СПб. : Тип. Эдуарда Веймара, Ч. II. 1863. С. 57–60.
- Letter from archimandrite Ioasaf to G. I. Shelikhov, Kodiak, Island, May 18, 1795 // Library of Congress. Manuscript Division. Yudin collection. Vol. III. P. 1–21.

В. Н. Косторниченко

доктор экономических наук, профессор кафедры исторических наук МГЛУ;
e-mail: kostornichenko@yandex.ru

**«РУССКАЯ АМЕРИКА» И МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ:
ФРАНСИСКО МИРАНДА ПРИ ДВОРЕ ЕКАТЕРИНЫ II**

Франсиско де Миранда, выдающийся деятель освободительного движения в Латинской Америке, посетил Российскую империю в 1786–1787 гг. Его пребывание длилось почти год, он неоднократно встречался с Екатериной II, с видными деятелями России и военачальниками. Статья посвящена изучению причин этой поездки, выявлению характера отношений Ф. Миранды с российским правительством. На основе анализа источников и литературы высказывается предположение, что Екатерина II целенаправленно использовала визит Ф. Миранды и фактор Русской Америки в своей европейской политике.

Ключевые слова: Екатерина II; Русская Америка; Франсиско де Миранда; российско-испанские отношения; внешняя политика России; история дипломатии.

V. N. Kostornichenko

Doctor of Economics (Dr. habil), Professor of the Department of the History,
MSLU; e-mail: kostornichenko@yandex.ru

**“RUSSIAN AMERICA” AND INTERNATIONAL DIPLOMACY:
FRANCISCO MIRANDA AT THE COURT OF CATHERINE II**

Francisco de Miranda, a prominent figure of the liberation movement in Latin America, visited The Russian Empire in 1786–1787. His visit lasted almost a year, during which he had numerous meetings with Catherine the Great, Russian dignitaries and military commanders. The present article examines the reasons for this visit and sheds light at the character of relations between F. Miranda and the Russian government. Based on the analysis of the sources and literature, the author suggests that it was Catherine the Great's intention to use the visit of Francisco de Miranda and “Russian America” factor in her European policy.

Key words: Catherine II; Russian America; Francisco de Miranda; Russian–Spanish relations; Russian Foreign Policy; the history of diplomacy.

В последние годы в российских СМИ и научной периодике проявляется устойчивый интерес к истории Русской Америки. В рамках этой темы исследуются особенности освоения американского континента русскими промышленниками и купцами [Петров 2016], выявляется просветительская роль православной церкви на

Аляске [Митрополит Климент 2014], рассматриваются обстоятельства продажи русским правительством этой территории в 1867 г. [Петров, Савельев 2017].

В гораздо меньшей степени изучаются внешнеполитические аспекты темы. Задача написания данной статьи состоит в том, чтобы на примере конкретного исторического сюжета, связанного с пребыванием в России видного латиноамериканского политического деятеля Франсиско де Миранды, показать значение фактора Русской Америки во внешней политике нашей страны эпохи Екатерины II.

Франсиско де Миранда – выдающийся борец за освобождение Испанской Америки от колониального господства. Венесуэлец по происхождению, он участвовал в войне за независимость британских колоний США, был генералом революционной французской армии. В 1786–1787 гг. Ф. Миранда находился в России, где встречался со многими русскими государственными и военными деятелями.

Впервые в отечественной исторической литературе жизнь и деятельность латиноамериканского патриота нашла отражение в творчестве В.М.Мирошевского, особенно внимательно историком изучен вопрос, касающийся взаимоотношений Ф. Миранды и правительства Екатерины Второй [Мирошевский 1940, с. 17–42; *Miroshevski*, p. 11–25].

Историк отстаивал тезис, который и составляет суть его концепции: «Покровительство, оказанное Миранде русской Императрицей, не было ее личной прихотью, оно было обусловлено соображениями весьма практического свойства, связанными главным образом с вопросом о русском проникновении в Америку» [Мирошевский 1946, с. 86]. По мнению В.М.Мирошевского, объективная основа такого предположения заключалась в следующем: в XVIII в., благодаря успехам российского мореплавания, шло активное освоение русскими первопроходцами берегов Тихого океана, создавались колонии непосредственно у берегов Аляски.

В своих работах В.М.Мирошевский отмечает особый интерес Екатерины II, указывает на осведомленность императрицы о том, что в испанских колониях наблюдалось распространение «мятежного духа» [там же, с. 87]. Более того, указывает историк, российское правительство в екатерининские времена проявляло

большой интерес к вопросу о русском проникновении в Америку. Об этом свидетельствует поддержка Екатериной II начинаний основателя Русской Америки купца Г. И. Шелихова и его компаньона И. И. Голикова, а также организация ряда морских экспедиций на северо-восток Тихого океана. Так, 22 декабря 1786 г. императрица подписала Указ об отправке в Тихий океан, в подкрепление к уже снаряженной экспедиции Биллингса, целого отряда военных судов под командованием капитана Г. И. Муловского «для охраны права нашего на земли, российскими мореплавателями открытые» [Мирошевский 1946, с. 88]. Екатерина II предполагала также направить в этот регион дополнительно три военных корабля под предводительством английского моряка Дж. Тревенина, который пожелал перейти на русскую службу. По мнению В. М. Мирошевского, эти действия российского правительства должны были изменить баланс сил на северо-востоке Тихого океана в пользу России [там же, 89].

Естественно, это вызвало опасения других держав, и в первую очередь Испании. По данным историка Бэнкрофта (США), на работы которого ссылался В. М. Мирошевский, ряд испанских экспедиций был непосредственно вызван русским проникновением в Америку. Развивая главные положения своей концепции, В. М. Мирошевский выдвигал следующий важный тезис. По его мнению, в 1787 г. намечалась отправка Ф. Миранды с одной из русских экспедиций (Муловского или Тревенина) в Тихий океан. И тогда Камчатка становилась бы не только базой для русского проникновения на континент, но и явилась бы опорным пунктом в борьбе за освобождение Испанской Америки. Тот факт, что осуществление этого проекта было приостановлено, объясняется автором в первую очередь изменением внешнеполитической ситуации.

Начало Русско-турецкой войны, угроза русско-шведской делали невозможным выполнение задуманных планов, поскольку в этих условиях об ослаблении Балтийского флота, в состав которого входили корабли Муловского и Тревенина, не могло быть и речи.

В. М. Мирошевский рассматривал взаимоотношения Ф. Миранды и российского правительства и после того, как путешественник покинул Россию. Ф. Миранда получил материальную помощь и рекомендательные письма Екатерины II к русским посланникам за границей, что позволило ему искать защиту от преследований

со стороны испанских дипломатов в российских посольствах. В. М. Мирошевский отмечал, что вплоть до 1792 г. венесуэлец поддерживал тесные отношения с российской миссией в Лондоне [Мирошевский 1946, с. 91–94]. Прекращение связей Ф. Миранды и правительства Екатерины объясняется его вступлением в ряды революционной французской армии. Участие латиноамериканского патриота в революционной борьбе во Франции было воспринято в русских правящих кругах с негодованием и возмущением [там же, с. 94].

Таковы вкратце основные положения версии В. М. Мирошевского. Точка зрения В. М. Мирошевского получила широкое распространение в отечественной и зарубежной исторической литературе [Альперович 1986, с. 257–274].

В 1986 г. вышла фундаментальная работа М. С. Альперовича под названием «Франсиско де Миранда в России», который считал себя учеником В. М. Мирошевского [Косторниченко 2017]. Подробный анализ богатого фактического материала о жизни и деятельности Ф. Миранды не являлся для автора монографии самоцелью, а был, скорее, вспомогательным средством, при помощи которого М. С. Альперович стремился ответить на вопросы, поставленные В. М. Мирошевским: 1) во имя каких целей Ф. Миранда посетил далекую северную страну? 2) каковы причины благосклонности Екатерины II к испано-американскому бунтовщику?

М. С. Альперович имеет особую точку зрения по первому вопросу: «Скорее всего, Миранда приехал в Россию без каких-либо заранее обдуманых намерений добиваться поддержки своих революционных планов. Во всяком случае, в его дневниках не встречается никаких упоминаний о подобных расчетах» [Альперович 1986, с. 58]. По его мнению, причиной приезда Ф. Миранды было стремление расширить культурный кругозор и желание познать политический строй России, ее историю. Эта точка зрения не была полностью принята некоторыми российскими учеными.

Так, например, Е. В. Чистякова в книге о русско-американских отношениях указывала, что М. С. Альперович «...все же не проясняет вопрос о целях приезда креола в Россию и причине столь щедрого приема и помощи, оказанной ему двором и лично Екатериной II. Ведь не туризмом же он занимался» [Чистякова 1993, с. 100]. Н. Я. Эйдельман во время обсуждения книги Альперовича,

проводившегося журналом «Латинская Америка», также отмечал: «Даже одна цитируемая М. С. Альперовичем фраза из письма Миранды к царице – “о великом и важном деле”, помешавшем ему перейти на русскую службу, позволяет высказать предположение, что Россия занимала определенное место в освободительных планах путешественника. Как ни расплывчаты были эти планы, они, естественно, подразумевали огромную и все растущую роль Петербурга в международных делах, определенную конфронтацию екатерининской дипломатии с политикой Бурбонов вообще и испанских в частности» [Круглый стол 1987, с. 116].

Рассматривая взаимоотношения Ф. Миранды и правительства Екатерины II, М. С. Альперович основное внимание уделил другому аспекту проблемы: в чем секрет подчеркнуто радушного приема креола Екатериной и ее окружением? По его мнению, несостоятельность версии В. М. Мирошевского заключается в том, что В. М. Мирошевский опирался на узкий круг источников, т. е. не использовал документы архива Ф. Миранды.

В результате дополнительного изучения материалов рукописного наследия В. М. Мирошевского нами было установлено следующее: в фонде историка имеются многочисленные доказательства того, что публикация дневника (т. 2) и других материалов архива Миранды была не только доступна В. М. Мирошевскому (находилась в Российской государственной библиотеке под известным ученому шифром), но и была им тщательно проработана (о чем свидетельствуют соответствующие пометки, сделанные исследователем, в библиографии, в лекционных курсах по источниковедению и историографии, в указателе иллюстраций и т. д. [ОР РГБ, карт. 2, ед. хр. 4, л. 7; карт. 3, ед. хр. 8, л. 4 об; карт. 3, ед. хр. 9, л. 25–27]). Помимо публикации архива Миранды, В. М. Мирошевский широко использовал и другие источники: дипломатическую переписку и эпистолярное наследие русских и иностранных послов и политических деятелей, мемуарную литературу и пр.

В качестве конструктивной части историографического анализа хотелось бы высказать некоторые соображения по затронутым выше проблемам.

Как указывают историки Д. М. Санчес и Х. Парра–Перес, во время поездки по Европе в 1785–1787 гг. Ф. Миранда подвергался преследованиям со стороны испанских дипломатов. Ни в одном

городе он долго не задерживался, так как знал, что повсюду по месту его следования рассылались указания, содержащие требования выдачи его как государственного преступника [Parrá-Pérez 1943; Sanchez 1961]. Готовились его аресты во Франции и Пруссии. Известны случаи преследования Ф. Миранды исландскими посланниками в Дрездене, Кракове, других городах, грозившие ему потерей свободы. Поэтому путешествие Миранды по Европе было продиктовано в первую очередь его борьбой за свободу и жизнь. Переезжая из страны в страну, Ф. Миранда чувствовал себя в относительной безопасности. Именно в Италии, когда испанским властям вновь удалось напасть на его след, Ф. Миранда принимает решение направиться в Россию.

Почему же Ф. Миранда, избрав Россию местом политического убежища, был уверен в благосклонном отношении к нему со стороны официальных властей? Эту уверенность придавала ему легенда, подсказанная, возможно, «злейшими врагами испанского короля», проживающими в Италии испано-американскими иезуитами, согласно которой Ф. Миранда должен был предстать в России лицом, спасающимся от преследования испанской инквизиции по религиозным мотивам. Поэтому не случайно во время первых встреч Миранды с С. Ямпольским, графом Г. А. Потемкиным, Екатериной II разговор неизменно заходил об иезуитах [Archivo, т. 2, с. 227–229, 266–267, 298, etc.].

Так, испанский дипломатический представитель в России Нормандес писал, что Миранда «представил дело таким образом, будто его обвиняют в преступлении, которого он не совершал, и вдобавок ко всему его преследует святая инквизиция <...>. Поскольку сочувствие лицам, преследуемым за преступления, относящиеся к ведению святой инквизиции, считается при дворе признаком хорошего тона, и императрица находит удовлетворение в том, что предоставляет убежище всем несчастным, и прежде всего тем, кто имеет провинности перед церковью, выразившиеся в нежелании подчиниться ей, Миранда без труда заручился поддержкой ее высочества» [Россия и Испания 1991, с. 354].

Подобное объяснение мотивов посещения России Ф. Мирандой не противоречит предположению В. М. Мирошевского о том, что среди возможных причин его поездки было также желание узнать об отношении правительства России к перспективе выступления

народов Южной Америки за свой суверенитет. Ф. Миранда, участник войны за независимость США, конечно, был осведомлен, что во время войны североамериканских колоний за независимость, за отторжение от метрополии Россия проводила политику «вооруженного нейтралитета», содействуя тем самым созданию независимого государства – Соединенные Штаты Америки.

Перейдем к другой стороне рассматриваемого вопроса: чем объяснить демонстративное покровительство Екатерины II Ф. Миранде, объявленному в Испании государственным преступником? Ключ к пониманию этого лежит в русско-испанских отношениях того времени, и в некотором смысле, можно поддержать тезисы В. М. Мирошевского, исключив из них несколько прямолинейное, политизированное суждение историка о реальной возможности осуществления «камчатского проекта». В этом отношении более конструктивной представляется мельком высказанная В. М. Мирошевским фраза о связи американского и восточного вопросов в политике России. Рассматривая эту интересную мысль, не нашедшую пока должного освещения в историографии, можно отметить следующее.

Как известно, точки соприкосновения внешней политики России и Испании находились в Северной части Тихого океана и на юге Европы в Черном и Средиземном морях. Суть политики Екатерины II в отношении первого района состояла в следующем: «Многое распространение в Тихом море не принесет твердых польз. Торговать – дело иное, завладеть – дело другое»¹. Исходя из этого тезиса проникновение России в Северную Америку шло не посредством военных экспедиций, а лишь благодаря действиям русских промышленников, таких как Г. И. Шелихов, И. И. Голиков и др. Мы полностью разделяем точку зрения известного исследователя этого вопроса Р. В. Макаровой, писавшей, что «вплоть до конца XVIII в. оно (русское правительство. – В. К.) ограничивалось лишь поощрением деятельности русских купцов на островах Тихого океана и оказанием им финансовой помощи. Русское правительство не решалось объявить миру о своих правах на земли, открытые между Азией и Америкой русскими мореплавателями. Такая позиция царизма объясняется тем, что Россия сосредоточила свое внимание в тот период на европейских делах и Восточном вопросе и у нее

¹ Цит. по: [Русские открытия 1948, с. 282].

не хватало сил и возможностей для активной политики в Тихом океане»¹. И, как отмечала в дневнике сама Екатерина II накануне Русско-турецкой войны: «Пособие монаршее теперь обращено на полуденные действия, для которых дикие американские северные народы и торговля с ними оставляются их собственному жребию» [там же]. Таким образом, русское правительство временно отказалось взять под государственный контроль освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки.

Сдержанное отношение правительства Екатерины II к колонизации Северной Америки отнюдь не означало отказа использовать американский вопрос в осуществлении европейской политики. Тем самым русская дипломатия получала в руки мощный рычаг для оказания давления на Испанию в Восточном вопросе. Испания накануне Русско-турецкой войны находилась в лагере союзников Турции. Опасаясь потерять позиции в Средиземноморье из-за усиления влияния России в этом регионе, Испания еще в 1782 г. заключила с Турцией союзнический договор. Некоторые историки полагают, что к договору прилагалась секретная часть, по которой испанцы обязывались, в случае войны между Россией и Турцией, препятствовать проходу русских судов через Гибралтар. Было ли это действительно так? Судить трудно. Однако, как раз накануне этой войны, Екатерина II знала о невозможности использовать в Средиземном море испанские и французские базы для русских судов и интересовалась относительно «расположения сея короны (Англии. – В. К.), об открытии ея портов для нашего флота, пособия в снабжении, нужным и могущим встретиться затруднениям со стороны Бурбонских дворов» [Сборник императорского Русского ... 1879, с. 287].

Предвидя войну с Турцией, русская дипломатия ставила целью смягчить позиции Франции и Испании в свою пользу. Подорвать влияние французов в Константинополе удалось после заключения в марте 1787 г. Русско-французского торгового договора, вселив тем самым недоверие к Франции как к союзнику со стороны Турции [Коваленский 1890, с. 8].

На Испанию же оказывалось политическое давление, которое было представлено в Мадриде в виде угрозы русского вторжения в Испанскую Америку. О том, насколько испанское правительство

¹ Цит. по: [Макарова 1968, с. 7].

опасалось подобного развития событий свидетельствует негативная реакция испанского короля Карла III на пожелание российской императрицы получить от него в «подарок» словарь языков американских индейцев. «Странная ревность короля католического – возмущалась Екатерина II, – велела отказать мне в словарях Мексики и Перу. Они отвечали, что эти языки есть государственная тайна»¹.

Оказанная императрицей демонстративная финансовая и дипломатическая поддержка «злейшему врагу испанской короны» Ф. Миранде была призвана показать потенциальную угрозу испанским владениям в Северной Америке. Дело усугублялось еще и тем, что испанские правительственные чиновники подозревали в Ф. Миранде английского шпиона. Как известно, первый министр при дворе испанского короля Карла III. Х. Флоридабланка главную опасность для внешнеполитического положения Испании видел в англо-русском союзе, что означало, по его мнению, неминуемое нападение англо-русских войск на испанские колонии в Америке. (Подобный план возник в 1781 г., когда Англия в качестве платы за альянс могла предложить России разделить испанские владения в Америке) [Schop Soler 1970, с. 84]. «Мы должны серьезно позаботиться, чтобы помешать союзу России с Англией...», – писал Флорида бланка в тайной директивной инструкции от 8 июля 1787 г. [там же, с. 84]. В пребывании в России «английского шпиона» Флоридабланка вполне мог подозревать какую-то специальную миссию. О повышенном интересе к беглецу, о желании «разведать его намерения» со стороны испанских дипломатов свидетельствует следующий факт. Когда Ф. Миранда находился в Херсоне, Нормандес получил из Мадрида депешу, помеченную 1 января 1787 г., где среди сообщений о путешествии Екатерины II на юг России говорилось: «Дон Франсиско де Миранда, уроженец Каракаса, ранее бывший на службе короля, прибыл в Херсон из Англии проездом через Константинополь. Это подозрительный человек, и я поручаю Вам проследить за его поведением и попытаться узнать его намерения, и если он будет возвращаться в Англию, немедленно сообщить об этом Бернардо дель Кампо средствами, какие вы найдете наиболее надежными и быстрыми»[Sanchez 1961, с. 512].

¹ Цит. по: [Бобылев 1997, с. 153].

Остается только добавить, что после того, как в Мадриде стало известно о теплом приеме Ф. Миранды Г. А. Потемкиным и Екатериной, Флоридабланка получил депешу, датированную 17 февраля 1787 г., от Нормандеса о том, что в Кронштадте готовится секретная военная экспедиция Муловского, которая должна отправиться в район Северной Америки с целью защиты «российских рубежей» [Warren 1973, с. 116]. Флоридабланка, имея только что полученный через североамериканцев доклад французского мореплавателя Лаперуза, где говорилось о четырех русских факториях, созданных в Калифорнии, направил послание в столицу России, в котором интересовался возможностью ареста Ф. Миранды [Sanchez 1961, с. 513].

Инцидент с Маканасом, демонстративная поддержка его императрицей, да еще случай с капитаном испанского флота Гаянгасом, которому не было дозволено ехать в Херсон и Крым (он имел негласное предписание от своего правительства следить за каждым шагом Миранды), – всё это плюс подготовка военной экспедиции русских в Северную Америку, казалось, подтверждало худшие опасения Флоридабланки об экспансионистских устремлениях России. Реакция мадридского двора была мгновенной. Уже спустя неделю в письме к Потемкину секретарь Екатерины А. А. Безбородко сообщал: «Слышно, что Гишпанский король зол на нас безмерно за прием Миранды и за недозволение присланному весной флота его капитана Гайангосу ехать в Крым» [Русская старина 1876, т. 15, с. 26].

Эмоциональный аспект обострения русско-испанских отношений был подкреплён и практическими действиями со стороны Карла III. Во-первых, Флоридабланка разработал, а затем и выслал в Северную часть Испанской Америки план об установлении в Калифорнии кольца укреплений; во-вторых, испанцы снарядили в Сан-Бласе специальную экспедицию под руководством Э. Х. Мартинеса и Гонсало Лопеса де Аро, которая направлялась с единственной целью разведать все о русских поселениях на Тихом океане. Из этого можно сделать вывод, насколько серьезно испанское правительство поверило в угрозу дальнейшего русского проникновения в Америку.

Боязнь «русской экспансии» в этом регионе обусловила изменение курса испанской политики в отношении Средиземного моря. Американский историк А. Халл в диссертации, посвященной

Русско-испанским противоречиям на Тихом океане в 1760–1812 гг., приводит выдержку из письма вице-короля Мексики М. А. Флореса уже упомянутому Мартинесу (январь 1788 г.), где говорится, что испанцы стремились умерить активность в Америке России, предоставляя ей привилегии в Средиземноморье (т. е. разрешая прием русских судов в испанских портах). Поэтому закономерно, что в Русско-турецкой войне Испания заняла сторону России, предложив сотрудничество. Это прозвучало в ответе Флоридабланки на вопрос русского посла в Испании С. Зиновьева об отношении Испании к Русско-турецкой войне. Как писал французский посланник в Санкт-Петербурге граф Л. Ф. де Сегюр в депеше, направленной 25 февраля 1788 г. в Париж, Екатерина была тем очень довольна [Schop Soler 1970, с. 143].

Таким образом, пребывание Ф. Миранды в России отразилось на политике Испании в восточном вопросе. Как видно из приведенных выше документов, возможно предположение, что русская дипломатия целенаправленно использовала присутствие Ф. Миранды в России в качестве фактора, оказывавшего давление на правительство Карла III. Безусловно, предложенная версия нуждается в дальнейшей проверке, но в любом случае «мирандийский» фактор сыграл важную роль в том, что Испания во время Русско-турецкой и русско-шведской войн заняла дружественную России позицию.

Пребывание Ф. Миранды в России остается в центре общественного внимания. Так, в марте 2014 г. появился интернет-сайт на испанском и русском языке (*franciscodemirandayrusia.org*), посвященный изучению этой темы. Венесуэльского дипломата Хосе Брисеньо сподвигло на создание сайта прочтение книги М. С. Альперовича «Франсиско де Миранда в России», переведенной на испанский язык Э. Чернявски [Alperóvich 1986]. Автор этого проекта отмечал, что исследования о путешествии Ф. Миранды в Россию способны вызвать интерес зарубежных исследователей к истории России, дают возможность объединить усилия российских, европейских и латиноамериканских историков в изучении общего культурного наследия наших стран. Реализация этого проекта может стать шагом вперед в изучении проблематики отношений Ф. Миранды с правительством Екатерины II.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альперович М. С.* Франсиско де Миранда в России. М. : Наука, 1986. 352 с.
- Бобылев В. С.* Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века. М. : РУДН, 1997. 324 с.
- Коваленский М. Н.* Путешествие Екатерины II в Крым. М. : Товарищество Мир, 1890. 128 с.
- Косторниченко В. Н.* Военные страницы отечественной латино-американистики // Латинская Америка. 2017. № 7. С. 11–19.
- Круглый стол. Обсуждение книги М. С. Альперовича «Франсиско де Миранда в России» // Латинская Америка. 1987. № 7. С. 16–45.
- Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане в половине XVIII в. М. : Наука, 1968. 200 с.
- Мирошевский В. М.* Екатерина II и Франсиско Миранда // Историк–марксист. 1940. № 2. С. 17–42.
- Мирошевский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании (1492–1810). М.–Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1946. 156 с.
- Митрополит Климент (Капалин).* Это наша вера, она русская. К 220–летию русской духовной миссии на Аляске // Международная жизнь. 2014. № 5. С. 157–172.
- ОР РГБ (Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки). Фонд 469 (В. М. Мирошевский).
- Петров А. Ю.* История и наследие Русской Америки: проблемы, направления, перспективы исследований // Новая и Новейшая история. 2016. № 5. С. 177–182.
- Петров А., Савельев И.* Как продавали Аляску // Родина. 2017. № 4. С. 104–107.
- Россия и Испания. Документы и материалы. Т. 1. М. : Международные отношения, 1991. 467 с.
- Русская старина. Т. 15. СПб. : Тип В. С. Балашева, 1876. 323 с.
- Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке / под ред. и вступ. ст. А. И. Андреева. М. : Географиз, 1948. 324 с.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. Санкт-Петербург, 1867–1879, т. I–XXVI: [Рец. / [А. Брикнер, (проф. Дерпт. ун-та)]. Санкт-Петербург] : тип. В. Безобразова и К°, 1879. 313 с.
- Чистякова Е. В.* Контакты России с народами Латинской Америки (до XIX в.). М. : РУДН, 1980. 73 с.
- Чистякова Е. В.* Русские страницы Америки. М. : РУДН, 1993. 149 с.
- Alperovich M.* Francisco de Miranda y Rusia (Elsa Cherniawski, trad.). Moscú, Rusia : Progreso. 1986. 372 p.

- Archivo del General Miranda. T. 2. P. 227–229, 266– 267, 298, etc. URL: images/search?text=Archivo%2C т. 2%2C с. 227–229%2C 266–267%2C 298%2C etc.&stype=image&lr=213&source=wiz
- Hull A. Spanish and Russian Rivalry in the North Pacific Regions of the New World. 1760–1812. Birmingham, 1966. 236 p.
- Parra-Perez C. Miranda y la revolucion francesa. T. 1. Caracas, 1943. P. 100–114.
- Sanchez D. Vigilado por las embajadas espanolas // Revista de Indias. № 85–86. Madrid, 1961. P. 512– 514.
- Schop Soler A. M. Die Spanisch-russischen Beziehungen im XVIII Jahrhundert. Wiesbaden, 1970. 303 S.
- Warren L. Flood Tide of Empire: Spain and the Pacific Northwest, 1543–1819 (Yale University Press, 1973). 620 p.

УДК 138.2

Т. В. Браиловская

кандидат исторических наук, профессор кафедры исторических наук МГЛУ;
e-mail: bratania58@mail.ru

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РУССКОЙ АМЕРИКИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ США
(на примере чтения курса лекций в МГЛУ)**

Задачей этой статьи является анализ историко-культурного наследия Русской Америки в современной историографии и методологии ее преподавания в курсе истории России и США. Доказывается, что историко-культурное наследие Русской Америки представляет актуальную научную междисциплинарную проблему.

Раскрываются основные темы проблематики истории изучения Русской Америки, определяя необходимость их углубленного изучения для лучшего понимания культурно-исторических связей России и США. Отдельно выделены тенденции развития современной историографии в этом направлении, подчеркивается важность включения темы историко-культурного наследия Русской Америки в лекционные курсы по истории России и США для патриотического воспитания молодежи и студентов.

Ключевые слова: историко-культурное наследие Русской Америки; Аляска; колонизация земель России; фронтир; Тихоокеанский Север.

T. V. Brailovskaya

PhD (Historical Sciences), Professor of the Chair of Historical Sciences of the MSLU;
e-mail: bratania58@mail.ru

**STUDYING THE HISTORY AND CULTURAL HERITAGE OF RUSSIAN
AMERICA IN THE CONTEXT OF THE UNITED STATES HISTORY
(as exemplified by lectures in MSLU)**

The aim of the article is the analysis of the history and cultural heritage of Russian America in the modern studying of Russian and American history. The author proved that studying of the history and cultural heritage of Russian America is very relevant. In Russian historiography this problem is rather underrepresented and is to be thoroughly examined. The author highlights the need for thorough and deep analysis of the history of Alaska that will give us a better understanding of the Russian-American historical and cultural relations.

Key words: Historical and cultural heritage of Russian America; Alaska; colonization of the Russian territories; Frontier; The Pacific Northwest.

Историко-культурное наследие Русской Америки представляет собой актуальную проблему, что подтверждается высоким уровнем публикаций и международных конференций.

Рассматривая проблему историко-культурного наследия Русской Америки в контексте современных геополитических проблем России, нельзя забывать о роли русского народа в мировой истории, особенности российской цивилизации.

Современные глобализационные процессы способствовали поиску собственной идентичности не только населения России, бывших граждан Советского Союза, но и многих стран, вступивших в полосу дезинтеграции [Браиловская 2012].

На протяжении длительной истории России сфера ее влияния в территориальном плане расширялась. Применение ее военной силы, принятие политических решений, осуществление взаимно выгодных хозяйственных связей, культурные контакты, прочность духовно-нравственных и религиозных традиций способствовали росту и упрочению сферы геополитического влияния России на мировую политику, формированию российской цивилизации.

В этом контексте история освоения Аляски и в целом территории Русской Америки, как справедливо подчеркивает в своих статьях организатор международной конференции в институте всеобщей истории РАН главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор МГЛУ А. Ю. Петров – это общее прошлое России и США.

Российское государство складывалось изначально как многонациональное, при этом процесс расширения территории России отличался от колонизации других европейских стран – путем присоединения территорий с XV и до конца XIX вв. Территориальное расширение – логика развития всех империй, и Россия постепенно превращалась в самодостаточный многонациональный мир.

«Русские веками шли на северо-восток. Славянская волна катилась по Евразийскому континенту, пока не добралась до Америки. Каждая новая ступень (освоения) усугубляла ощущение Севера в российской истории и географии»¹.

В силу этого проблема освоения Русской Америки логично вписывается в лекционный курс, читаемый в МГЛУ, по истории,

¹ Цит. по: [Бусыгина 2010, с. 260].

культуре и географии США. В этом отношении для нас важным является учебник В.В.Согрина, где определяются особенности колонизации Северной Америки европейскими странами на Атлантическом побережье. В учебнике показаны три типа колоний (акционерных компаний, протестантских и крупных латифундистов), а также прослеживается динамика их развития [Согрин 2003, с. 192].

Особенности российской колонизации Северной Америки отмечены в работах академика РАН Н.Н.Болховитинова и А.Ю.Петрова, где указывается, что основание первых постоянных поселений в Америке способствовало образованию Российско-американской компании, крупного монопольного объединения, контролируемого государством [Болховитинов 1991; Петров 2002]. В этом отношении показательно сравнение деятельности русской купеческой компании с первыми акционерными компаниями на восточном побережье США. Тем более, что в ходе изучения колониального периода в истории США большая часть учебного материала предназначена для самостоятельного изучения студентами в программах курсов по истории и культуре стран английского языка, специального страноведения и спецкурса для второго высшего образования.

Особенности российской колонизации легче можно обозначить в сравнении с образованием первых английских поселений в Северной Америке и колонизацией Америки другими европейскими странами. Такой подход к изучению с очевидностью вписывается и в лекционные курсы, и в учебные пособия по страноведению Великобритании и США, а также по истории России.

Исследования в этой области также требуют пристального внимания со стороны историков и в контексте формирования особенностей российской и североамериканской цивилизаций [Браиловская 2012].

Мало изучены и проблемы межнациональных отношений в процессе расширения границ Российского государства, в том числе на территории Северной Америки, на Аляске и Алеутских островах, в частности, между коренным населением и первопроходцами – участниками русских экспедиций [Зорин 2017].

Как известно, заселение Северной Америки проходило через острова Тихого океана из Азии, и единство происхождения

народов Сибири и Дальнего Востока, а также Аляски и Северной Калифорнии не вызывает сомнения. Но до сих пор эта проблематика не освещена должным образом, несмотря на то, что она могла бы активизировать межкультурные коммуникации между Россией и США, а также популяризировать такие научные теории, которые имеют общее значение для изучения процессов освоения Сибири и Дальнего Востока, а также для американского континента.

Для выяснения культурно-исторических связей на Тихоокеанском Севере важно продолжать изучение истории всего региона с древнейших времен, разделив на определенные периоды и показав особенности расселения коренных народов от Арктики до Калифорнии, а также специфику развития международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе с учетом истории и наследия Русской Америки.

Развитие США вширь и выход к Тихому океану в результате покупки Луизианы подчеркивает значение границы в истории США. Именно на Аляске, как сказано на страницах специализированного сайта на двух языках (на русском и английском), и произошла встреча на границах,

В курсе лекций дается определение термину «фронтир». Период 20-х гг. XIX в. исключительно важен в развитии США, когда получает практическое воплощение Доктрина Монро, которая всесторонне рассмотрена в работах Н. Н. Болховитинова.

Главная и определяющая особенность русской колонизации северо-запада Америки заключалась в том, что она носила морской, океанический характер и в этом смысле коренным образом отличалась от колонизации Сибири, имевшей ярко выраженный континентальный характер. Именно эта главная особенность и определила основные черты освоения Русской Америки, а в конечном итоге и ее дальнейшую судьбу.

Разницу между морской колонизацией Русской Америки и континентальной колонизацией Сибири можно определить буквально в двух словах: соболь и калан (морской бобр). В бескрайние просторы Сибири русских вел «соболиный хвост». К берегам Русской Америки их манил бесценный мех морского бобра. Сибирские меха (соболь, норка, белка и др.) шли на европейские рынки – в Москву, Лейпциг, позднее – в Санкт-Петербург, а также в Голландию и Англию, где они обменивались на различные изделия из металла,

ткани и колониальные товары. Морские бобры больше ценились в Китае – их привозили в Кяхту и там меняли на чай, шелк, фарфор и другие китайские товары. Канадский профессор Джеймс Гибсон приходит к выводу, что мех морского бобра, который так ценился китайской знатью, во многом способствовал широкому развитию русской традиции чаепития и одновременно служил укреплению деловых связей с Китаем [Болховитинов 1999, с. 7–9].

И, наконец, о проблеме уступки Аляски. Хотелось бы, чтобы в вузовских учебниках этот факт нашел свое отражение, в том числе и значение этого события для развития международных отношений в этом регионе.

Просмотрев соответствующие учебники для средней школы в Америке, можно отметить только факт упоминания сделки. Для американцев – это покупка. Как отмечает А. Ю. Петров в своих работах, чтение курса лекций по истории Аляски после ее продажи достаточно хорошо ведется в университетах Аляски, но при этом мало внимания уделяется ее русскому периоду. Этому есть свои объяснения – в первую очередь, языковая сложность и получение источников на русском языке, а также их археографическая обработка. В России же, напротив, достаточно хорошо изучается материал по истории Русской Америки, он включается в спецкурсы, но не рассматривается дальнейшее развитие штата и его особенности в составе США. Этот факт вызывает сожаление, так как, например, в истории США достаточно хорошо отражено присоединение Калифорнии и ее последующее развитие в XIX–XX вв. То же самое можно сказать и о покупке Луизианы. Если в Соединенных Штатах – это одна из центральных тем в курсе американской истории, то у нас в процессе обучения ей уделяется незаслуженно мало внимания.

Хотелось бы получить новые данные и об уступке Аляски, так как очевидно, что ряд положений, которые доминировали в историографии и затем перешли в учебники, устарели, например, об убыточности колоний как о главной причине продажи Аляски. Актуальным представляется и включение фактов сохранившегося русского историко-культурного наследия во внутренних регионах Аляски.

А. Ю. Петров и его коллеги справедливо предлагают рассматривать междисциплинарность и многоаспектность истории и наследия Русской Америки. «Долгое время в российско-американских

отношениях превалировали стереотипы, они распространились и в научной среде. Так, некоторые ученые полагали тему Русской Америки незначительной, при этом затруднялись ее отнести как к отечественной, так и к американской истории. В школьных и вузовских учебниках практически ничего не говорится о великих русских географических открытиях в северной части Тихого океана и об истории Русской Америки. В то же время распространено множество мифов. Лишь в последние годы, благодаря усилиям ученых-специалистов и участников научно-исследовательских экспедиций на Аляску, изучение Русской Америки вышло на новый уровень. Наследие Русской Америки как историко-культурный феномен предлагается рассматривать в разных аспектах. В узком смысле – это Аляска, группы Алеутских островов, поселения в Калифорнии, на Гавайских, Курильских и Командорских островах. Это район деятельности Российско-американской компании (РАК), управлявшей данными территориями в 1799–1867 гг. В широком смысле мы понимаем Русскую Америку как Новый Свет, новые рубежи в сознании наших предков. «Америка» – термин, который обозначает не столько континент, сколько новую, неизвестную землю, границу. Только в первой половине XIX в. из России отправилось более 50 кругосветных экспедиций. Они составили гордость отечественного флота, привели к качественным изменениям в науке, было сделано немало крупных географических открытий. Важно подчеркнуть, что конечной целью практически всех экспедиций была Аляска, а снаряжены они были на средства Российско-американской компании. Без понимания этого фактора и должной оценки финансово-хозяйственной деятельности РАК в России и за ее пределами крайне сложно составить «русский глобус» и изучать российское наследие за рубежом. Поэтому в широком смысле под Русской Америкой мы подразумеваем страны и регионы, которые посетили участники отечественных кругосветных экспедиций» [Петров, Митрополит Климент (Капалин), Малахов, Ермолаев, Савельев 2011, с. 1090–1099].

Важно подготовить и полноценный интернет-ресурс, в котором были бы представлены материалы о Русской Америке, истории США и России. Похожие примеры уже имеются. Так, «Встреча на границах» является двуязычной (англо-русской) цифровой библиотекой, представленной разными средствами информации,

которые повествуют об освоении и заселении американского Запада, об освоении и заселении Сибири и российского Дальнего Востока, а также о встрече русских и американцев на Аляске и на северо-западном побережье Америки.

Проект предназначен для использования в американских и российских школах и библиотеках, а также для ознакомления широкой общественности обеих стран. Этот проект возник в 1997–1998 гг. в ходе дискуссий в Конгрессе США, особенно между сенатором Тедом Стивенсом и Джеймсом Биллингтоном, директором Библиотеки Конгресса США. Проект основан на исторических фактах, свидетельствующих о развитии этнических, религиозных и экономических связей между Россией и Аляской, которые берут начало в конце XVIII в., времени основания первых русских поселений в Америке. Студентам МГЛУ мы также рекомендуем этот сайт, который входит в список дополнительной литературы, в зависимости от курса и направления специальности. Желательно, чтобы и у наших исследователей и преподавателей появился похожий ресурс, адаптированный для потребностей российской Высшей школы, в том числе и МГЛУ.

Подводя краткий итог статьи, следует отметить, что проблема историко-культурного наследия Русской Америки сегодня наполняется историческим, политическим, культурологическим и филологическим содержанием, что способствует сохранению и развитию отечественной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болховитинов Н. Н.* Особенности русской колонизации Америки // *Русская Америка*. Вып. 9. Вологда, 1999. 336 с.
- Болховитинов Н. Н.* Россия открывает Америку. 1732–1799. М.: Международные отношения, 1991. 221 с.
- Браиловская Т. В.* Изучение истории Российского государства в контексте процессов глобализации // *Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Исторические и политические науки*. 2012. № 2 (635). С. 17–25.
- Браиловская Т. В.* О геополитической роли России в современной Европе // *Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Исторические и политические науки*. 2012. №. 25 (658). С. 23–30.
- Бусыгина И. М.* Политическая география. Формирование политической карты мира. М.: Проспект, 2010. 384 с.

- Зорин А. В. Индейская война в Русской Америке: русско-тлинкитское противоборство (1741–1821). М. : Квадрига, 2017. 360 с.
- Петров А. Ю. Финансово-хозяйственное состояние российско-американской компании на рубеже XVIII–XIX вв. Русское открытие Америки. М. : РОССПЭН, 2002. 540 с.
- Петров А. Ю., Митрополит Климент (Капалин), Малахов М. Г., Ермолаев А. Н., Савельев И. В. История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. Т. 81. 2011. № 12. 1232 с.
- Согрин В. В. История США. М.–СПб. : Питер, 2003. 192 с.

УДК 327.8

И. В. Михайлин

доктор исторических наук; профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ;

e-mail: mikhailin.igor@mail.ru

«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (1990–2005)

Информационная революция, начавшаяся в 1990-е гг., способствовала возрастанию роли «мозговых центров» в жизни разных государств и в мировой политике в целом. В развитых странах, где «мозговые центры» к тому времени существовали уже не одно десятилетие, они оказывали значительное влияние на процесс принятия политических решений и подходы к проблемам мировой повестки дня. В развивающихся странах эти экспертно-аналитические структуры возникли значительно позднее и поэтому не имели такого влияния, занимаясь преимущественно вопросами национального и регионального развития. В статье анализируется деятельность «мозговых центров» в Латинской Америке. На рубеже веков они сосредоточили свой аналитический потенциал на разработке стратегий, отличавшихся от правительственных экономических программ, реализация которых в большинстве стран сопровождалась обострением социальных проблем. Второй приоритет их деятельности состоял в обеспечении экспертно-аналитического сопровождения требований общественности в поддержку соблюдения демократических прав и профсоюзных свобод.

Ключевые слова: информационная революция; «мозговые центры»; «фабрики мысли»; экспертно-аналитическая поддержка; функция влияния.

I. V. Mikhailin

Doctor of History (Dr.habil), Professor, Department of the Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: mikhailin.igor@mail.ru

«THINK TANKS» IN LATIN AMERICA (1990–2005)

Worldwide information revolution, started in the 90-s last century, contributed to growth of the role of «think tanks» indifferent countries and world politics as a whole. In the developed states, where «think tanks» had already a long life, they exerted notable influence upon the process of political decision making and approach to the problems of world agenda. In the developing countries such expert and analytic structures had much shorter life and therefore less influence, dealing mainly with matters of national and regional development.

The article deals with activities of «think tanks» in Latin America. On the borderline of centuries they concentrated analytic capabilities on elaboration of strategies differing from government economy programs. Experts of «think tanks» got down to work because realization of these programs led to aggravation of social problems in many Latin-american countries. Second priority of «think tanks» consisted in securing expert and analytic accompaniment of public claims in support for observance of democratic rights and trade union freedoms.

Key words: information revolution; «think tanks»; «factory of ideas»; expert and analytic support; function of influence.

«Мозговые центры» («фабрики мысли») представляют собой экспертно-аналитические структуры, создаваемые для производства интеллектуального продукта (научных исследований, выводов, рекомендаций), используемого правящими кругами в процессе принятия (внешне) политических решений. Действуя в условиях быстро меняющейся обстановки в регионе, мире в целом должностные лица в правительстве в большинстве случаев испытывают дефицит времени и просто не в состоянии обдумывать решения на средне и долгосрочную перспективу. Поэтому главная функция «мозговых центров» состоит в том, чтобы заполнить пробел между идеями и действиями. «Мы помогаем преодолеть разрыв между наукой и политикой» гласит слоган программы «Аналитические центры и гражданское общество» Университета Пенсильвании [Всемирный индекс-рейтинг, с. 2].

Имея несомненную самооценку, «мозговые центры» в то же время могут рассматриваться и как составная часть «мягкой силы». В рамках выполняемых функций они формулируют рекомендации, которые содействуют интеллектуально-информационному управлению усилиями по использованию «мягкой силы» в трех главных сферах ее приложения – внешней политике, идеологии и культуре.

Заслуживает внимания небольшой, но устойчивый рост в последние годы числа «мозговых центров» в мире (6826 в 2013 г. и 6848 в 2015 г.) [там же, с. 41]. Поскольку в США и большинстве стран Западной Европы «мозговые центры» в основном уже сложились, а их число достигло разумного максимума, логично предположить, что появление новых структур происходит преимущественно за счет государств Азии, Африки и Латинской Америки. В странах Центральной и Карибо-Латинской Америки, по данным за 2015 г., насчитывалось 752 «мозговых центра» [там же, с. 44].

В последней четверти прошлого века роль и место «мозговых центров» стали претерпевать изменения. Число «фабрик мысли» заметно возросло, они появились практически во всех странах континента. Что касается тематики аналитических исследований, то она стала в большей степени, нежели раньше, учитывать общемировые тенденции и их влияние на внутрисполитическую и экономическую жизнь. В контексте охватившей в 1990-е гг. весь мир глобализации страны Латинской Америки преимущественно выполняли миссию поставщиков сырьевых товаров и в полной мере испытали ее негативные последствия для своих хозяйственных систем. Эти последствия, помимо прочего, проявились в «потерянном пятилетии» 1999–2003 гг. (нулевой прирост ВВП на душу населения), которое как бы по инерции приняло эстафету от «потерянного десятилетия» 1982–1990 гг. Неолиберализм как идеологическое течение и практика овладел в 1990-е гг. умами правящих элит и стал основой государственной экономической политики ведущих стран континента.

Неолиберальный экономический курс проявился в отступлении государства из экономики и частично из социальной сферы, приватизации государственных предприятий, открытии и национальных экономик во вне, сокращении государственных расходов и т. д. Результатом стала глубокая экономическая депрессия, вызванная падением спроса на сырье и промышленные товары из стран континента на фоне более чем двукратного роста ставок по внешним кредитам. В поисках источников экономического роста латиноамериканские страны обратились к внешним займам, чем увеличили свою и без того значительную долговую обремененность. В 1982 г. объемы долговых выплат превзошли новые поступления – Бразилию, Аргентину захлестнула гиперинфляция, правительство Мексики вообще объявило дефолт. Латиноамериканские страны возглавили список должников государств «третьего» мира: Бразилия – 111 млрд, Мексика – 102 млрд, Аргентина – 49 млрд, Венесуэла – 34 млрд долл.

В сложившихся условиях правящие элиты латиноамериканских стран избрали путь финансовой стабилизации, издержки которой легли на плечи рядовых граждан [Емельянов 2015]. В Аргентине, например, она сопровождалась ухудшением материального положения основной массы населения (45 % ниже уровня бедности,

почти 20 % полностью или частично безработных, высокая детская смертность по причине недоедания). Мексике пришлось расплачиваться девальвацией национальной валюты. На опустошение своих кошельков, ущемление демократических прав и профсоюзных свобод социальные «низы» ответили мощными и разнообразными выступлениями – от восстания индейцев в мексиканском штате Чьяпас (1994) до подъема стачечного движения в начале 2000-х гг.: 5094 забастовок в 2001 г., 6744 – в 2002 г., 4593 только за первые 8 месяцев 2003 г. Выступления различных организаций «гражданского общества» обрели такую силу, что вынудили уйти в отставку президентов Парагвая и Перу, а впоследствии – Боливии и Эквадора [Майданик 2014].

В сложившейся на рубеже веков экономической ситуации и общественно-политической обстановке роль «мозговых центров» стала объективно возрастать. Она определялась способностью «фабрик мысли» сфокусировать интеллектуальные усилия на анализе такой важной проблемы, как экономическая политика, причем делать это максимально честно, профессионально, ставя во главу угла правильно понимаемый общественный интерес. Именно поэтому приоритетной задачей многих «мозговых центров» большинства латиноамериканских стран стал поиск действенных альтернатив правительственным стратегиям экономического развития.

Второй приоритет «фабрик мысли» заключался в экспертно-аналитическом сопровождении общественных движений в защиту демократических прав и профсоюзных свобод граждан. Ущемление демократии, утвердившейся на латиноамериканском континенте после десятилетий их попрания военными диктатурами и авторитарными режимами, вызывало решительный отпор общественности, политической и профсоюзной оппозиции в странах Латинской Америки.

Действительно, «мозговые центры» со штатами высококвалифицированных экономистов, политологов, специалистов-международников были, как нельзя лучше, подготовлены для оказания экспертно-аналитической поддержки партиям, общественным организациям, занимаясь поисками альтернативных моделей экономического и социального развития при одновременном закреплении демократических прав и профсоюзных свобод в качестве неотъемлемой нормы общественно-политической жизни стран

Центральной и Карибо-Латинской Америки. «Фабрики мысли» занимались разработкой отличных от правительственных наработок стратегий хозяйственного роста, стремились найти пути расширения доступа товаров латиноамериканских стран на мировые рынки. Они же адекватно реагировали на возросший запрос латиноамериканской общественности на обеспечение права на труд, устранение вопиющего имущественного неравенства, создание равных возможностей для всех членов общества.

Многие «мозговые центры» существуют на пожертвования американских фондов, международных и региональных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк, Межамериканский банк развития, Латиноамериканский банк развития). В Боливии, например, эти финансовые организации поддерживали «мозговой центр» Фонд тысячелетия (Fundacion Milenio), ряд других, оказывавших экспертно-аналитическую поддержку проводимой властями неолиберальной экономической политики. Некоторые центры позиционируют себя как независимые некоммерческие структуры. К их числу следует, например, отнести достаточно авторитетный в Латинской Америке «Аргентинский институт исследований в области реальной политики» (Instituto de Estudios sobre la Realidad Argentina), специализирующийся на анализе основных вопросов экономической политики Аргентины, других стран Латинской Америки. Другие «фабрики мысли» континента специализируются на экспертно-аналитическом сопровождении партийных программ правящей и ведущих оппозиционных партий. Самостоятельное место занимают структуры, осуществляющие по заказу предпринимательских союзов или отдельных представителей делового мира анализ мировых рынков в поиске перспективных торговых «ниш», в том числе в России, для сбыта своей продукции.

В целом, латиноамериканские «мозговые центры» выполняют схожие со своими аналогами в США, европейских странах функции – коммуникационную, аналитическую, а также занимаются легитимизацией правительственного курса. Целевую аудиторию «мозговых центров» составляют как экспертное сообщество, так и лица, принимающие участие в формулировании политического курса, а также широкие круги общественности в собственных странах. Эффективность работы «фабрик мысли» во многом зависит от продвижения аналитического продукта во все упомянутые

адресаты. Распространение аналитических документов осуществляется в разных формах: рассылка печатных и электронных пресс-релизов, доставка информационных материалов, снабжение публикациями заинтересованных организаций внутри страны и за рубежом, участие в книжных выставках, организация пресс-конференций и брифингов, др. Активно используются современные коммуникационные инструменты: размещение в Интернете материалов с проведенных мероприятий (презентации, аудио-, видеозаписи стенограмм выступлений), осуществление деятельности в социальных сетях, организация видеоконференций, электронных опросов, работа с интерактивными базами контактов и базами «управления знаниями» и др. Отличительная особенность латиноамериканских «фабрик мысли» заключается в том, что в своих прикладных исследованиях они, как правило, не выходят за континентальные рамки, концентрируя внимание преимущественно на национальных или региональных проблемах.

Из всех стран Латинской Америки в Чили сложилось, возможно, наиболее представительное и структурированное по своим идеологическим предпочтениям экспертно-аналитическое сообщество. Это сообщество стало складываться в Чили с конца 1970-х гг., и вобрало в себя преподавателей, научных работников, управленцев, которые в условиях диктатуры А. Пиночета были уволены из учебных заведений, научных учреждений и др. Эксперты-международники выделяют в Чили три группы «мозговых центров». Первые называют себя консерваторами, они высказываются за дерегулирование экономики, ассоциируются с интересами крупных компаний. Вторые по своим идеологическим воззрениям занимают промежуточное положение между христианскими демократами и либеральным крылом спектра политических сил страны. Третьи, именующие себя «прогрессивными либералами», придерживаются характерных для современной социал-демократии взглядов на экономику – рыночная модель хозяйства, признание государства в роли одного из важных регуляторов экономического развития [Moreno 2010].

Наиболее заметным представителем «мозговых центров» консервативного толка является «Центр изучения общественного мнения» (ЦИОМ, Centro de Estudios Publicos). Деятельность ЦИОМ направлена на исследование общественного мнения и оказание

влияния на процесс принятия решений. Сотрудники Центра сконцентрированы на исследовании основных проблем социально-экономического развития Чили. Аналитические материалы ЦИОМ отличает актуальность, глубина, благодаря чему, согласно международному рейтингу «мозговых центров», составляемых ежегодно Университетом Пенсильвании, он входит в число 30 лучших «фабрик мысли» в мире [Moreno 2010, с. 116]. К этой же группе относятся и другие «мозговые центры» – Институт свободы и развития, Институт Хайме Гусмана.

Вторая группа «фабрик мысли» представлена Корпорацией исследований Латинской Америки (КИЛА, Corporacion de Estudios para Latinoamerica). Высокопрофессиональные эксперты Центра выполняют исследования по таким темам, как стратегия развития и экономики; укрепление демократии; социальная сплоченность в Латинской Америке; законодательное консультирование в Чили [там же, с. 118]. К этой группе относятся также «Фонд справедливости и демократии» (Fondacion Justicia y Democracia), «Центр по изучению развития» (Centro de Estudios de Desarrollo).

Левый («прогрессивные либералы») фланг представлен «Фондом Чили 21» (Fundacion Chile 21). Символизируя своим названием XXI в., Фонд постепенно стал престижным форумом политических дискуссий в стране. Он способствует продвижению прогрессивных идей путем проведения национальных и международных симпозиумов, подготовки исследований и публикаций, распространению ценностей демократического социализма и поиска политических альтернатив неолиберализму. В фокусе политологических исследований Фонда находятся такие проблемы, как качество демократии, социальные права, права коренных народов, международная политика и др. «Фонд Чили 21» укрепляет и диверсифицирует свое участие в латиноамериканском экспертно-аналитическом сообществе. Он участвует в Сети Прогрессивного фонда стран Южного конуса, активно взаимодействует с близкими по взглядам Фондом Персео Абрамо (Бразилия), Центром политических и социальных исследований (Centro de Estudios Politicos y Sociales, Аргентина), Фондом Либеры Сереньи (Liber Seregni, Уругвай) [Fundacion Chile]. К «прогрессивным либералам» примыкали также «Проект Америка» (Proyecto America), «Демократия и развитие» (Democracia y Desarrollo).

В целом, сложившаяся в Чили конфигурация «мозговых центров» по основным идеологическим течениям на «консерваторов» (правых), центристов и умеренно левых присутствует с известными поправками на национальную специфику и в других странах континента.

После падения диктаторских и авторитарных режимов в Бразилии, Аргентине, Парагвае и Чили «мозговые центры» сочли одной из главных своих целей отстаивание с таким трудом завоеванных демократических прав и свобод граждан. Именно демократические права и профсоюзные свободы чаще всего нарушались в ходе периодически проводившихся на рубеже XX и XXI вв. гонений на левые и демократические силы в странах Центральной и Карибо-Латинской Америки [Емельянов, Семенова 2016].

По мере роста авторитета, постепенно усиливавшегося доверия к себе граждан и частичного учета правящими элитами рекомендаций «мозговых центров» они стали расширять масштабы и диверсифицировать формы своей деятельности. Показательны в этом отношении «фабрики мысли» Боливии. Заявленная ими поддержка общественных движений коренных народов в качестве одной из главных целей своей деятельности не могла, конечно, подвигнуть крупные международные и региональные банки на финансовые вливания для пополнения их скромных бюджетов. Финансовая помощь, позволившая этим «фабрикам мысли» не только выжить, но и постепенно активизировать свою работу, пришла от нескольких европейских доноров, антиглобалистского движения и Всемирного социального форума. Боливийские «фабрики мысли» в середине 1980-х гг. оказали интеллектуальную поддержку этническим группам путем подготовки и распространения печатных материалов, чем внесли посильный вклад в их борьбу за свою идентичность. Разрабатываемые «мозговыми центрами» идеи и рекомендации со временем вошли в программы требований различных социальных групп, общественных организаций, что позволило привлечь внимание правительства к бедственному положению коренных народов Боливии, которые в предшествовавшие исторические периоды были исключены из государственных программ. Начав с малых шагов, боливийские «мозговые центры» перешли к налаживанию связей и практическому взаимодействию с общественными движениями, что со временем позволило национальному экспертному

сообществу стать одним из заметных акторов политического процесса в Боливии.

В той же Боливии при содействии «мозговых центров» была решена важная проблема децентрализации власти. В 1988 г. «Центр исследования и развития села» разработал документ «Другая Боливия». Потребовались шесть лет, настойчивые усилия этого и других «мозговых центров» по привлечению внимания к этой проблеме разных социальных групп и создания с ними коалиции, прежде чем в 1994 г. тогдашний президент Гонсало Санчес де Досада подписал Закон народного участия, послуживший основой административной децентрализации.

Конструктивным участием в решении одной из важных внутри-политических проблем отметились «мозговые центры» и в Эквадоре. На волне общественных протестов в 2005 г. они объединились в коалицию с 16-ю неправительственными организациями и университетами и добились того, что Министерство экономики и финансов обнародовало ранее скрываемую информацию о распределении ресурсов, выделяемых на общественные потребности.

В Чили «мозговые центры», занимаясь аналитической разработкой крупных экономических и социальных проблем, не упускали из виду и бытовые вопросы. К числу таковых относилось, например, насилие в семье, которое по своим масштабам приобрело характер социального бедствия. Центр сыграл во многом определяющую роль в объединении различных сил – Коалиции женщин за демократию, неправительственных организаций феминистского толка, экспертов по гендерным вопросам – в общенациональную сеть против домашнего насилия.

Присущая «мозговым центрам» экспертно-аналитическая составляющая сочетается с функцией оказания влияния на процесс принятия политических решений. Примеров, подтверждающих реализацию этой функции, немного, но они есть. Частично этому способствует существующая в ряде латиноамериканских стран кадровая практика, известная как «вращающиеся двери». Суть ее состоит в том, что по завершении работы в правительстве или при данном ему аппарате сотрудник переходит на работу в подходящий ему по идеологической ориентации «мозговой центр»; при этом освободившееся место в силу личных связей занимает выходец из той же или иной «фабрики мысли». Так, упоминавшаяся ранее

Корпорация исследований Латинской Америки оказала во многом решающую роль в восстановлении демократии в Чили и особенно в формулировании в 1990-е гг. и первом десятилетии нынешнего века основных направлений экономической политики. Во многом это было связано с тем, что 4 из 5 министров финансов в этот период были как раз выходцами из структуры КИЛА. Другой пример. До 2000 г. «Фонд Чили 21» возглавлял будущий президент Республики Рикардо Лагос Эскобар [Fundacion Chile]. С учетом того, что в годы его президентства (2000–2006) Чили окончательно закрепились на демократическом пути развития, можно предположить, что в его политическом «багаже» нашлось место для прогрессивных идей, обсуждавшихся на дискуссионной площадке «Фонда Чили 21».

Выше уже отмечалось, что, имея несомненную самооценку, «мозговые центры», помимо прочего, реализуют ее посредством формулирования идей и рекомендаций, которые содействуют экспертно-аналитическому сопровождению «мягкой силы» в трех главных сферах ее приложения – внешней политике, идеологии и культуре. Интересные соображения высказал на этот счет генеральный консул России в Рио-де-Жанейро А. Будаев, имевший возможность наблюдать за постепенным накоплением потенциала «мягкой силы» в арсенале внешней политики Бразилии. Кстати, эта страна по числу «фабрик мысли» (89) уступает только Аргентине (138). Оценивая значительный прогресс в хозяйственном строительстве, позволивший Бразилии стать одной из ведущих экономик мира, добиться достижений в других сферах, он обоснованно связывает этот прогресс с умелым использованием «мягкой силы». Благодаря верно выбранному инструментарию «мягкой силы» в виде научно-исследовательских центров, общественных и неправительственных организаций Бразилия позиционирует себя одним из лидеров развивающихся экономик как государство, ратующее за устойчивое развитие, сочетающее сбалансированный экономический рост с охраной окружающей среды.

Из дальнейших рассуждений А. Будаева недвусмысленно вытекает, что, говоря о научно-исследовательских центрах, он имеет в виду именно «мозговые центры» [Будаев 2014, с. 24]. Мощный заряд в проведении политики «мягкой силы» Бразилии – продолжает автор – несет на себе деятельность национальных,

исследовательских и академических центров, занимающихся международной, региональной проблематикой, включая вопросы сотрудничества в ООН, «Группе 20», БРИКС, разрешением различных интернациональных и локальных конфликтов (Сирия, Иран, Ирак, ближневосточное урегулирование). Правомерно на примере Бразилии говорить об еще одной важной функции «мозговых центров»- «неформальной дипломатии», выражающейся в организации ими диалогов по сложным международно-политическим проблемам. По свидетельству А. Будаева, Рио-де-Жанейро, в том числе благодаря деятельности «мозговых центров», вошел в двадцатку крупнейших мегаполисов мира по числу ежегодно проводимых международных и региональных форумов, конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов».

Одна из особенностей деятельности мирового экспертно-аналитического сообщества состоит в том, что несколько «мозговых центров» объединяются для того, чтобы сообща заниматься изучением отдельно взятого вопроса мировой политики. Показателен пример объединения усилий Центра изучения и исследований стран – членов БРИКС, Федерального Университета Рио-де-Жанейро и Папского католического университета. За три года существования ЦИИ проведено несколько десятков конференций, симпозиумов с участием экспертов-международников стран – участниц БРИКС. Основная задача Центра состоит в оказании содействия сотрудничеству и обмену информацией между соответствующими специалистами из стран – участниц БРИКС с целью создания в перспективе своего рода «научного пула» в области изучения данной группы стран, играющих все более важную роль в формировании нового международного порядка [Будаев 2014].

Таким образом, «мозговые центры» в Латинской Америке выполняют важные задачи по анализу преимущественно национальных и региональных проблем, формулированию рекомендаций для властных структур по изменению экономической и социальной политики в направлении более полного учета интересов и потребностей широких слоев населения. Привлечение внимания, а в ряде случаев и учет – полный или частичный – этих рекомендаций правящими элитами помогает снимать существующие и потенциальные конфликтные ситуации, возникающие в разных

странах, в том числе по поводу защиты демократических прав и свобод. В целом, деятельность «мозговых центров» в Латинской Америке вписывается в усилия «фабрик мысли» в других регионах мира по содействию продвижению методов мирного разрешения региональных споров и международных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будаев А.* «Мягкая сила» во внешней политике Бразилии // Международная жизнь. май 2014.
- Всемирный индекс-рейтинг аналитических центров за 2015 г. Филадельфия : Университет Пенсильвании, 2016. 196 с.
- Емельянов А. И.* Латиноамериканский опыт политической модернизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2015. № 2 (713). С. 35–42.
- Емельянов А. И., Семенова Д. А.* Генезис теологии освобождения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 28 (767). С. 38–44.
- Майданик К. Л.* «Четвертая волна» (О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева) // Скепсис. 2008. № 5. С. 59–77.
- Fundacion Chile 21. URL: chile21.cl (дата обращения 14.01.2014)
- Moreno M.* Think Tanks in Chile: Estilos y Practicas Tecnocraticas en la Formacion Politica // Revista Enfoques: Ciencia Politica y Administracion Publica. Santiago de Chile, 2010. Vol. VIII. 12. P. 103–125.

УДК 94(7)+94(47)+930

Л. М. Троицкая

кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН», Центр североамериканских исследований;

mail: amercenter@mail.ru

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ НА СТРАНИЦАХ «АМЕРИКАНСКОГО ЕЖЕГОДНИКА»

В статье впервые предпринята попытка проанализировать содержание «Американского ежегодника», одного из старейших и наиболее авторитетных научных периодических изданий в России. Изучение Русской Америки, особенно начиная с 1990-х гг., является для Ежегодника одной из ведущих. Важное место в публикациях Ежегодника отводится деятельности Российско-американской компании (РАК), распространению православия на северо-западе Америки, некоторым аспектам международных отношений в данном регионе.

Ключевые слова: история Русской Америки; Российско-американская компания; Тихоокеанский Север; «Американский ежегодник»

L. M. Troitskaia

Doctor in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Center for North American Studies;

e-mail: amercenter@mail.ru

HISTORY OF RUSSIAN AMERICA IN «AMERICAN YEARBOOK»

The article attempts to analyze the content of the «American Yearbook», one of the oldest and most authoritative scientific periodicals in Russia. Especially since the 1990s, the Russian America Studies are one of the leading topics for the «American Yearbook». Important place in the yearbook's publications is given to the activities of the Russian-American Company (RAC), the distribution of Orthodoxy in the Northwest of America, some aspects of international relations in this region.

Key words: History of Russian America; Russian-American Company; Pacific North; «American Yearbook».

«Американский ежегодник» («АЕ») был основан в 1970 г. как новое издание Института всеобщей истории Академии наук СССР (ИВИ АН СССР, ныне ИВИ РАН), первый выпуск вышел в свет в 1971 г. До 1988 г. ответственным редактором этого издания был академик Г.Н. Севостьянов (1916–2013). Он же возглавлял сектор истории США и Канады упомянутого Института. С 1988 по 2008 гг. ответственным редактором был руководитель Центра

североамериканских исследований ИВИ РАН академик Н. Н. Болховитинов (1930–2008). С 2009 г. по настоящее время «Американский ежегодник» возглавляет доктор исторических наук, главный научный сотрудник В. В. Согрин.

«Американский ежегодник» является одним из старейших и ведущих в России (ранее в СССР) научным периодическим изданием по истории США и Канады. В последние годы на его страницах иногда публикуются и статьи по истории стран Латинской Америки. Статьи и иные материалы хронологически охватывают всю американскую историю от колониального периода до настоящего времени. Тематика публикуемых материалов самая разнообразная – социально-экономическая, внутри- и внешнеполитическая, культурологическая, историографическая и т. д.

На протяжении всей истории «АЕ» особое значение имела проблематика, связанная с различными аспектами становления и развития отношений между Россией / СССР и Соединенными Штатами. Огромную роль при этом играли ответственные редакторы.

Что касается истории русско-американских отношений в XVIII–XIX вв., то в первую очередь следует отметить усилия Н. Н. Болховитинова, являвшегося ученым с мировым именем, фундаментальные труды которого вошли в «золотой фонд» отечественной американистики [Болховитинов 1966; Болховитинов 1975; Болховитинов 1976; Болховитинов 1990]. Важное место в некоторых из них по праву отведено истории географических открытий и освоения русскими Тихоокеанского севера и северо-запада Америки. Кроме того, Николай Николаевич сыграл ведущую роль и был «мотором» при осуществлении (написании и публикации) трехтомного международного труда «История Русской Америки (1732–1867)» [История Русской Америки 1997–1999, т. 1–3]. На тот момент в этом фундаментальном издании были подведены итоги исследований, осуществленных отечественными и зарубежными, главным образом американскими и канадскими, специалистами по истории Русской Америки и намечен ряд направлений для дальнейших научных изысканий. Отчасти это можно проследить по публикациям в «Американском ежегоднике». Необходимо отметить, что в данной статье речь пойдет только о материалах, которые касаются истории пребывания русских на северо-западе Америки, включая Калифорнию, и в прилегающих регионах Тихоокеанского

Севера до продажи Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. Именно в таком контексте здесь используется термин «Русская Америка», тогда как само это понятие можно трактовать намного шире.

В первое десятилетие существования «АЕ» лишь в первом его выпуске, т. е. в «АЕ1971», была опубликована специальная статья, которая касалась проблематики истории Русской Америки и в которой анализировалось содержание путевых записок и дневников русских путешественников в качестве источника по истории Калифорнии первой половины XIX в. [Шур 1971]. В этом же выпуске в рубрике «Научная жизнь» помещен материал С. А. Гонионского, посвященный 75-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова [Гонионский 1971]. Автор подробно повествует о жизненном пути и научных трудах этого видного историка, уделявшего большое внимание изучению истории русских географических открытий в Сибири, на Дальнем Востоке и в Северном Ледовитом океане.

Первый информационный материал, полностью посвященный истории Русской Америки, появился в рубрике «Научная жизнь» только в «АЕ1980». В нем Н. Н. Болховитинов рассказал о состоявшейся в г. Ситка (о-в Баранова, Аляска) конференции советских и американских исследователей, в которой приняли участие 40 ученых, в том числе автор этой статьи, а также этнолог С. Г. Федорова, археолог А. П. Деревянко и др. [Болховитинов 1981]. В ходе заседаний обсуждались различные проблемы географических открытий на Тихоокеанском севере, истории Русской Америки и международных отношений, взаимодействия русской и индейской культур. Подчеркивались положительные моменты в деятельности Российско-американской компании (РАК) и усилия И. Е. Вениаминова в изучении языков индейцев и т. д. Вероятно, по политическим причинам в сообщении не упоминалось о том, что И. Е. Вениаминов был священником, а позднее стал известен как святитель Иннокентий, внесший огромный вклад в распространение православия среди коренного населения Аляски. Тем не менее следует высоко оценить само упоминание об этом выдающемся деятеле Русской Православной Церкви XIX в. Кроме того, в сообщении отмечалось, что на конференции присутствовали представители индейцев тлинкитов.

После некоторого перерыва, а именно – в «АЕ1987», в рубрике «Статьи» Н. Н. Болховитинов опубликовал пространную статью об отношении общественности Соединенных Штатов к ратификации Договора между Россией и США 1867 г. о продаже российских владений на северо-западе Америки [Болховитинов 1987].

На фоне расширявшихся в конце 1980 – начале 1990-х гг. контактов между СССР / Россией и США отечественные исследователи – профессиональные историки, этнологи, литературоведы, краеведы – создали 1 февраля 1989 г. Ассоциацию исследователей истории русско-американских отношений и Русской Америки (XVIII– начало XX вв.), которую возглавил Н. Н. Болховитинов. Информация о деятельности этой Организации публиковалась в «АЕ1990» [Троицкая 1991]. В те годы историки-американисты искали новые подходы к изучению истории США, проводились конференции и «круглые столы». Отчасти это касалось и проблематики истории Русской Америки [Власова 1992].

Следует отметить, что в последние десятилетия многократно возросло число различных международных, всероссийских и региональных научных конференций и «круглых столов», посвященных изучению истории и наследия Русской Америки. Информация о них регулярно публикуется на страницах «АЕ» [Петров, Ермолаев, Савельев 2012; Петров 2013; Петров 2014]. В целом таких сообщений насчитывается около 15.

Основной поток статей и сообщений по истории Русской Америки в нарастающем количестве стал регулярно публиковаться в «АЕ» начиная с 1990-х гг. В целом за все годы существования Ежегодника в различных рубриках – «Статьи», «Америка и Россия: открытие и взаимоотношения», «Россия и Америка», «Россия и США», «Америка и Россия», «Россия и Америка. Российско-американские отношения. К 85-летию со дня рождения академика Н. Н. Болховитинова», «Современные исследовательские центры изучения истории США в России» и в ряде других – было опубликовано около 40 статей.

Кроме того, в рубриках «Публикации» и «Документальные очерки и публикации» увидели свет свыше 10 публикаций уникальных архивных документов, касающихся различных аспектов деятельности РАК и итогов продажи Аляски, а также международных отношений на северо-западе Америки в конце XVIII в.,

важности для владений России на Тихоокеанском севере проекта строительства межокеанского канала в Центральной Америке в середине XIX в. и т. д.

Кроме упомянутых рубрик, в связи с юбилеем Н. Н. Болховитинова в «АЕ2015» в специальной рубрике («К 85-летию академика Н. Н. Болховитинова» было опубликовано уникальное интервью с его вдовой Л. А. Болховитиновой. В 2010 г. А. Ю. Петров – ученик Н. Н. Болховитинова в специальной статье показал ключевую роль Болховитинова в изучении истории Русской Америки и русско-американских отношений в отечественной американистике [Петров 2010].

С середины 1990-х гг. и до настоящего времени в Ежегоднике значительно расширилась проблематика статей по истории Русской Америки, написанных как маститами российскими исследователями, так и молодыми авторами не только из Москвы и Санкт-Петербурга, но и из других городов России.

Исследователи всесторонне изучают освоение русскими Тихоокеанского Севера, деятельность РАК, индейско-русские отношения и т. д. Такие разнообразные изыскания стали возможны во многом благодаря выявлению новых архивных документов и введению их в научный оборот [Петров 2009; Петров 2011; Ермолаев, Петров 2010; Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин), Петров, Ермолаев 2011].

В «АЕ» публиковались историко-биографические исследования о русских первопроходцах, предвосхитивших первую экспедицию В. Беринга, англичанине Джеймсе Шилдзе (Шильце), служившим в конце XVIII в. русским купеческим компаниям на северо-западе Америки, одним из основателей РАК И. Л. Голикове, мореходе Г. Измайлове, И. А. Кускове и его экспедициях в Калифорнию и т. д. [Тюрин 1999; Соловьева, Вовнянко 2002; Зорин 2004; Пасенюк 1995; Истомин 1999].

Различные аспекты деятельности РАК регулярно находились в поле зрения авторов «АЕ». Так, петербургский историк А. В. Гринёв опубликовал несколько статей, касающихся малоизвестных страниц истории Русской Америки и специфики социального устройства во владениях России на Тихоокеанском Севере. Он рассказал о поисках золота на Аляске, о роли немцев в Русской Америке, о положении такой категории населения, как колониальные

граждане и о других проблемах [Гринёв 2003; Гринёв 2004; Гринёв 2008].

Интересный междисциплинарный ракурс был найден биологом В. С. Шишкиным, который рассмотрел исторические и экологические аспекты при изучении российскими учеными-естествоиспытателями XVIII–XIX вв. животного мира Русской Америки [Шишкин 2001].

Нельзя не упомянуть о том, что история колонизации северо-запада Америки, в том числе и ее русского периода, давно привлекает внимание исследователей США. «АЕ» публиковал статьи известного американского историка Б. Дмитришина. В одной из них он писал об административном аппарате РАК, действовавшем на протяжении всей истории компании, а в центре внимания другой статьи было знаменитое посещение Калифорнии русским судном «Юнона» в 1806 г. [Дмитришин 1994; Дмитришин 2008].

Особо следует сказать о том, что с середины 1990-х гг. российские историки обратились к такой важной теме, как история православия в Русской Америке. Как представляется, этому во многом способствовали укрепление позиций Русской Православной Церкви в СССР на рубеже 1980–1990-х гг., празднование 1000-летия Крещения Руси и позднее в современной России. Светские историки и православные священнослужители стали активно изучать миссионерскую деятельность Православной церкви на северо-западе Америки и на Тихоокеанском Севере в целом в XVIII–XIX вв. На страницах «АЕ» появились публикации по данной проблематике. Автор первой статьи Н. Н. Болховитинов выявил истоки православия в указанном регионе [Болховитинов 1994]. Специальная работа с послесловием Н. Н. Болховитинова была посвящена 200-летию со дня рождения святителя Иннокентия [Курляндский 1997]. Среди проблем, связанных с изучением православия и Русской Америки, следует отметить освещение во второй половине XIX в. – начале XX в. истории Русской Америки на страницах «Иркутских епархиальных ведомостей» [Троицкая 1997]. Публиковались статьи об организации Первой православной миссии в Северную Америку, деятельности протоиерея Иакова Нецветова на Аляске [Егорова 2010; Митрополит Климент (Капалин), Петров, Чижикова 2014] и др.

Подводя итоги, следует отметить, что история и наследие Русской Америки постоянно в том или ином виде присутствуют на

страницах «АЕ». Среди его авторов не только ведущие отечественные, но и американские историки. Следует отметить существенный вклад, который внес М.С.Альперович в изучение русско-испанских и испано-английских отношений на северо-западе Америки в конце XVIII в. и публикацию документов по данной проблематике в «АЕ». Статьи, сообщения, обзоры и информационные материалы написаны на высоком научном уровне. Большую ценность представляют публикации документов и комментарии к ним. Каждый выпуск «АЕ» содержит постоянную рубрику «Библиография», которая детально информирует о вышедших на русском языке работах по истории США и Канады, в том числе и по истории Русской Америки. Необходимо подчеркнуть важную роль, которую Ежегодник играет как координатор научных исследований и проектов, в том числе международных. Хочется надеяться, что «АЕ» будет сохранять свои позиции в отечественной американистике и будет доступен не только ученым, но и широкой общественности, интересующейся историей Русской Америки и сохранения ее наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М.: Наука, 1966. 639 с.
- Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения, 1815–1832. М.: Наука, 1975. 626 с.
- Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость, 1775–1783. М.: Наука, 1976. 272 с.
- Болховитинов Н. Н.* Встреча исследователей по истории Русской Америки (21–25 августа 1979 г.) // Американский ежегодник 1980 / под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука, 1981. С. 334–337.
- Болховитинов Н. Н.* Общественность США и ратификация договора 1867 г. // Американский ежегодник 1987 / под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука, 1987. С. 157–174.
- Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990. 368 с.
- Болховитинов Н. Н.* У истоков православия в Северной Америке (середина XVIII в. – 1794 г.) // Американский ежегодник 1993 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М.: Наука, 1994. С. 127–132.
- Власова М. А.* Международная конференция историков-американистов // Американский ежегодник 1991 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М.: Наука, 1992. С. 152–162.

- Гонионский С. А. К 75-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова // Американский ежегодник 1971 / под ред. Г. Н. Севостьянова. М. : Наука, 1971. С. 320–328.
- Гринёв А. В. Золото русской Америки: несостоявшийся Клондайк // Американский ежегодник 2001 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 2003. С. 138–162.
- Гринёв А. В. Колониальные граждане Русской Америки: проблема формирования постоянного русского населения в Новом Свете // Американский ежегодник 2006 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 2008. С. 179–210.
- Гринёв А. В. Немцы в истории Русской Америки // Американский ежегодник 2002 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 2004. С. 180–198.
- Дмитришин Б. Административный аппарат Российско-американской компании, 1798–1867 // Американский ежегодник 1993 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 1994. С. 96–115.
- Дмитришин Б. Посещение Сан-Франциско русским судном «Юнона», 28 марта – 10 мая 1806 г. // Американский ежегодник 2006 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 2008. С. 154–178.
- Егорова Ю. С. К вопросу об организации и направлении первой православной миссии в Северную Америку (о. Кадык) // Американский ежегодник 2010 / под ред. В. В. Согрина. М. : Весь Мир, 2010. С. 46–58.
- Ермолаев А. Н., Петров А. Ю. Документы по истории США и российско-американских отношений в сибирских архивах. Заметки о материалах досоветского периода // Американский ежегодник 2010 / под ред. В. В. Согрина. М. : Весь Мир, 2010. С. 30–45.
- Зорин А. В. «Первый фундатор» российско-американской компании. Штрихи к портрету И. Л. Голикова // Американский ежегодник 2002 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 2004. С. 159–179.
- Истомин А. А. Калифорнийские экспедиции И. А. Кусова (1808–1812) // Американский ежегодник 1998 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 1999. С. 131–147.
- История Русской Америки (1732–1867): в 3 т.
Т. 1. Основание Русской Америки, 1732–1799 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Международные отношения, 1997. 480 с.
Т. 2. Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825. М. : Международные отношения, 1999. 441 с.
Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867). М. : Международные отношения, 1999. 560 с.
- Курляндский И. А. К двухсотлетию со дня рождения святителя Иннокентия (1797–1879) // Американский ежегодник 1997 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 1997. С. 217–223.

- Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин), Петров А. Ю., Ермолаев А. Н.* Документы по истории Русской Америки и российско-американским отношениям в государственных архивах Тюменской области // Американский ежегодник 2011 / под ред. В. В. Согрина. М. : Весь Мир, 2011. С. 235–251.
- Митрополит Климент (Капалин), Петров А. Ю., Чижикова А. С.* Значение деятельности протоиерея Иакова Нецветова в освоении Русской Америки // Американский ежегодник 2014 / под ред. В. В. Согрина. М. : ЛЕНАНД, 2014. С. 237–257.
- Пасенюк Л. М.* Мореход Герасим Измайлов // Американский ежегодник 1994 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 1995. С. 96–115.
- Петров А. Ю.* Академик Н. Н. Болховитинов: история русской Америки и российско-американских отношений // Американский ежегодник 2010 / под ред. В. В. Согрина. М. : Весь Мир, 2010. С. 11–29.
- Петров А. Ю.* Изучение истории и наследия Русской Америки: новые подходы, конференции и «круглые столы» (2012–2013) // Американский ежегодник 2013 / под ред. В. В. Согрина. М. : Весь Мир, 2013. С. 341–347.
- Петров А. Ю.* К вопросу о новых документах Крыма по истории США и российско-американских отношений // Американский ежегодник 2007 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 2009. С. 252–259.
- Петров А. Ю.* Конференции в США, посвященные истории и наследию Русской Америки и российско-американским отношениям (2013) // Американский ежегодник 2014 / под ред. В. В. Согрина. М. : ЛЕНАНД, 2014. С. 326–333.
- Петров А. Ю.* Публикации документов «исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в.»: традиции и полученные результаты // Американский ежегодник 2011 / под ред. В. В. Согрина. М. : Весь Мир, 2011. С. 275–289.
- Петров А. Ю., Ермолаев А. Н., Савельев И. В.* Международные конференции по русской Америке в России и за рубежом // Американский ежегодник 2012 / под ред. В. В. Согрина. М. : Весь Мир, 2012. С. 308–324.
- Соловьева К. Г., Вовнянко А. А.* Джеймс Шильц на службе в Русской Америке, конец XVIII века // Американский ежегодник 2000 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 2002. С. 213–231.
- Троицкая Л. М.* Ассоциация исследователей истории русско-американских отношений и Русский Америки // Американский ежегодник 1990 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 1991. С. 225–226.
- Троицкая Л. М.* История Русской Америки на страницах «Иркутских епархиальных ведомостей» // Американский ежегодник 1997 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Наука, 1997. С. 163–176.

- Тюрин Г.Б.* На девять лет раньше Беринга: Из истории первой русской экспедиции к берегам Америки // Американский ежегодник 1998 / под ред. Н.Н.Болховитинова. М. : Наука, 1999. С. 131–147.
- Шишкин В.С.* Отечественные исследователи животного мира Русской Америки: Исторические и экологические аспекты // Американский ежегодник 1999 / под ред. Н.Н.Болховитинова. М. : Наука, 2001. С. 155–166.
- Шур Л.А.* Путевые записки и дневники русских путешественников как источник по истории Калифорнии (первая половина XIX в.) // Американский ежегодник 1971 / под ред. Г.Н.Севостьянова. М. : Наука, 1971. С. 295–319.

УДК 93/94

А. Г. Спицын

кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;

e-mail: aspitsyn@mail.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ВОЕННОГО РЕЖИМА АРГЕНТИНЫ (1976–1983) И ИХ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассматриваются процессы реализации проектов неолиберальной экономики в ряде стран Южной Америки в целом и в Аргентине, в частности в рамках жестких военных режимов. Анализируются попытки создания на этой основе новых военно-политических и экономических союзов в регионе, их результаты и последствия, приведшие к смене авторитарных правительств левоцентристскими партиями и «левому повороту» на южно-американском континенте в конце XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: военные режимы; неолиберальная экономика; «чикагская экономическая школа»; Аргентина; Бразилия; Чили; ЮАР; Соединенные Штаты Южной Америки; «национальная реорганизация» Аргентины; «субимпериализм»; геополитические доктрины; пакт обороны Южной Атлантики; интеграция и конфликты военных режимов; «левый поворот».

A. G. Spitsyn

Professor of the department of theory and history of international relations, Institute of International Relations and Social Political Sciences, MSLU;

e-mail: aspitsyn@mail.ru

GEOPOLITICAL PROJECTS OF THE MILITARY GOVERNMENT OF ARGENTINA (1976–1983) AND THEIR INTERNATIONAL CONSEQUENCES

The article studies the processes of realization of the projects of neoliberal economy at some countries of South America in general and at Argentina in particular by hard military regimes, analyzing the attempts of creation of new political, military and economic alliances in the region, their results and consequences changing the authoritarian governments by left center parties y the “left turn” at the South American continent on the end of the XX and the beginning of the XXI century.

Key words: military regimes; neoliberal economy; «Chicago school»; Argentina; Brasil; Chile; South African Republic; United States of South America; «national reorganization» of Argentina; «subimperialism»; political doctrines; pact of defense of South Atlantic; integration and conflicts of military regimes; «left turn».

В середине 1970-х гг., после ряда тяжелых поражений и неудач левых и демократических сил в ряде стран Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Чили, Боливия, Парагвай, Сальвадор, Доминиканская Республика), ситуация в регионе резко изменилась в пользу военно-диктаторских режимов. Резкий «экономический прыжок» Бразилии в условиях жесткого военного режима послужил стимулом для элиты вооруженных сил соседних стран реализовать «чикагскую школу» в своей национальной экономике.

Организаторы военного переворота в Аргентине 1976 г., следуя примеру генерала Аугусто Пиночета в Чили, объявили о планах собственной «национальной реорганизации» в качестве основы далеко идущей геополитики.

Геополитический фактор исторически играл важнейшую роль в разработке международной политики Аргентины. Еще в XIX в. огромные незаселенные пространства страны, ее удаленность от крупнейших колониальных держав, обилие природных богатств порождали у аргентинских каудильо чувства национальной исключительности. Руководители борьбы за независимость мыслили будущее самостоятельное государство в рамках королевства Ла-Платы и полагали, что Буэнос-Айрес станет столицей «Соединенных Штатов Южной Америки» [Asseff 1983, с. 36]¹.

Этот фактор использовался рядом аргентинских исследователей для обоснования «исторических прав» Буэнос-Айреса на некоторые спорные территории и влияние в пограничных с Аргентиной государствах.

Обладание богатейшими природными ресурсами, климатическая зона, способная обеспечить огромные масштабы сельскохозяйственного производства, отдаленность от мировых капиталистических центров, в частности США, создавали предпосылки для проведения самостоятельной внешней политики и известной оппозиции панамериканскому курсу Вашингтона [Развивающиеся страны на ... 1984, с. 44].

Слабая заселенность территории станы, особенно ее приграничных районов, заставляли аргентинские военные власти сосредоточивать внимание внешнеполитической службы на пограничных вопросах, ибо – как это ни парадоксально – в стране, обладающей столь обширной территорией, наиболее острые

¹Зд. и далее перевод наш. – А. С.

вопросы отношений с соседними странами касались спорных территорий и использования их ресурсов.

Наличие на ее границах более слабых в экономическом отношении государств, таких как Уругвай, Парагвай, Боливия, издавна служило причиной соперничества между Аргентиной и Бразилией в стремлении подчинить их своему влиянию. Это соперничество особенно усилилось в 1960–1970 гг. и было связано с экономической экспансией транснациональных компаний (главным образом США), на которую насаивались интересы растущей аргентинской и бразильской экономической элиты, ассоциированной с иностранным капиталом и располагавшей соответствующей поддержкой военных правительств. Именно в период правления в регионе военных режимов некоторые исследователи расценивали этот процесс как проявление тенденций к «субимпериализму» со стороны наиболее крупных держав континента [Tulchin 1983, с. 43].

У некоторых крупных аргентинских компаний, достигших определенной зрелости развития и финансовой мощи, начинала проявляться присущая монополиям тенденция к экспансии за пределы национального рынка. Так, крупными владельцами акций ряда бразильских, уругвайских, парагвайских, чилийских компаний являлись корпорации «Ford», «Cargill», «Esso» (США), «Repsol», «Телефоника» (Испания), «Siam de Tella» (Италия) и др., а сфера влияния аргентинской продовольственной компании «Бунхе и Борн» охватывала не только латиноамериканские, но и некоторые западноевропейские страны; она же входила в число крупнейших промышленных компаний западного полушария [Gonsalvez 1974, с. 87].

Геополитические соображения определяли внешнеполитические позиции Аргентины прежде всего при рассмотрении пограничных и территориальных споров, а также в отношении ее экономической экспансии в соседних государствах – постоянных объектах аргентино-бразильского соперничества.

Например, давний пограничный спор с Чили в районе пролива Бигл касался, по мнению аргентинских военных, не только владения тремя безлюдными островами (острова Нуэва, Леннокс и Пинкстон), а отражал два абсолютно различных подхода к разделению границ и сфер влияния между двумя государствами.

Геополитика была в центре внимания при изучении предложений Ватикана, выступавшего в качестве посредника в переговорах

по разрешению аргентино-чилийского спора, на которые военный режим «национальной реорганизации» Аргентины того времени в силу глубоких внутренних противоречий так и не сумел дать ответ. Принцип разделения океанов – «Аргентина – в Атлантическом, Чили – в Тихом» – являлся краеугольным камнем аргентинской позиции и представлял собой «геополитическое толкование» пограничной проблемы. Ватикан в конце концов выступил с предложением о признании этих островов территорией Чили.

Непосредственная близость Антарктиды служила аргентинским властям предлогом распространения своих претензий на ледовый континент и порождала определенные международные проблемы в отношениях с другими странами, претендовавшими на его отдельные секторы либо выступавшим за придание ему международного статуса (*The Christian Science Monitor, USA, 18 January 1983*).

Одним из важнейших требований «военной геополитики» Аргентины было возвращение ей Мальвинских (Фолклендских) островов, а с ними – контроля над обширными и богатейшими регионами Южной Атлантики. Дальнейшее развитие подобный геополитический подход получил в свое время в ряде заявлений членов правящего военного триумvirата в период правления генерала Виделы, особенно со стороны представителей ВМС Аргентины, которые традиционно были наиболее активными сторонниками этой линии. Например, член военной хунты, командующий Военно-морским флотом страны, адмирал Ламбрускини, выступая перед офицерским составом в октябре 1980 г., отмечал, что «Аргентина и Южная Атлантика это не какие-то оторванные от остального мира периферийные районы, а регион самого высокого геостратегического значения, граничащий с жизненно важными путями сообщения крупнейших центров силы на планете» (*Diario El Clarin, Bs.As. 11 de octubre de 1980*). «Мы не просто частица территории, богатая сырьем и находящаяся на огромном расстоянии от поворотных точек великих исторических битв. Мы – нация, территория которой находится на одной из ключевых координат глобальной геостратегии мира...», – заявлял он.

Ламбрускини отмечал, что дипломатическая борьба, которую ведет Аргентина в защиту своих «неотъемлемых прав» в этом регионе, представляет собой не просто «декларацию намерений» либо риторику, а основу сохранения существенного источника

ресурсов в будущем». Развивая эту глубоко укоренившуюся концепцию Вооруженных Сил Аргентины, генерал Гальтиери, еще до вступления в должность президента страны, заявлял, что «на заключительном отрезке XX в. лозунгом аргентинцев должно стать продвижение на юг» (*Diario El Clarin, Bs.As. 22 de junio de 1981*).

Геополитические устремления аргентинской правящей верхушки, которые охватывали практически весь регион Южного конуса, включая Боливию, Парагвай, Уругвай, а также обширные районы Южной Атлантики, неизбежно приводили к столкновению интересов Буэнос-Айреса и Бразилии, отношения с которой занимали важнейшее положение во внешней политике Аргентины. Но уже со второй половины 1970-х гг. в аргентино-бразильских отношениях появилась заметная тенденция к улучшению. Этому способствовала в первую очередь идеологическая близость военных режимов обеих стран, а также в той или иной мере схожие политические цели, сосредоточенные на интересах «внутренней и внешней безопасности».

В этих условиях традиционное соперничество между Аргентиной и Бразилией в Южной Америке постепенно уступало место отношениям сотрудничества. Со стороны Аргентины заинтересованность в улучшении отношении с Бразилией была связана с рядом внешнеполитических и внутренних факторов.

Во-первых, продолжавшийся пограничный конфликт с Чили в районе пролива Бигл вынуждал ее отодвинуть на второй план соперничество с Бразилией на северо-востоке страны.

Во-вторых, застой экономики и падение конкурентоспособности аргентинских товаров ослабляли внешнеполитические позиции Аргентины и склоняли ее руководство к решению противоречий путем переговоров.

В-третьих, политика вмешательства во внутренние дела Аргентины и блокирование ее атомной программы со стороны США заставляли аргентинское руководство искать более тесное сотрудничество с третьими странами.

В-четвертых, общие экономические интересы и прозападная ориентация режимов Аргентины и Бразилии объективно сближали их на «умеренных» позициях в Движении неприсоединившихся стран.

Бразилия, в свою очередь, стремилась использовать эти отношения в целях расширения своего политического влияния и продолжения торгово-экономической экспансии в соседних странах на основе более динамично развивающейся экономики и протекционистской политики.

Все эти обстоятельства не могли, естественно, устранить объективные противоречия и сложности, существовавшие между Аргентиной и Бразилией в рамках южноамериканского региона.

На отношения между двумя странами неизбежно влияло их обоюдное стремление распространить свою экспансию на соседние «буферные» государства – Уругвай, Парагвай и Боливию. С этой целью аргентинское и бразильское правительства максимально стимулировали различные проекты интеграции, призванные поставить под свой контроль экономику этих стран и «привязать» их более тесно к своей политике.

Аргентинские правительственные круги и финансовые промышленные группы внимательно следили за осуществлением проектов интеграции, «привязывающих» Боливию к бразильской экономике. Например, в феврале 1982 г., когда между Аргентиной и Бразилией велись переговоры о поставках боливийского газа, в ходе которых аргентинцы предложили покрыть 50 % газа поставками своих товаров, а не твердой валютой, Боливия, играя на противоречиях между двумя соперниками Южного Конуса, ускорила переговоры о заключении соглашения о поставках в Бразилию 400 млн кубических футов газа в сутки и строительстве с этой целью газопровода Санта-Крус – Сан-Пауло (*Diario El Clarín, Bs.As., 9 de febrero de 1982*). В целях укрепления своих позиций в Боливии аргентинское правительство предоставило ей в 1978 г. «свободную портовую зону» в г. Росарио, крупнейшем порту реки Парана, для ведения торговли морским путем, тем самым поддержав требование Боливии о выходе к морю» (*Diario El Clarín, Bs.As., 30 de abril de 1978*).

Аргентинское правительство неоднократно оказывало Боливии дипломатическую поддержку на международных конференциях и совещаниях при обсуждении вопросов о «правах человека» и признании ее права на выход к Тихому океану. Когда боливийский военный режим Гарсиа Меса оказался в международной изоляции и подвергся осуждению в Организации американских

государств (ОАГ) и Андском пакте, аргентинское правительство оказало ему широкую политическую и экономическую поддержку, предоставив, в частности, крупный кредит свободного пользования на сумму около 250 млн долл. (*Diario El Clarín, Bs.As., 30 de octubre de 1982*).

Сложные отношения возникли между военными режимами Аргентины, Парагвая и Бразилии в связи с осуществлением ряда проектов освоения бассейна реки Ла-Плата. В конце 1978 г. Аргентину посетил президент Парагвая, генерал Стресснер, который подписал с аргентинским президентом совместное Заявление о начале работ по строительству ГЭС «Корпус», а аргентинские власти предоставили Парагваю, как и в случае с Боливией, «свободную торговую зону» в порту Росарио. Почти одновременно Аргентина, Бразилия и Парагвай подписали Соглашение о совместном использовании гидроресурсов Верхней Параны, которому предшествовало несколько раундов сложных и напряженных переговоров, отражавших противоречивые интересы сторон в регионе» (*Diario La Nación, Bs.As., 6 de diciembre de 1978*).

В результате урегулирования вопроса гидроресурсов в 1980 г. между двумя странами – Аргентиной и Бразилией – четко проявилась тенденция к установлению новых торговых отношений, направленных на то, чтобы путем двусторонней интеграции добиться взаимодополняемости национальных экономик и на основе создания смешанных компаний и консорциумов проникать на рынки третьих стран. Одним из проявлений этой стратегии было достигнутое на переговорах между президентами обеих стран Соглашение об объединении энергосистем Аргентины и Бразилии в разработке планов поставки из Аргентины около 3 млрд кубометров газа по газопроводу протяженностью 1300 км.

Важным объектом двустороннего сотрудничества являлась атомная энергетика, в области которой обе страны добились значительных успехов и шли в авангарде других латиноамериканских государств [Foreign Affairs 1981, с. 881]. Постоянное давление, оказываемое в этой сфере на Аргентину и Бразилию со стороны США, также служило одним из стимулов укрепления взаимного сотрудничества. Так, в 1981 г. обе страны подписали важное Соглашение о сотрудничестве в области ядерной энергетики, по которому Бразилия должна была изготовить некоторые типы

оборудования для атомной станции Агуча II, а Аргентина – поставить в Бразилию 250 т концентрата урана (*Diario El Clarín, Bs.As., 25 de mayo 1981*).

В этих совместных усилиях уже просматривалась тенденция к координации действий Аргентины и Бразилии в международных экономических отношениях, что дало повод некоторым обозревателям говорить о «беспрецедентном в истории сближении» между двумя государствами. Бразильская газета «О Глобо» отмечала, что «международное разделение труда представляет собой ключ аргентино-бразильского экономического сотрудничества с целью избежать перепроизводства и дублирования в области промышленности» (*O Globo, Rio de Janeiro, 10 de abril de 1981*). Эти планы отражали на деле стремление двух «полюсов силы» в Южном конусе поделить сферы влияния среди более слабых соседних стран.

В региональном масштабе, в рамках ОАГ и ЛАЭС, позиции Бразилии и Аргентины также нередко совпадали. В конце ноября 1981 г. в Панаме проходило первое консультативное совещание Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС) для рассмотрения вопросов, касавшихся отношений с США, на котором не присутствовали министры иностранных дел Аргентины и Бразилии в «качестве доказательства» осторожного отношения к его целям (на это совещание были направлены представители более низкого ранга). В политических кругах обеих стран этот факт был расценен, с одной стороны, как «нежелание нести соответствующие политические издержки», а с другой – как стремление не «переборщить», придав слишком большой престиж этому совещанию (*La Capital, Rosario, 29 de noviembre de 1981*). В начале марта 1982 г. аргентинский министр иностранных дел Коста Мендес во время своего визита в Бразилию обсуждал также и перспективы выработки единой позиции обеих стран в Движении неприсоединения, а также стремился заручиться согласием Бразилии на оказание более решительной поддержки «военно-гражданской хунте» Сальвадора. Как отмечала бразильская газета «Журнал ду Бразил», главная идея аргентинской дипломатии в этом случае состояла в том, чтобы предпринять совместно с Бразилией мощное дипломатическое наступление, чтобы «сдержать наступление Москвы в Америке через Кубу и Никарагуа и поддержать дружественные правительства в Центральной Америке» (*Jornal do Brasil, Rio de*

Janeiro, 5 de marco de 1982). Однако эта инициатива не получила активной поддержки со стороны бразильского правительства, которое предпочло ограничиться выступлением в пользу «обеспечения мира в регионе без иностранного вмешательства».

Таким образом можно констатировать, что уже в начале 1980-х гг. в отношениях между военными режимами Аргентины и Бразилии наметились перспективы сближения и координации своих действий в политической и экономической областях.

После прихода к власти военного правительства во главе с генералом Виделой (1976) реакционные круги Аргентины возлагали большие надежды на объединение двух крупнейших держав региона под эгидой США в рамках военного южно-атлантического блока САТО (South Atlantic Treaty Organization), который они намеревались создать по образу и подобию НАТО [Альварес, Пасо, Сан-Эстебан 1980].

Пакт обороны Южной Атлантики (САТО), согласно мыслям его творцов – стратегов Пентагона и реакционной верхушки Вооруженных Сил Аргентины, должен был быть основан на политическом и военном союзе между американскими государствами и режимом ЮАР. Под прикрытием лозунга «стопора коммунизму» он был призван служить целям подавления национально-освободительной борьбы латино-американских и африканских народов. В качестве основы этого реакционного проекта Белый дом намеревался использовать наиболее правые и прозападные режимы Южной Америки (Аргентины, Бразилии, Чили, Парагвая, Боливии и Уругвая).

Идея «сколачивания оборонительного договора» в Южной Атлантике была впервые сформулирована в конце 1960-х гг. премьер-министром ЮАР Джоном Форстером в связи с тем, что Великобритания к тому времени решила покинуть военноморскую базу Симонстаун (около Кейптауна) и отказалась от патрулирования пути мимо мыса Доброй Надежды, по которому осуществлялись крупные перевозки нефти. В мае 1969 г. министр иностранных дел ЮАР того периода Игард Мюллер совершил официальный визит в Аргентину, в ходе которого он убеждал военное руководство страны в необходимости создания новой военноморской силы «многостороннего характера» в Южной Атлантике с целью воспрепятствовать «заполнению вакуума коммунистами». Хотя детали этого Соглашения и носили, как утверждала

южноафриканская газета *The Sundry Times*, южноафриканские власти подтвердили наличие такого документа, который был подписан также, кроме Аргентины, Бразилией, Уругваем, Парагваем, Тайванем и Израилем. «Две последние страны – Тайвань и Израиль – участвуют в операциях в этой акватории, хотя и находятся в других отдаленных от нее регионах» (*The Sundry Times, Johannesburg, 11.04.82*). В подтверждение газета указывала на тот факт, что в период с марта 1981 г. по февраль 1982 г. по крайней мере 36 высокопоставленных военных из государств-участников этого Соглашения посетили Южную Африку, в числе которых был также и аргентинский генерал Марио Менендес, впоследствии назначенный командующим аргентинскими войсками на Мальвинских (Фолклендских) островах после захвата их Аргентиной. Примечательно, что поверенный в делах Аргентины в ЮАР Альфредо Олива Дэй подтвердил, что генерал Менендес посещал Преторию (*Diario El Clarin, Bs.As. 12 de abril de 1982*). Хорошо спланированная кампания сближения, предпринятая внешнеполитической службой Претории в конце 1960-х гг., сочетавшая в себе экономические стимулы с интенсивными дипломатическими и военными контактами, тем не менее, постоянно наталкивались на официальную позицию аргентинского правительства, осуждавшего расизм и апартеид, тем более что голоса африканских стран имели большой вес при голосовании в ООН по важнейшим для Буэнос-Айреса вопросам и прежде всего по вопросу Мальвинских (Фолклендских) островов. В те времена это обстоятельство накладывало, естественно, свои ограничения на связи аргентинских властей с ЮАР.

Помимо геополитических устремлений определенных группировок в Вооруженных Силах Аргентины, служивших хорошей почвой для «вызревания» подобных планов, а также их «антикоммунистической идеологии», значительную роль в отношениях с ЮАР играли и экономические факторы, в частности заинтересованность промышленных и латифундистских кругов Аргентины в расширении внешних рынков, особенно для «нетрадиционных товаров». Это обстоятельство заставляло руководителей внешней политики Аргентины искать формы сотрудничества с ЮАР и остальными африканскими странами на основе «двойственного курса» и не афишировать свои отношения с Преторией. Например, в мае 1981 г. в Буэнос-Айресе с целью участия в некоем симпозиуме по

вопросам континентальной стратегии находился генеральный директор политического департамента МИД ЮАР, но аргентинские власти официально отмежевались от его устроителей и целей» (*Diario El Clarin, Bs.As. 23 de mayo de 1981*). В докладе организации ЮНИТАР (The United Nations Institute for Training and Research), в котором анализировались аргентино-южноафриканские отношения, отмечалось, что другим важным фактором в формировании этого направления внешней политики была позиция ВМС Аргентины. «При очень хорошем профессиональном уровне либеральной ориентации в экономической области и твердо связанные с дихотомной версией холодной войны они, так же, как и ВМС Бразилии, имеют законный интерес в расширении своей способности к оперативным действиям, которая одновременно резко ограничена нехваткой средств», намекая на то, что эти средства можно получить в США (*Diario El Clarin, Bs.As. 2 de junio de 1981*). Именно наиболее реакционное крыло ВМС и в целом Вооруженные Силы рассматривали утверждение законных прав Аргентины на Мальвинских (Фолклендских) островах как средство геополитической экспансии и предмет торгов с Пентагоном о размещении на архипелаге военных баз США и их союзников. Эти планы подогревались периодическими учениями ВМС в рамках военной организации ОАГ, которые проводились в водах Южной Атлантики при непосредственном участии Аргентины.

Так, в ноябре 1981 г. аргентинские военно-морские силы приняли участие в крупнейших военно-морских учениях под кодовым названием «Оушен Венчур», проходившие в водах Северной и Южной Атлантики, Карибского, Норвежского и Северного морей и проливе Ла-Манш при участии 120 тыс. военнослужащих, 100 военных судов и 1000 боевых самолетов из 16 стран под командованием американского адмирала Гарри Трейна. Характерно, что Бразилия отказалась от участия в этих маневрах, организованных совместно с ВМС НАТО (*Foreign Affairs, New York. Vol. 60. # 3, 1982, p. 649*).

Таким образом, Аргентина в результате сильнеешего дипломатического давления со стороны США, которые использовали в качестве приманки щедрые посулы «военной помощи», постепенно оказывалась включенной в военную стратегию США и их союзников по НАТО. Диктаторские военные режимы крупнейших стран

Южной Америки (Аргентины, Чили, Бразилии, Парагвая, Боливии и Уругвая) во главе с называемыми представителями Вашингтона «сукиными сынами», так как не соответствовали во внутренней политике основам «американской демократии», во внешней политике также потерпели поражение и в конце концов были сметены народными выступлениями.

Важнейшим фактором радикального изменения геополитического соотношения сил в Южной Америки стала Фолклендская (Мальвинская) война между Аргентиной и Великобританией. Военная и политическая поддержка Лондона со стороны США – «лидера» Западного континента – оказала решающее влияние на внешнеполитические позиции большинства стран Латинской Америки.

После поражения аргентинского военного режима в Фолклендской войне в крупнейших государствах региона – прежде всего в Аргентине и Бразилии – произошел «левый поворот», а именно – быстрая демократизация их политического устройства и приход к власти левоцентристских правительств, которые двинулись более ускоренными темпами к региональному сближению и интеграции. В результате образовались заметные антиамериканские настроения в широких социально-политических слоях населения этих стран, которые не могли не повлиять и на мировую политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альварес Х. А.* [и др.]. Аргентина: тенденции экономического и социально-политического развития / [Х. А. Альварес, Л. Пасо, Р. Сан-Эстебан]. М. : Наука, 1980. 293 с.
- Развивающиеся страны на международной арене: коллективная монография / СССР, ГДР, ПНР и ЧССР. М. : Международные отношения, 1984. 290 с.
- Asseff A.* Proyección Continental de la Argentina. Bs. As.: Pleamar, 1980, 415 p.
- Gonsalvez B.R.* Proceso del subimperialismo brasileño. Bs. As. : Eudeba, 1974, 211 p.
- Tulchin J.* La revolución aregntino-brasileña, punto de vista Argentina // Geopolítica y política del poder en el Atlántico Sur. Bs.As. : Pleamar, 1983. 290 p.

УДК 94(100).05

А. Ю. Плотников

доктор исторических наук, профессор МГЛУ; e-mail: a.lyu.plotnikov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В ИСТОРИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Рассматривается история русского открытия и освоения Курильских островов, роль Курил в становлении Русской Америки, история «пограничного вопроса» в российско-японских отношениях в XVIII–XIX вв., современные территориальные претензии Японии на южные Курилы.

Отдельное внимание уделено вопросу о безусловном приоритете России в освоении и владении всем Курильским архипелагом, включая южные острова, и отсутствии у Японии каких-либо исторических и правовых оснований претендовать на Южные Курилы

Ключевые слова: Курильские острова; Аляска; Российско-Американская компания; Русская Америка; Руссийско-японская граница на Курилах.

A. Yu. Plotnikov

Doctor of Political Science (Dr. habil), Prof., MSLU; e-mail: a.lyu.plotnikov@yandex.ru

THE KURIL ISLANDS AND THE ASIAN-PACIFIC REGION IN XVIII–XX CENTURIES A HISTORY

The story of Russian discovery & exploration of the Kuril Archipelago in XVIII – XIX centuries, the role of the Kuril Islands in building up “Russian America”, russo-japanese “border question” in the XIX-th century, Japanese claims on the south Kurils nowadays. Detailed analysis of the facts of Russia’s priority in exploration and possession of the Archipelago, including the south – “Japan-claimed” – group of the Islands, and – on the contrary – groundlessness of Japanese claims on the south Kurils.

Key words: The Kuril Islands; ALASKA; Russian-American Company (RAC; Russian America; Russo-Japanese frontier in the Pacific.

Значение Курильских островов в истории Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) определяется, прежде всего, их ключевым географическим положением в северной части Тихого океана и их близостью к побережью Аляски. Более того, Курилы непосредственно связаны с историей открытия и освоения североамериканских владений России и имеют в чем-то схожую с Русской Америкой судьбу: иногда «Курильская история» пересекалась или шла параллельно с историей освоения Аляски, иногда – в середине XVIII столетия – ее опережала.

В XVIII и в XIX вв. Курилы служили «островами подскока» на пути в Северную Америку русским правительственным

экспедициям и судам Российско-Американской компании (РАК), доставлявшим туда продовольствие и другие предметы снабжения из Охотска и с Камчатки; в первой половине XIX в. на островах архипелага располагался Курильский отдел Российско-Американской компании (РАК), что лишний раз подчеркивает тесную связь Русской Америки и Курил.

В этой связи история русского освоения Курильского архипелага интересна не только как важная составляющая истории создания и становления тихоокеанских владений России в Северной Америке, но и как пример российского «утверждения» на дальневосточных рубежах в XVIII – первой половине XIX столетия.

К Курильским островам Россия впервые вышла в 1697 г., когда казачий сотник В. Атласов, пройдя с севера на юг Камчатку и «объясав» (т. е. наложив дань-ясака) там местных айну (жили на юге полуострова, вошедшего в состав России в том же 1697 г.) впервые увидел лежащие к югу от мыса Лопатка первые острова Курильской гряды (в частности, ближайший – наряду с Шумшу – остров скала Атласова, названный впоследствии его именем).

Исследование и освоение Курил шло планомерно и – по меркам XVIII в. – весьма динамично, быстро и успешно.

Здесь, в первую очередь, следует говорить о приведении местных (аборигенных) жителей – айну в подданство и хозяйственном освоении островов.

В рассматриваемое время уплата местным населением дани являлась одним из ключевых «элементов-признаков» подданства местного населения – а, значит, и государственной принадлежности территории, на которой это население проживало. В русских официальных документах того времени на этот счет использовалась специальная формулировка: «Привести во владение, в подданство и в ясачный платеж», или просто «в подданство и в ясачный платеж», что лишний раз подтверждает формально-правовое значение этого условия для приобретения «государственного суверенитета» над соответствующей территорией [Русские экспедиции 1989].

Организация сбора ясака была поставлена весьма четко и проводилась по следующей схеме: один раз «объясав» остров, в дальнейшем следующая партия сборщиков (которыми были, главным образом, сибирские казаки), двигаясь «волной» от Камчатки

с севера на юг, начинала движение с этого же острова, «захватывая» дополнительно еще несколько новых островов к югу.

Таким образом, остров, с которого один раз брали дань, в дальнейшем становился объектом регулярного посещения, освоения и описания (при возможности – картографирования или составления чертежей), что (описание и картографирование) являлось непременным условием инструкций, выдававшихся местными властями начальникам «ясашных отрядов».

Хронология русского освоения Курил выглядит следующим образом.

В 1705–1713 гг. ясак собран с первых двух островов; в 1730–1732 гг. – с четырех; в 1734 г. – с пятого по девятый, в 1751–1755 гг. – с островов по шестнадцатый включительно; в 1766 г. партия наших сборщиков, возглавляемая сотником И. Черным достигла южных Курил, впервые «объясачив» «мохнатых тойонов» (старшин) айнов на южных островах архипелага. С этого времени взимание дани на южных Курилах проводилось регулярно: в 1768–1769 гг. ясак взят с восемнадцатого (Уруп), девятнадцатого (Итуруп), и с «князьцов двадцатого» (Кунашир) острова; в 1770–1774 – вновь по (Итуруп) включительно; в 1778–1779 – с Итурупа, Кунашира, Шикотана (21), а также – что следует особо подчеркнуть – со «старшин» северо-восточной части 22-го – Хоккайдо, называвшегося тогда «Эдзо» (все-го было «объясачено» 1500 человек); в 1781 г. – с Кунашира, в 1790–1791 – с Итурупа [Полонский 1871, с. 399, 400, 404, 405, 441, 550].

Таким образом, сбор дани на Курилах проводился регулярно и систематично и начался на южных Курилах в 1766 г., продолжаясь затем в течение длительного времени (1766–1791); при этом на Итурупе ясак собирался с 1766 и до начала 1790-х гг.; на Кунашире – в 1769, 1778, 1779, 1781 гг.; на Шикотане и северо-восточном побережье Хоккайдо – в 1778–1779 гг.

Осваивая новые земли и основывая на них поселения (главным промыслом на Курилах – так же, как и в Северной Америке – была добыча пушнины и морского зверя), русские ставили на островах специальные знаки-кресты или столбы с надписью (в частности, с установленными на них чугунными гербовыми орлами с надписью «Земля Российского владения» – аналогичные тем, что ставились на побережье Аляски), которые несли государственную символику России, утверждая таким образом права России на эти

земли по общепринятому в то время «праву открытия и освоения». Установка таких знаков осуществлялась как частными «промышленниками», так и официальными представителями – «ясашными сборщиками», или правительственными уполномоченными.

Пушной и звериный промысел приносил очень хороший доход, поэтому партии «промышленных людей», продвигаясь все дальше на юг, создавали поселения или зимовья, которые служили им базой, откуда они в промысловый сезон отправлялись на дальние острова и островки для добычи морского и пушного зверя.

Появились такие поселения и на «дальних островах» – Урупе и Итурупе. Всего во второй половине XVIII столетия русские поселения существовали на островах Шумшу, Парамушир, Симушир, Уруп, Итуруп; кроме того, было создано зимовье на острове Кунашир [Полонский 1871, с. 405, 416, 420].

Особенно важное значение для закрепления прав России на Курильский архипелаг имела комплексная научно-промысловая экспедиция 1775–1782 г. (Экспедиция И. Антипина и Д. Шабалина), в ходе которой были «объясачены» айны на северо-восточном побережье Хоккайдо (район современного Немуро), создано постоянное поселение-база на о. Уруп (средние Курилы), произведена геологоразведка, описание и картографирование южных Курил.

Итак, на протяжении XVIII – в начале XIX вв. деятельность России на Курилах, включая южные острова архипелага, осуществлялась по нескольким направлениям:

- 1) описание, исследование и картографирование островов с установкой на них специальных знаков (столбов или крестов) с государственной русской символикой;
- 2) хозяйственное освоение островов, включая промысловую деятельность (пушной и морской промысел и опыты с земледелием) и геологоразведку;
- 3) приведение в подданство местных жителей;
- 4) создание поселений и зимовий и административное управление (освоение) новых территорий.

Таким образом, результаты русской деятельности на Курильских островах накануне первого русского посольства в Японию (состоялось в 1792–1793 гг.), позволяют с уверенностью говорить о том, что к концу XVIII столетия Россия, в соответствии с нормами международного права того времени, имела все необходимые

основания рассматривать *весь Курильский архипелаг, включая его южные острова*, как составную часть своей территории.

Это нашло свое отражение не только на географических картах (в частности, в главном официальном издании России того времени – Атласе Российской империи 1796 г.), где вся Курильская гряда, включая южные острова, обозначена как составная часть Российской империи, административно входящая в *Нижнекамчатский округ Охотской области Иркутского наместничества*, но и в официальных именных (императорских) Указах 1779, 1786 и 1799 гг., подтверждающих включение Курильских островов в состав Российской империи (императорский или королевский указ, напоминим, был равносильен закону) [Атлас Российской Империи 1796].

Именно поэтому глава второго русского посольства в Японию Н. П. Резанов на переговорах с японцами в 1805 г. вручил им специальный меморандум, в котором говорилось, что «все воды и земли на север от Матмая (Хоккайдо) принадлежат русскому императору, и чтобы Япония не распространяла туда своих владений», о котором в Японии, в отличие от Симодского трактата 1855 г. (первый официальный договор между Россией и Японией), никогда не упоминают [АВПРИ, ф. ГА, 1-7, д. 1, п. 37, лл. 286, 287].

Этот факт – принадлежность Курильского архипелага России – хорошо подтверждается тем обстоятельством, что несмотря на предпринимавшиеся в дальнейшем иностранными государствами попытки захвата Курильских островов (в частности, во время Крымской войны 1854–1855 гг.), ими никогда не ставился под сомнение сам факт принадлежности их именно России.

На международном уровне принадлежность России Курильского архипелага была официально подтверждена в заключенных в 1824–1825 гг. конвенциях России с США и Великобританией.

Что касается Японии, которая, как известно, продолжает утверждать об «исконной японской принадлежности так называемых северных территорий (южных Курил)», то ее официальная граница в рассматриваемое время (конец XVIII – первая четверть XIX вв.), по свидетельству самих японских авторов, проходила далеко на юге Эдзо-Хоккайдо, ограничиваясь небольшой территорией на юго-западной оконечности острова, прилегающей к Сангарскому проливу. Все остальные территории к северу от этой узкой полосы, т. е. практически весь о. Эдзо-Матмай, были территорией айнов, в состав Японского государства не входившей. Тем более

южные Курилы не могли принадлежать Японии, лежащие, как известно, еще севернее Хоккайдо [Kuno 1940, p. 227–229; Корияма 1980, с. 231, 319, 320].

Причина – режим изоляции Японии от внешнего мира, установленный военными правителями страны («сёгунами») в 1639 г. (и официально отмененной только в середине XIX столетия), который искусственно «консервировал» Японию в рамках ее исторических средневековых границ, не только не поощряя, а прямо запрещая расширение территории, в том числе и «на север».

Будучи, как было показано, тесно связанными с Русской Америкой исторически и географически, Курильские острова имели и схожую с ней «политическую судьбу». Так же, как и в случае с Аляской, русским правительством долгое время недооценивался огромный экономический и военно-стратегический потенциал Курил – владение которыми, во многом, обеспечивает статус Охотского моря как внутреннего моря России – приведший, в первом случае, к вызывающей до сих пор споры и недоумение продаже Русской Америки, а во втором – уступке Японии в обмен на отказ от ее прав на Сахалин в 1875 г. оставшейся части Курильской гряды от о. Уруп до мыса Лопатка на Камчатке (южные Курилы – о-ва Итуруп, Кунашир и Малая Курильская гряда, включающая о. Шикотан, были признаны владением Японии в упоминавшемся Симодском трактате 1855 г.), в результате чего весь Курильский архипелаг вплоть до 1945 г. являлся японской территорией.

Здесь же следует отметить, что с географической точки зрения существует лишь одно понятие – «Курильский архипелаг», включающий острова, протянувшиеся от Камчатки (мыс Лопатка) до японского острова Хоккайдо (район Немуро), и никакие «южные», «северные» или «средние» Курилы в качестве отдельной административно-территориальной единицы не выделяются, что, впрочем, вполне естественно, если воспринимать архипелаг как единое целое, а не пытаться искусственно разделить его на две или более части вопреки географии и просто здравому смыслу.

В заключение необходимо напомнить, что, как уже отмечалось, в России в понятие «Курильские острова» в XVIII – начале XIX вв. включался также остров Хоккайдо (обозначавшийся в русских источниках того времени как Эдзо-Матмай, или «Мастмай», – от японского «Мацумаэ» – по названию одноименных княжества

и города, располагавшихся на крайнем юге острова), как *двадцать второй остров Курильской гряды*.

Аналогичным образом – как включающие остров Эдзо-Хоккайдо – понимались Курильские острова и в иностранных (не русских) изданиях того времени [Головнин 1961, с. 426–428; Пальмер 1906, с. 69, 73].

Таким образом, следуя японской логике, мы сейчас вполне могли бы претендовать на часть Хоккайдо на том основании, что остров не принадлежит Японскому архипелагу, а относится к Курильским островам.

Это нужно хорошо помнить тем японским авторам, которые, вопреки логике и здравому смыслу, продолжают утверждать, что южные острова Курильской гряды (напомним: Итуруп, Кунашир и Малая Курильская гряда, в которую входит о. Шикотан) к Курильским островам не относятся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. ГА, 1-7, д. 1, п. 37.
- Атлас Российской Империи, состоящий из 52 карт, изданный во граде Св. Петра в лето 1796-е, а царствования Екатерины II. XXXV изд. СПб. : Типография Сытина, 1796. 54 с.
- Головнин В. М. Путешествие на шлюпе Диана из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807–1811 / под ред. В. А. Дивина. М. : Географиздат, 1961. 480 с.
- Пальмер А. Х. Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана. СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1906. 81 с.
- Полонский А. С. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии / под ред. А. И. Савельева. – СПб. : Типо. Майхова, 1871. Т. IV. С. 367–576.
- Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М. : Наука, 1989. 400 с.
- Корияма Ёсимицу. Бакумацу Нитиро канкейси кэнкю (Изучение истории японско-русских отношений периода Бакумацу). Токио, 1980. Цит. по: Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М. : Наука, 1988, с. 46
- Kuno Y. S. Japanese expansion on the Asiatic continent. A study in the History of Japan. L.A. : Berkeley, 1940. Vol. 2. 416 p.

УДК 316.4

Ж. В. Гербач

доктор социологических наук, профессор учебного военного центра при Южном федеральном университете; e-mail: Gerbach69@bk.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ И НАКОПЛЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ

В статье проведен анализ основных характеристик системы подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов, на основе которого был сделан вывод о целесообразности ее отнесения к классу социальных самоорганизующихся систем. Определены основные факторы, негативно влияющие на количественно-качественные показатели мобилизационных людских ресурсов. Обоснованы основные направления решения существующих проблем социально-правового обеспечения функционирования системы подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов.

Ключевые слова: система подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов; социально-правовое обеспечение; комплектование Вооруженных Сил Российской Федерации; резервист; граждане, находящиеся в резерве по контракту.

Z. V. Gerbach

Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor of the military training center at the Southern Federal University; e-mail: Gerbach69@bk.ru

SOCIAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF THE SYSTEM OF PREPARATION AND ACCUMULATION OF MOBILIZATION HUMAN RESOURCES

In the article, the analysis of main characteristics of the system of training and accumulation of mobilization of human resources on the basis of which the conclusion was made about the appropriateness of its inclusion in the class of self-organizing social systems. Identified the main factors that have a negative impact on the quantitative and qualitative indicators of mobilization of human resources. Proved the basic directions of the solution of existing problems of social and legal support of functioning of system of preparation and accumulation of mobilization human resources.

Key words: system of preparation and accumulation of mobilization human resources; social and legal support; recruitment of the Armed Forces of the Russian Federation; reservist; citizens who are in reserve on contract.

Существование и развитие любого общества связано с развитием различных систем, при этом важную роль в жизни человека играют социальные системы, к которым можно отнести систему подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов (далее – систему подготовки мобилизационных ресурсов).

Под системой подготовки мобилизационных ресурсов предлагается понимать совокупность взаимосвязанных элементов, функционирующих в едином социально-правовом поле государства для обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований (далее – ВС РФ) личным составом и техникой при проведении мобилизации и в период военного положения.

Любая социальная система состоит из определенного количества элементов, которые объединены некоторой общностью [Сорокин 2003]. Общность выражается в объединенном родовом понятии всех элементов, входящих в систему.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова под системой понимается:

- «определенный порядок расположения и связи элементов какого-либо объекта (явления);
- форма организации какого-либо объекта (явления);
- нечто целое, представляющее единство взаимодействующих элементов (система русского языка; система взглядов)» [Ожегов 1964, с. 377].

В монографии Бусленко под термином «система» понимается совокупность подсистем (элементов), объединенных на основе прямых, обратных и нейтральных связей в интересах достижения поставленной цели [Бусленко 1973, с. 33]. По своей физической природе связи могут быть вещественными, энергетическими, информационными или смешанными.

Сложной может быть признана система, обладающая хотя бы одним из приведенных ниже признаков (Булегенов, 2018):

- система допускает декомпозицию на подсистемы, параметры которых взаимосвязаны, т.е. изменение параметров одной подсистемы (элемента) влияет на количественно-качественные параметры другой подсистемы;
- для системы характерна существенная неопределенность, т.е. в условиях воздействия на нее внешней среды изменения параметров и структуры системы носят случайный характер;

– наличие сложной иерархической структуры системы, в которой сочетаются принципы централизованного и децентрализованного управления.

Проведенный анализ показал, что система подготовки мобилизационных ресурсов может быть отнесена к классу самоорганизующихся систем, основными характеристиками которой являются [Зиганшин 2006]:

1. Способность взаимодействия со средой, в рамках которой система получает из внешней среды определенную информацию, а также оказывает влияние на окружающую среду, меняя ее в направлении, позволяющем улучшить количественно-качественные характеристики системы. Так, основные параметры системы подготовки мобилизационных ресурсов оказывает непосредственное влияние на функции и полномочия органов государственной власти, местного самоуправления, военного управления, учреждений и организаций.

2. Определенная гибкость структуры, понимаемая в данном случае как возможность корректировки существенных связей между определенными элементами, т. е. связей, которые обеспечивают целостность системы. Данная характеристика определяет одно из свойств системы подготовки мобилизационных ресурсов, заключающееся в определенной форме организации ее подсистем, когда система в целом получает или обнаруживает такие новые качества, которых не имеют составляющие ее элементы [Бусленко 1973, с. 97].

3. Сложность прогнозирования поведения самоорганизующейся системы вследствие влияния разнонаправленных воздействий, имеющих случайный характер. Данная характеристика системы подготовки мобилизационных ресурсов проявляется в том, что ряд факторов, влияющих на эффективность ее функционирования, имеют стохастическую природу.

4. Способность анализировать прошлый опыт и обучаться, что позволяет системе повышать эффективность своей деятельности, основываясь на общих закономерностях и принципах функционирования систем. Такая оптимизация системы подготовки мобилизационных ресурсов может проводиться на основе систематического анализа ее количественно-качественных характеристик.

В настоящее время влияние ряда социально-экономических, административно-правовых, демографических и некоторых других факторов оказывает негативное влияние на существующую систему подготовки мобилизационных ресурсов, что в ряде случаев существенно снижает выполнения возложенных на нее задач.

К основным деструктивным факторам, оказывающим негативное влияние на параметры мобилизационных ресурсов, следует отнести [Гаврюшенко 2008]:

- неблагоприятные параметры демографической обстановки;
- низкий уровень заинтересованности граждан, находящихся в запасе, в повышении уровня военной и специальной подготовки;
- значительное увеличение количества миграционных перемещений населения;
- несовершенство нормативной правовой базы, регулирующей подготовку мобилизационных ресурсов в условиях перехода на рыночную экономику.

Следует также отметить, что главный источник подготовки мобилизационных ресурсов – прохождение гражданами военной службы по призыву – на данный момент не обеспечивает требуемого объема подготовки специалистов в районах комплектования войск. Основными причинами сложившейся ситуации являются [Мазаник, Пономарев 2015]:

- сокращение численности и боевого состава войск (сил) мирного времени, что привело к сокращению ежегодного притока в запас подготовленных специалистов примерно на 21 % по сравнению с 2005 г.;
- повышение уровня профессионализма ВС РФ, что выразилось в увеличении доли рядового и сержантского состава, проходящего военную службу на контрактной основе. Данный процесс обусловил сокращение количество подготовленных специалистов, находящихся в запасе, ориентировочно на 27 % по сравнению с 2003 г.;
- большое количество отсрочек, освобождающих граждан от призыва в силовые структуры, в результате чего с 1993 по 2000 гг. доля граждан мужского пола, которых можно было направить в войска (силы) для прохождения военной службы от общего количества граждан призывного возраста, состоящих в военных комиссариатах на воинском учете, снизилась с 29 % до 9 %;

– экстерриториальный принцип призыва граждан для комплектования войск (сил), в результате чего только 30–40 % из общего количества граждан, уволенных в запас, могут быть востребованы для комплектования воинских частей и соединений по мобилизационному плану.

Следует отметить низкую эффективность учебно-сборовой подготовки граждан, находящихся в запасе и предназначенных для комплектования войск (сил) в условиях мобилизационного развертывания воинских частей и соединений. Результаты контрольных проверок свидетельствуют о низком уровне знаний, умений и навыков граждан, прошедших учебные сборы, особенно по сложным, наукоемким военно-учетным специальностям. Основными причинами сложившегося положения являются [Мазаник, Пономарев 2015]:

– существенное сокращение в воинских частях штатных специалистов, предназначенных для организации и проведения учебных сборовых мероприятий с гражданами, находящимися в запасе;

– физически и морально устаревшая учебная материальная база, которая не позволяет с требуемой эффективностью проводить занятия по подготовке мобилизационных ресурсов в условиях существенного роста темпов переоснащения войск на современные образцы вооружения и военной техники;

– отсутствие социально значимых стимулов и недостаточная мотивация у граждан для повышения уровня профессиональной подготовки;

– слабая заинтересованность руководителей государственных и коммерческих предприятий в направлении своих сотрудников на учебно-сборовую подготовку ввиду отсутствия реальных компенсационных мер, покрывающих издержки, связанные с прохождением сборов и отсутствием сотрудников на рабочем месте.

Проведенный анализ свидетельствует о низком уровне военно-учетной дисциплины граждан, находящихся в запасе, что выражается в непредставлении (несвоевременном представлении) сведений в военные комиссариаты (военно-учетные столы) об изменении учетных параметров, включающих сведения об изменении места жительства (места пребывания), состава семьи, уровня образования, места работы, рабочей специальности и т. д. Несвоевременная

актуализация базы данных военных комиссариатов, содержащей сведения о гражданах, находящихся в запасе, не позволит своевременно оповестить о призыве требуемое количество граждан из числа предназначенных к воинским частям и в конечном итоге может привести к срыву приведения войск (сил) в боевую готовность.

Анализ системы комплектования ВС РФ мобилизационными ресурсами в военное время позволил выявить основные проблемы ее функционирования, которые могут быть условно классифицированы на три группы: законодательно-правовые, социально-политические, технико-экономические. Решение этих проблем должно быть основано на реализации определенных принципов (основных руководящих положений), которые необходимо учитывать при выполнении мероприятий, направленных на поддержание требуемого уровня боевой и мобилизационной готовности войск (сил). Под термином «принцип» (от *лат.* *principium*) следует понимать то, что лежит в основе определенной совокупности фактов, понятий, явлений. Под принципом в социально-правовом регулировании следует понимать руководящее начало, основное правило деятельности в соответствующей области отношений, определяемое объективно существующими в данной области закономерностями [Сорокин 2003, с. 161].

Г. В. Атаманчук под понятием «принцип» предлагает понимать закономерность, выраженную в виде определенного научного положения, закреплённого в большинстве своем правом и применяемого в теоретической и практической деятельности [Атаманчук 1997, с. 78]. В законодательстве, регулирующем общественные отношения социально-правового характера в военной сфере, «принцип означает и закрепляет обязательность содержащихся в нем положений, требований и их всеобщность в отношении регулируемых вопросов» [Манохин 1997, с. 81].

Социально-правовое регулирование функционирования системы подготовки мобилизационных ресурсов должно учитывать следующие основные принципы [Кудашкин 2001, с. 203]:

- законности – соответствие роли и места системы подготовки мобилизационных ресурсов, ее предназначения и применения в различных правовых режимах основным законодательным актам России, а также международным нормам права;

– адекватности – соответствие социально-правового обеспечения совершенствования системы подготовки мобилизационных ресурсов стратегическим направлениям развития в области военного строительства, сформулированным в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Указ Президента РФ 2015], Военной доктрине Российской Федерации [Военная доктрина РФ 2014] и перспективному облику ВС РФ;

– системности – подготовка документов, регламентирующих социально-правовые отношения в системе подготовки мобилизационных ресурсов, должна осуществляться последовательно, с учетом единого замысла и имеющихся ограничений на выделяемые финансовые, материальные и людские ресурсы;

– комплексности – учет всех факторов социально-правового характера при обосновании рациональных параметров системы подготовки мобилизационных ресурсов, что может быть обеспечено комплексным (пакетным) принятием нормативных правовых актов в данной области;

– согласования – социально-правовые аспекты функционирования системы подготовки мобилизационных ресурсов не должны иметь пробелов в правовом регулировании рассматриваемых отношений, дублировать правовые нормы, приводить к разному толкованию предписаний военного законодательства;

– непротиворечивости – отсутствие разногласий между нормами, регулирующими социально-правовые аспекты подготовки мобилизационных ресурсов, и действующим законодательством;

– правовой экономии – сокращение и унификацию документов, регламентирующих порядок функционирования системы подготовки мобилизационных ресурсов, проведение их кодификации;

– преемственности – учет отечественного и мирового опыта регулирования социально-правовых отношений в системе подготовки мобилизационных ресурсов.

Анализ социально-правовых аспектов функционирования системы подготовки мобилизационных ресурсов позволил определить направления решения существующих проблем:

– разработка и совершенствование действующих нормативных правовых документов, регламентирующих социально-правовой статус граждан, пребывающих в запасе;

– повышение эффективности функционирования системы подготовки мобилизационных ресурсов за счет введения новых элементов и совершенствования ее параметров.

Анализ действующих документов, регламентирующих социально-правовой статус граждан, пребывающих в запасе, позволил сделать вывод о возможности повышения количественно-качественных параметров системы подготовки мобилизационных ресурсов за счет:

1. Внесения изменений и дополнений в Федеральный закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в части:

– ужесточения наказания за умышленное уклонение от прохождения подготовки на военных сборах;

– повышения ответственности сотрудников полиции и отделов, деятельность которых связана с регулированием миграционных процессов, за нарушения в области воинского учета;

– ужесточения санкций в отношении руководителей (должностных лиц) учреждений и организаций всех форм собственности за противодействие направлению гражданина, пребывающего в запасе, на военные сборы;

– расширения полномочий сотрудников военного комиссариата по рассмотрению дел об административных правонарушениях;

– расширения полномочий руководителей и должностных лиц органов местного самоуправления поселений по рассмотрению дел об административных правонарушениях в области воинского учета;

– предоставления полномочий военному комиссару по вынесению постановлений о возбуждении дела об административном правонарушении при возникновении обстоятельств, указанных в части первой статьи 28.1 [Федеральный Закон... 2001].

В настоящее время денежные средства в виде штрафов за административные правонарушения направляются на счета органов местного самоуправления. В этих условиях было бы целесообразно зачислять их на счет специального фонда, из которого денежные средства могут быть использованы для поощрения граждан, добросовестно исполняющих воинскую обязанность, в соответствии с совместным решением военного комиссара и главы органа местного самоуправления.

2. Внесения изменений и дополнений в нормативные правовые акты, регламентирующие гарантии и компенсации гражданам, пребывающим в запасе и добросовестно исполняющим воинскую обязанность [Федеральный закон 1998], в части предоставления:

- преимущественного права для принятия на работу в государственные учреждения и организации, а также в воинские части;

- дополнительных отпусков с учетом отрыва гражданина на исполнение воинской обязанности;

- дополнительных вознаграждений по результатам проведения военных сборов, а также по итогам текущего календарного года;

- права на обучение в муниципальных и государственных образовательных бюджетных учреждениях среднего и высшего образования, а также на подготовительных курсах и отделениях образовательных бюджетных учреждений высшего образования за счет средств, выделяемых из федерального бюджета;

- права детям граждан, пребывающих в запасе, зачисления в суворовские (нахимовские) училища и кадетские корпуса вне конкурса, а также преимущественного права зачисления в военные образовательные учреждения высшего и среднего образования при условии успешного прохождения всех вступительных испытаний.

3. Формирования новой системы подготовки мобилизационных ресурсов. Суть совершенствования параметров существующей системы подготовки мобилизационных ресурсов заключается в том, что в ее составе выделяется новый элемент – мобилизационный людской резерв.

Планируется, что граждан будет находиться в составе резерва на добровольной основе, с ним будет заключаться соответствующий служебный контракт, в котором будут определены основные условия нахождения гражданина в резерве.

Функционирование предлагаемой системы подготовки мобилизационных ресурсов невозможно без внесения изменений и дополнений в существующую и разработки новой нормативной правовой базы, которая должна регулировать вопросы нахождения гражданина в резерве по контракту и определять:

- правовой статус резервиста;

- этапы формирования и порядок функционирования резерва;

– права, обязанности и ответственность Министерства обороны Российской Федерации, с одной стороны, и резервистов – с другой;

– перечень комплексных мероприятий, реализующих защиту прав и интересов резервистов, а также направленных на обеспечение их социальных гарантий и компенсаций.

Перечисленные задачи определяют необходимость научной проработки и создания теоретических основ социально-правового обеспечения функционирования новой системы подготовки мобилизационных ресурсов, а также совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей подготовку военно-обученных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления. М. : Мысль, 1997. 343 с.
- Бусленко Н. П.* Моделирование сложных систем. М. : Наука. 1973. 461 с.
Военная доктрина РФ. URL: rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html
- Гаврюшенко П. И.* Призыв граждан Российской Федерации по мобилизации // Право в Вооруженных Силах. 2008. № 9. С. 52–59.
- Зиганшин Д. Ф.* Подготовка мобилизационных людских ресурсов: методика экономического обоснования // Военная мысль. 2006. № 12. С. 39–47.
- Кудашкин А. В.* Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. М. : ВУ МО. 2001. 375 с.
- Мазаник А. И., Пономарев А. И.* Проблемные вопросы правового обеспечения деятельности военных комиссариатов и основные направления их решения в интересах МЧС России // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты / Академия гражданской защиты МЧС России. 2015. № 2. С. 28–39.
- Манохин В. М.* Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М. : ВУ МО. 1997. 246 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. : Советская энциклопедия. 1964. 525 с.
- Сорокин В. Д.* Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб. : Юридический центр Пресс. 2003. 298 с.
- Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

Федеральный закон 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/

П. М. Козырева, А. И. Смирнов

Козырева П. М., доктор социологических наук; первый заместитель директора ФНИСЦ РАН; директор Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ;

e-mail: pkozyreva@isras.ru

Смирнов А. И., доктор социологических наук; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН;

e-mail: smir_al@bk.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию мотивационных аспектов предпринимательской деятельности во взаимосвязи с проблемами расширения и повышения эффективности участия бизнеса в процессах инновационной модернизации. В центре внимания находятся актуальные проблемы развития малого и среднего бизнеса, что объясняется значительным ростом его роли в реализации планов экономического развития по сравнению с другими секторами экономики. Анализ опирается на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» — многолетнего лонгитюдного исследования домохозяйств. Раскрываются предпосылки, особенности и трудности участия в предпринимательской деятельности наиболее подготовленной в профессиональном отношении части экономически активного населения России — специалистов с высшим и средним профессиональным образованием. Обращается внимание на то, что подавляющее большинство квалифицированных работников имеют опыт освоения новой специальности, они в разное время осваивали новые методы работы и новое современное оборудование. Многие разрабатывали и продвигали на основной или дополнительной работе предложения, связанные с улучшением выпускаемой продукции или различных технологических процессов. Но в то же время немалая их часть была занята на производстве в основном рутинным традиционным трудом средней сложности, который вряд ли способен внести хоть какую-то лепту в осуществление инновационной модернизации. Установлено, что стремление к активной предпринимательской деятельности демонстрирует сравнительно небольшая часть квалифицированных специалистов с высшим и средним профессиональным образованием, тогда как большинство соглашается с ролью пассивных исполнителей. Внимание акцентируется на наиболее важных причинах — как подталкивающих специалистов к предпринимательству, так и удерживающих их от этого непростого жизненного выбора. Подчеркивается особая значимость в формировании мотивов участия в предпринимательской деятельности субъективных или оценочных факторов, которые базируются не на личном опыте, а на информации общего характера. Отдельно рассматриваются причины, вынуждающие предпринимателей оставлять бизнес, отказываться от собственного дела в пользу более спокойной, предсказуемой и менее ответственной

трудовой деятельности. Развитию бизнеса мешают отсутствие эффективных механизмов поддержки предпринимательства со стороны государства, частые изменения условий хозяйственной деятельности, ограниченность всевозможных ресурсов. Ощущая сильнейшее давление со стороны чиновников, представителей правоохранительных органов, коррупционеров, бизнес старается отгородиться от общества. При этом пока не удастся безболезненно для всех участников взаимодействия согласовывать интересы населения, государства и бизнеса. Всё это еще раз убеждает в том, что, наращивая усилия по улучшению предпринимательского климата, важно не забывать о необходимости обеспечения сбалансированного сочетания рынка и государства, о совершенствовании механизма государственного управления экономикой. Облегчение только тех или иных бюрократических процедур оказывается недостаточно эффективным для того, чтобы бизнес-климат стал более благоприятным и предсказуемым, чтобы у большего количества россиян появилось желание открыть собственное дело и включиться в процесс инновационной модернизации. Низкий уровень предпринимательской активности является одной из наиболее серьезных причин, сдерживающих создание динамично развивающейся инновационной экономики. Установлено наличие непосредственной связи между предпринимательским успехом и инновационной активностью в сфере малого и среднего бизнеса. Возможности участия предпринимателей в инновационной деятельности во многом обусловлены их личностными ресурсами.

Ключевые слова: активность; бизнес; инновация; квалификация; модернизация; предпринимательство; человеческий капитал.

P. M. Kozyreva

Doctor of Sociology (Dr. habil), First Deputy Director, FSTAS RAS; Director, Centre for Longitudinal Studies, Institute of Social Policy, HSE;
e-mail: pkozyreva@isras.ru

A. I. Smirnov

Doctor of Sociology (Dr. habil), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FSTAS RAS; e-mail: smir_al@bk.ru

ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE MODERNIZATION

The article is devoted to the study of motivational aspects of business activity in connection with the problems of expansion and increase of business participation efficiency in the processes of innovation modernization. The focus is on the current problems of development of small and medium-sized businesses, due to the significant growth of its role in the implementation of economic development plans compared to other sectors of the economy. The analysis is based on the data of The "Russian monitoring of the economic situation and health of the population by RLMS-HSE" – a long-term longitudinal study of households. The author reveals the prerequisites, features and difficulties of participation in

entrepreneurial activity, the most professionally prepared part of the economically active population of Russia – specialists with higher and secondary vocational education. The attention is drawn to the fact that a significant majority of skilled workers have experience in the development of a new specialty, at different times they mastered new methods of work and new modern equipment. Many have developed and promoted proposals related to the improvement of products or various technological processes at the main or additional work. However, at the same time, a large part of them was engaged in the production of mostly routine traditional work of medium complexity, which is hardly able to bring some significant contribution to the implementation of innovative modernization. It is established that a relatively small part of qualified professionals with the desire for entrepreneurship, while the majority agrees with the role of passive performers. We also consider the reasons forcing entrepreneurs to leave business, to abandon their own business in favor of a quieter, more predictable and less responsible activity. The development of business is hampered by the lack of effective mechanisms to support entrepreneurship by the state, frequent changes in the conditions of economic activity, and the limitation of all kinds of resources. Feeling the strongest pressure from officials, representatives of law enforcement agencies, corrupt officials, the business tries to isolate itself from society. All this once again convinces us that by increasing efforts to improve the business climate, it is important not to forget about the need to ensure a balanced combination of the market and the state, to improve the mechanism of state management of the economy. The easing of only some bureaucratic procedures is not effective enough to make the business climate more favorable and predictable, so that more Russians have a steady desire to start their own business and actively engage in the process of innovative modernization. A low level of entrepreneurial activity is one of the most serious reasons constraining the creation of a dynamically developing innovation economy. There is the existence of a direct link between entrepreneurial success and innovation activity in the field of small and medium-sized businesses. The opportunities for entrepreneurs to participate in innovative activities are largely due to their personal resources.

Key words: activity; business; innovation; qualification; modernization; entrepreneurship; human capital.

Важнейшей задачей модернизации российской экономики, которая сегодня приобрела стратегический характер, является развитие предпринимательства, увеличение его вклада в становление инновационного сектора и обеспечение экономического роста. Речь идет о более активном вовлечении широких слоев населения в самостоятельную предпринимательскую деятельность, как в качестве индивидуальных предпринимателей, так и посредством создания новых коммерческих предприятий и организаций или расширения уже существующего бизнеса.

Даже люди, не являющиеся специалистами в области экономики, начинают всё отчетливее понимать, что самым мощным драйвером экономического роста в России, незадействованным до сих пор в полную силу, является предпринимательство и прежде всего малый и средний бизнес. Развитие предпринимательства помогает не только обеспечивать экономический рост, но и создавать новые рабочие места, стимулировать занятость населения, вовлекать в трудовую деятельность группы населения, прозябающие в других сферах, полнее использовать творческий потенциал россиян, быстрее и эффективнее внедрять инновации, способствовать наиболее полному раскрытию потенциала модернизации.

За годы постсоветского периода в России была создана действительно рыночная, но очень далекая от совершенства экономика, с массой теневых сторон, слабых мест, перекосов и других изъянов. Это во многом объясняется тем, что рыночная экономика России стала заложницей предыдущих неудачных реформ и всех тех структурных проблем в развитии производства, которые накапливались на протяжении многих десятилетий [Оганисян 2011, с. 127–128]. Одним из таких хорошо заметных перекосов является то, что российская экономика продолжает оставаться преимущественно экономикой крупных компаний, тогда как малый и средний бизнес развит недостаточно, не в тех формах, объемах и размерах, чтобы экономика могла функционировать слаженно, надежно и стабильно. Если в большинстве стран данный сегмент обеспечивает от 50 до 70 % рабочих мест, формируя от 50 до 60 % ВВП, то в России он дает всего лишь 25 % рабочих мест и 20 % ВВП [Долженков 2016]. Малый и средний бизнес, с укреплением которого во многом связывается поиск и освоение новых источников роста для экономики, предпочитает заниматься торговлей, тогда как производственные компании открываются гораздо реже, а активность в сфере высоких технологий и инноваций, в области современных бизнес-услуг остается пока минимальной [Малое и среднее предпринимательство ... 2014, с. 14].

В последние годы сформировалось понимание инновации как определенного процесса практического использования новых идей и изобретений; создания, распространения и использования инноваций, необходимых для удовлетворения тех или иных потребностей или развития и повышения эффективности в определенной

сфере деятельности. Согласно «Рекомендациям по собору и анализу данных по инновациям (Руководство Осло)», под инновацией понимается «введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях», а под инновационной деятельностью – «все научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие действия, реально приводящие к осуществлению инноваций или задуманные с этой целью» [OECD 2005, с. 46–47]. В качестве инноваторов выступают создатели, распространители и реализаторы инновационного продукта, которые могут быть представлены определенными предприятиями, организациями, коллективами, индивидами [Гуцаленко 2013, с. 120].

Инновационная деятельность оказывает всё более существенное влияние на развитие всех без исключения отраслей экономики, приводя к значительным сдвигам в структуре спроса и предложения. При этом она осуществляется не только в научной и производственной областях. В бизнесе, например, сегодня всё чаще и чаще речь идет об инновациях в сферах продвижения продукции и услуг, управления персоналом, построения организации и ключевых процессов, формирования современных бизнес-моделей и т. д.

В статье мы попытались, опираясь на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»¹, рассмотреть ряд вопросов, которые представляют интерес для понимания причин успехов и неудач становления и развития предпринимательства в России.

Как показал анализ, несмотря на существенные позитивные сдвиги в развитии бизнеса и формировании нового экономического мышления, которые произошли в постсоветский период, предпринимательская активность россиян остается невысокой. Согласно данным мониторинга, только каждый десятый респондент в возрасте старше 14 лет в то или иное время пытался открыть

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: cpc.unc.edu/projects/rlms; hse.ru/rlms).

свое предприятие, начать собственное дело, но добиться удалось успеха только каждому второму из них. Наиболее активны в организации предпринимательской деятельности мужчины и женщины в возрасте 25–30 лет, но чаще всего эта активность приносит плоды в более старшем возрасте. Во многом это объясняется тем, что люди зрелого возраста обладают более развитыми человеческим и социальным капиталами, чем молодежь. При этом желание попробовать свои силы в бизнесе и успешность предпринимаемых для этого усилий тем выше, чем выше образование респондентов.

Квалифицированные специалисты с высшим и средним профессиональным образованием и стали объектом данного исследования ($N = 2891$). Большинство из них имели опыт освоения новой специальности (около 71 %), в разное время осваивали новые методы работы (70 %) и новое оборудование (54 %). Свыше 35 % разрабатывали и вносили когда-нибудь на основной или дополнительной работе предложения, связанные с улучшением качества выпускаемой продукции или технологического процесса, повышением качества услуг или продвижением на рынок товаров или услуг, совершенствованием организации работы. Из числа данных респондентов около 18 % являлись владельцами какого-нибудь бизнеса (самостоятельно или с другими людьми) или фермерами; индивидуальными предпринимателями с наймом или без найма работников; лицами, занимающимися продажей или перепродажей каких-либо товаров или оказанием платных услуг.

Приступая к анализу проблем, связанных с развитием предпринимательской активности в контексте решения задач инновационной модернизации, прежде всего необходимо прояснить вопрос о мотивах начала предпринимательской деятельности. Из данных, приведенных на рисунке 1, видно, что главной причиной, подтолкнувшей респондентов к решению организовать свой бизнес, стало стремление приобрести самостоятельность, работать на себя, получить свободу и ни от кого не зависеть. Причем такое желание в большей мере характерно индивидуальным предпринимателям и владельцам бизнеса, нежели тем, кто занимается продажей или перепродажей каких-либо товаров, оказанием платных услуг. Но в действительности, как показывает практика, для очень многих предпринимателей свобода и независимость после открытия собственного дела так и остаются недостижимой «хрустальной» мечтой. Бизнесмены становятся заложниками «своего дела», работают

допоздна и без выходных, попадают в кабальную зависимость от банков и различных фондов, страдают от всевозможных проверяющих, недобросовестных конкурентов и посредников и т. п.

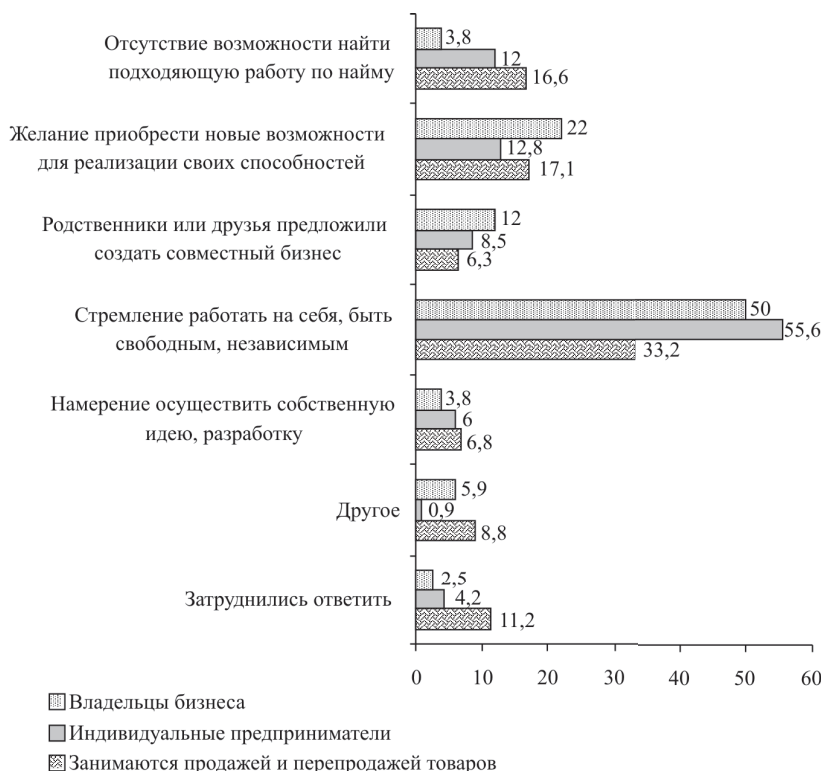

Рис. 1. Мотивы начала предпринимательской деятельности (в % по группам)

На втором и третьем местах с огромным отрывом расположились такие мотивы, как желание получить новые, лучшие, возможности для реализации своих способностей, которое в наибольшей мере характерно владельцам бизнеса, и трудности с поиском подходящей работы по найму. Те, кто решается вступить на путь предпринимательства в силу отсутствия возможности найти подходящую работу по найму, относятся к категории «вынужденных» предпринимателей, занимающихся бизнесом только потому, что не видят для себя других источников дохода. Особенно много таких людей среди лиц, занимающихся продажей товаров.

И, наконец, к наименее весомым мотивам, определяющим решение о начале предпринимательской деятельности, относятся желание воспользоваться выгодным предложением своего родственника или знакомого о создании совместного бизнеса, а также стремление реализовать на деле какую-то собственную идею, интересную и актуальную разработку. Можно было бы предположить, что респонденты, руководствующиеся последним мотивом, составляют наиболее подходящий инновационный контингент. Однако в действительности участвовать в инновационной деятельности способна только часть этих людей. Желание или стремление, что еще не означает способность на практике реализовать собственную идею, внедрить свою разработку демонстрируют всего лишь 3,8 % собственников предприятий, т. е. лиц, располагающих наибольшими возможностями для организации инновационной деятельности, тогда как среди других категорий респондентов таких оказалось вдвое больше.

Теперь обратимся к данным, характеризующим участие предпринимателей в инновационной деятельности. Согласно этим сведениям, 44 % опрошенных предпринимателей полагают, что они производят товары или оказывают услуги, которые известны всем или практически всем покупателям; 42 % уверены, что их товары и услуги известны только некоторым людям. Всего лишь 3 % убеждены, что производимые ими товары не имеют аналогов в стране и практически никому не знакомы, а остальные затруднились ответить на поставленный вопрос. Продукция, которую предприниматели собираются производить в дальнейшем, в подавляющем большинстве случаев тоже не является для потребителей новой. Только около 8 % опрошенных представителей малого и среднего бизнеса полагают, что намереваются производить товары или оказывать услуги, которые можно отнести к разряду инновационных.

Уровень понимания важности инновационной повестки остается всё еще недостаточным для того, чтобы деятельность по созданию современной инновационной среды приобрела необходимые масштабы и динамику. Несмотря на понимание того, что страна надолго и глубоко «увязла» в сложных экономических проблемах, предприниматели не пытаются кардинально менять устоявшиеся бизнес-модели, не пробуют перенастроить бизнес на выпуск новой продукции в соответствии со стратегий импортозамещения,

а пытаются лишь приспособиться к изменившимся условиям, не рисковать и не делать опасных резких движений, дабы вовсе не лишиться бизнеса. Подобная осторожная и безынициативная тактика тормозит переход российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально-ориентированному типу развития.

Изложенные данные убеждают, что инновационный потенциал предпринимательства, базирующийся на индивидуальной инициативе, используется крайне слабо, и это мало способствует реализации модернизационных планов. Трудно не согласиться с Г. Г. Дилигенским, что, в отличие от наиболее развитых стран, где принцип инноваций вписан в институциональную и культурную, экономическую и политическую системы, поэтому макросоциальные факторы играют здесь важную самостоятельную роль во всех трансформационных процессах, в России, где эта роль значительно слабее, решающим фактором модернизации становится индивид, обладающий способностями и волей к инновационной деятельности. В России, в конкретно сложившейся ситуации «именно индивидуальные действия и воля являются решающим фактором, способным предотвратить полное замораживание модернизационного процесса» [Дилигенский 2002, с. 46].

Социальный статус предпринимателя по-прежнему остается высоким. Согласно данным Левада-центра, почти две трети граждан относятся к малому и среднему предпринимательству с одобрением [Общественное мнение ... 2016, с. 154], наблюдая, как много, с какой отдачей успешные бизнесмены трудятся и как они добиваются улучшения качества жизни. Существует немало данных, доказывающих, что бизнес, даже малый, заметно превосходит доходы на человеческий капитал [Тихонова 2014, с. 351], и что в России можно хорошо зарабатывать, если предложить рынку интересную новую идею или качественный товар. Это связано прежде всего с наличием огромного количества незаполненных ниш в различных сегментах бизнеса. Несмотря на то, что россияне считают бизнес престижным и доходным занятием, они с огромным трудом решаются на открытие своего предприятия или создание какого-либо иного собственного дела. Чаще всего граждане оценивают условия для начала и ведения бизнеса в своем населенном пункте как плохие [Непробиваемый пессимизм ... 2014]. Создание новой компании для большинства из них с самого начала выглядит

крайне сложным, рискованным и затратным делом, а на помощь государства при его организации они обычно не рассчитывают.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что значительное большинство опрошенных владельцев бизнеса, достигающее 57 %, создали свое предприятие самостоятельно, без содействия других людей и каких-либо структур. Около 14 % при организации своего бизнеса воспользовались помощью родственников; 22,8 % – поддержкой друзей, знакомых и лишь немногим более 5 % получили помощь от государственных структур. Остальные респонденты стали предпринимателями каким-то иным путем (купили уже готовый бизнес, смогли сделать успешную карьеру на своем предприятии и др.). Во многом также действовали и индивидуальные предприниматели, среди которых только около 7 % при открытии своего дела обращались за помощью к тем или иным государственным структурам.

Именно этими обстоятельствами во многом объясняется тот факт, что среди причин, удерживающих россиян от организации собственного бизнеса, одно из первых мест занимает отсутствие или недостаток финансовых средств. На это указали 61,6 % опрошенных, которые никогда не занимались предпринимательством и не пытались организовать свое дело. Доминирование подобных мнений во многом можно объяснить тем, что подавляющее большинство российских граждан, включая даже значительную часть предпринимателей, не знакомы или плохо знакомы с действующими программами поддержки бизнеса государством, которые включают широкий спектр мер по оказанию финансовой помощи предприятиям малого и среднего бизнеса и обеспечению их развития. Основная часть этой помощи предназначена для вновь открывающихся бизнес-проектов и новичков, переживающих этап становления. Несмотря на все многочисленные недостатки и трудности, действующие государственные программы всё же позволяют их участникам получать гарантированный доступ к субсидиям, пользоваться льготными кредитами и т.д. Этой помощи очень часто оказывается достаточно, учитывая, что для многих стартапов нужны не столько значительные средства, сколько хорошие востребованные идеи, настойчивость и трудолюбие.

Не менее значимой оказалась и такая причина, как отсутствие собственного желания, на которую указали около 60%

респондентов анализируемой категории. Существенную часть этих респондентов составляют люди, которые не привыкли брать на себя ответственность, безынициативны, не имеют управленческого опыта. Многие боятся потерпеть неудачу или осознают, что не обладают необходимыми личностными качествами для открытия собственного дела. Для таких респондентов предпринимательство, отличающееся повышенным риском, жестким сочетанием ответственности и инициативы, выглядит очень сложным и мало-предсказуемым делом. Как показывает практика, подобные страхи далеко не всегда имеют под собой веские основания. Но в то же время нельзя не понимать и то, что многие россияне обладают негативным опытом личного общения с бизнесом. Сталкиваясь с обманом, мошенничеством, недобросовестной работой различных коммерческих структур, они воспринимают бизнес как огромную зону сплошного недоверия.

42,2 % респондентов, принадлежащих к анализируемой группе, сослались на недостаток опыта, а 38,5 % – на полное отсутствие или дефицит знаний в данной области. Характерно, что последние реже других респондентов демонстрировали интерес к новой информации в Интернете и средствах массовой информации, к разного рода техническим и другим новинкам; стремление придумывать и предлагать что-то новое у себя на работе; готовность или способность давать своим друзьям, коллегам разъяснения, касающиеся новых идей, методов, технологий; умение подбирать и мотивировать работников.

И, наконец, 29,7 % респондентов в качестве основной причины, мешающей им заняться предпринимательством, указали на отсутствие возможности собрать дееспособную и профессиональную команду единомышленников. Очевидно, что создание новых предприятий и широкое внедрение инноваций тормозит как нехватка современного оборудования, так и дефицит квалифицированных кадров. Практика убеждает, что рынок труда и система профессионального образования в России не способны удовлетворять на должном уровне потребности бизнеса в высококвалифицированных кадрах, которые готовы активно участвовать в инновационной деятельности. Еще на стадии подготовки к открытию своего дела многие кандидаты в предприниматели сталкиваются с отсутствием на рынке квалифицированных менеджеров, инженеров,

бухгалтеров, рабочих. Не может быть основной современной инновационной экономики и несовершенная социальная сфера.

Примечательно, что респонденты, занятые на государственных предприятиях, обычно называют одну или две причины, которые мешают им открыть свой бизнес и участвовать в предпринимательской деятельности, тогда как занятые на частных предприятиях и предприятиях со смешанной формой собственности, т. е. лица, имеющие более полное представление о деятельности предприятий малого и среднего бизнеса – три или более трех причин. При этом занятые на предприятиях государственного сектора к таким причинам чаще всего относят отсутствие желания заниматься бизнесом, в то время как занятые на частных предприятиях – недостаток финансовых средств.

Определенный интерес представляют мнения респондентов, которые в прошлом самостоятельно или вместе с другими людьми владели бизнесом, но затем расстались с этим делом. Среди опрошенных наемных работников доля бывших собственников бизнеса составила немногим более 4 %. Из них до 70 % в последний раз занимались предпринимательством более 5 лет назад, около 20 % – от 1 года до 5 лет и около 10 % – менее года назад. Как правило, эти респонденты были владельцами небольших предприятий, т. е. предприятий, которые «обычно не обладают достаточными внутренними ресурсами и испытывают больше затруднений с получением внешнего финансирования, чем крупные предприятия», что становится важным фактором их функционирования, в том числе инновационной деятельности [Осипов, Климовицкий 2014, с. 124]. Именно данное обстоятельство во многом объясняет, почему среди причин прекращения ими предпринимательской деятельности первые позиции занимают отсутствие денег на развитие и низкая доходность бизнеса. Далее следуют причины личного характера (семейные проблемы, состояние здоровья и т. п.), возможность устроиться на другую, более интересную работу и выгодно продать бизнес. Подавляющее большинство таких людей не способны заниматься не только инновационной, но даже обычной рутинной предпринимательской деятельностью.

Таким образом, в своей повседневной деятельности предприниматели постоянно сталкиваются с массой серьезных трудностей. К ним относятся разного рода административные и налоговые

барьеры, высокие штрафы, нехватка инвестиций, слабость судебной системы, частые изменения условий хозяйственной деятельности, нестабильность законодательства, отсутствие эффективных механизмов поддержки предпринимательства со стороны государства. Серьезной проблемой является отсутствие доступных кредитов, которые могут быть использованы для пополнения оборотных средств или модернизации оборудования на предприятиях, а также для закупки необходимых технологий. Негативные последствия для нормального функционирования и развития всех форм предпринимательства имеют высокий монополизм на рынке и избыточное участие государства не только в бизнесе, но и в других сферах жизни российского общества.

Многих предпринимателей беспокоят постоянные коррупционные поборы, вымогательство; проблемы обеспечения личной безопасности, «рейдерские захваты» и другие незаконные приемы отъема бизнеса и т. д. Как следует из таблицы 1, предприниматели намного чаще, чем наемные работники, сталкиваются с необходимостью неофициально платить работникам полиции, становятся жертвами грабежа, нападения или насилия. О сильном давлении, которое испытывает бизнес со стороны недобросовестных конкурентов и преступных элементов, говорит огромное количество случаев необоснованного судебного преследования по экономическим статьям.

Таблица 1

**Ощущение личной безопасности / небезопасности:
наемные работники и предприниматели (в %)**

Характеристики	Наемные работники	Предприниматели		
		Владельцы бизнеса	Индивидуальные предприниматели	Занимаются продажей и перепродажей товаров
Ощущают себя в полной или относительной безопасности	62,8	70,9	69,2	67,8
Постоянно или довольно часто беспокоит мысль о том, что их могут ограбить	9,4	8,9	12,0	10,1
Постоянно или довольно часто беспокоит мысль о том, что они могут стать жертвой нападения	9,8	11,1	8,7	7,2

Характеристики	Наемные работники	Предприниматели		
		Владельцы бизнеса	Индивидуальные предприниматели	Занимаются продажей и перепродажей товаров
В течение последних пяти лет сталкивались с работой полиции	22,9	30,4	31,6	40,5
В течение последних пяти лет сталкивались лично с необходимостью неофициально платить работникам полиции	20,1	41,7	40,5	40,5
В течение последних пяти лет лично или члены их семьи становились жертвами грабежа, нападения или насилия	6,8	12,7	9,4	10,4

Трудности, с которыми сталкиваются предприниматели, носят комплексный характер, т. е. каждому предпринимателю приходится преодолевать множество барьеров, решать не одну, а несколько сложных проблем, относящихся к разряду основных. Анализ показывает, что к подобным насаивающимся, перемежающимся трудностям, которые вынуждены преодолевать предприниматели, прежде всего начинающие, можно отнести недоступность финансирования, сложность привлечения инвестиций; административные барьеры; нехватку знаний и опыта, недоступность кадровых ресурсов; сложности сбыта продукции. В дальнейшем предпринимателей начинают всё больше беспокоить такие проблемы, как низкая доходность производства, недоступность дорожающих кредитных ресурсов, постоянные проверки различных государственных структур, неформальное общение с представителями кредиторов, рейдерами. Настоящим бедствием для развития предпринимательства становится рост налоговой нагрузки и ужесточение ответственности за неуплату и сокрытие средств. По мнению специалистов, репрессивный характер среды в отношении всех без исключения хозяйственных субъектов грозит дальнейшим увеличением издержек и делает их риски запредельными [Обухова 2015].

Наличие такого мощного комплекса разнородных препятствий существенно снижает уровень предпринимательской активности населения, а также негативно сказывается на социальном самочувствии предпринимателей, вынуждая многих из них или выбирать те сферы деятельности, которые не предполагают серьезных

рисков, больших затрат и обеспечивают быструю окупаемость вложений, уходить «в тень» или отказываться от занятия бизнесом. Отсутствие нормального делового и предпринимательского климата, от которого в первую очередь очень сильно страдают инновационные и технологические стартапы, тормозит процессы коммерциализации интеллектуального потенциала и создания динамично развивающейся инновационной экономики.

Сегодня, когда появилась достойная альтернатива рискованной и ответственной предпринимательской деятельности в виде четко выстроенных карьерных траекторий в сфере наемного труда, многие россияне, включая представителей бизнеса, стали менять свои представления и приоритеты. Более трети предпринимателей заявляют, что занимаются бизнесом не потому, что у них есть такое желание, а потому что это единственная возможность поддерживать достойный уровень жизни. Хотя нельзя не напомнить, что 15 лет назад о своем бизнесе мечтали больше половины представителей среднего класса [Скоробогатый 2015, с. 38]. В ходе анализа данных RLMS-HSE выяснилось, что хотели бы найти другую работу почти 14% владельцев бизнеса; более 16% индивидуальных предпринимателей и около 26% респондентов, занимающихся продажей или перепродажей товаров, оказанием платных услуг. Эти выводы очень важны для понимания особенностей социально-структурного пространства современной России, принимая во внимание, что предприниматели и наемные работники являются наиболее представительными социальными статусными группами, его дифференцирующими [Наемный работник ... 2015, с. 19].

Существенное влияние на настроения предпринимателей в последние годы оказывают проблемы, обусловленные негативными последствиями череды экономических кризисов. Так, исследование, проведенное Институтом социологии РАН, показало, что хотя предприниматели, по сравнению с представителями других профессиональных групп, меньше встревожены этими проблемами, почти две трети из них ощущают, что проиграли из-за роста цен; более трети столкнулись с серьезными трудностями на работе; у каждого пятого возникли сложности во время получения вкладов, выплат кредитов и т. п. [Российское общество ... 2015, с. 74–77]. В ситуации резкого нарастания трудностей значительно уменьшилось количество предпринимателей, которые чувствуют реальную

поддержку со стороны государственных структур, и увеличилось число ожидающих помощи от государства.

Бизнес как деятельность непосредственно связан с личностными качествами предпринимателя – основного его субъекта. В силу наличия или отсутствия тех или иных личностных качеств одним из них удастся найти свое место и закрепится в бизнесе, тогда как другим приходится искать иную область приложения своих способностей. Личностная компетентность руководителя бизнеса, помогающая находить выходы из сложных ситуаций, очень часто сопровождающих любую предпринимательскую деятельность, лежит в основе грамотности, а главное – эффективности управления предприятием.

Из таблицы 2 следует, что среди успешных предпринимателей существенно больше, чем среди других групп занятых, граждан, которые обладают предпринимательским талантом и смелостью, готовы рисковать, способны проявлять настойчивость, решительность и нести ответственность за принятые решения, обладают даром убеждения, хорошими организаторскими способностями и деловыми качествами. Именно этого недостает многим россиянам, у которых не получается реализовать свое намерение заняться предпринимательской деятельностью.

Таблица 2

**Зависимость самооценки личностных качеств
от участия в предпринимательской деятельности (в %)**

Суждения	Желание организовать бизнес и его реализация					
	Никогда не пытались		Пытались, но не получилось		Пытались, и им это удалось	
	Согласны	Не согласны	Согласны	Не согласны	Согласны	Не согласны
По сравнению с другими людьми, у меня хуже получается осваивать новшества	8,2	73,6	12,3	72,3	5,2	80,4
Мне интересно придумывать и предлагать что-то новое на работе	37,0	29,4	50,5	17,9	66,5	14,4
Часто даю коллегам разъяснения о новых идеях, методах, технологиях	29,8	43,9	36,9	34,2	52,6	24,9

Окружающие следуют моему примеру в применении новых идей и разработок	21,5	33,0	28,3	26,0	42,6	17,2
Друзья и знакомые считают меня знатоком инноваций	19,2	43,1	28,3	32,0	35,4	22,5
Обычно мне не приходится брать на себя ответственность за команду на работе	39,0	37,8	36,4	37,5	28,7	56,9
Умею подбирать и мотивировать работников	28,9	41,8	39,2	22,3	43,5	14,8
У меня не получается убеждать людей в своей правоте	9,8	60,4	11,9	57,1	6,3	72,7
Не стану трудиться от зари до зари, если не буду получать немедленную отдачу	42,0	30,4	38,6	29,8	39,8	35,4
Умею настоять на принятом решении	62,0	9,8	71,7	9,3	82,7	2,0
Меня очень легко переубедить	8,6	61,0	9,8	60,9	5,3	70,8
Мне нравится управлять людьми	21,3	48,2	33,2	35,3	45,4	23,0
Мне часто приходится рисковать	17,8	58,5	27,7	46,8	39,7	32,6
Справлюсь с любой задачей	35,2	12,1	48,9	11,4	61,7	9,1

Так, неудачники гораздо реже, чем успешные предприниматели, соглашаются с тем, что умеют настоять на принятом решении, что им нравится управлять людьми, что они умеют подбирать и мотивировать людей, готовы и способны справиться с любой задачей. И в то же время эти респонденты чаще полагают, что их очень легко переубедить и что у них не получается убеждать людей в своей правоте.

Успешные предприниматели отличаются от других категорий занятых людей высоким уровнем потенциальной и реальной инновационной активности. Так, они чаще других занятых выражают уверенность в том, что могут осваивать новшества не хуже других людей. Но особенно велика разница между предпринимателями и другими занятыми в уровне готовности к активной инновационной деятельности. Если среди удавшихся предпринимателей доля лиц, которым интересно придумывать и предлагать что-то новое

у себя на работе, составила 66,5 %, то среди тех, кто пытался организовать свое дело, но не добился успеха – только 50,5 %, а среди тех, кто никогда даже не пытался стать предпринимателем – всего лишь 37 %. Успешные предприниматели гораздо чаще других занятых дают своим коллегам разъяснения и советы, касающиеся новых идей, методов и технологий, служат примером для окружающих в применении новых идей и разработок, читают профессиональные статьи о разного рода новшествах. 35,4 % опрошенных предпринимателей выразили уверенность в том, что коллеги, друзья и знакомые считают их знатоками различных новшеств, тогда как среди респондентов, принадлежащих к другим анализируемым группам, таких оказалось значительно меньше – соответственно 28,3 и 19,2 %.

К сожалению, в настоящее время внедрение инноваций не рассматривается в качестве ведущей стороны предпринимательского труда. Между тем инновационная деятельность может быть успешной, если ее цели и задачи совпадают с интересами, позициями и в качествами предпринимателя. Результативность этой деятельности обеспечивается компетентной включенностью предпринимателя в процесс внедрения инноваций, об уровне сформированности которой можно судить по степени развитости таких компетенций, как готовность к постоянному совершенствованию профессиональных знаний, стремление к новому, способность к критическому мышлению, готовность к разумному риску, умение работать в высококонкурентной среде.

В связи с этим усиливается важность повышения эффективности системы подготовки предпринимательских кадров, позволяющей готовить таких руководителей для бизнеса, которые могли бы профессионально решать не только текущие вопросы, но и перспективные стратегические задачи, связанные с развитием инновационной деятельности. Подготовка начинающих бизнесменов, руководителей малого и среднего предпринимательства должна быть нацелена как на освоение и совершенствование традиционных теоретических знаний, составляющих фундамент их профессиональной компетентности, так и на повышение уровня знаний, навыков, отличающихся актуальной практической направленностью, которые необходимы для эффективной инновационной деятельности.

На первый план, как подчеркивают специалисты в области управления, выходит также разработка и внедрение новых технологий развития личностных качеств предпринимателя, составляющих его «бизнес-потенциал» [Орлова 2010].

Таким образом, изложенные данные убедительно показывают, что большинство высокообразованных россиян как и прежде отдают предпочтение работе по найму и с большим трудом решаются на создание своего бизнеса. Несмотря на то, что проблематике предпринимательства в стране уделяется большое внимание, условия для ведения бизнеса качественно не меняются. Многие предприниматели не могут адаптироваться к крайне противоречивым и сложным условиям ведения бизнеса и отказываются от предпринимательской деятельности. Смягчение некоторых требований и облегчение отдельных бюрократических процедур оказывается явно недостаточным для того, чтобы бизнес-климат стал более приемлемым, т. е. более благоприятным, предсказуемым и чтобы у большего количества россиян появилось желание открыть собственное дело и активно включиться в процесс инновационной модернизации. К числу наиболее важных и сложных проблем, от решения которых зависит реализация инновационной политики, относится создание условий для формирования и развития у занятых в предпринимательстве компетенций, необходимых для эффективной инновационной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуцаленко Л.А. Социальные инновации и квазиинновации в человеческом измерении // Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-Дана, 2013. С. 117–133.
- Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. 285 с.
- Долженков А. Никуда без государства // Эксперт. 2016. № 20. С. 56–57.
- Малое и среднее предпринимательство в России: стат. сб. М. : Росстат, 2014. 86 с.
- Наемный работник в современной России / отв. ред. З. Т. Голенкова. М. : Новый хронограф, 2015. 368 с.
- Непробиваемый пессимизм // РБК. 2014. № 1–2 (январь-февраль). С. 33.
- Обухова Е. Абонемент на посещение тюрьмы // Эксперт. 2015. № 50. С. 44–47.

- Общественное мнение – 2015. М. : Левада-Центр, 2016. 308 с.
- Оганисян Ю. С. Государство и бизнес в России: дилеммы взаимодействия // Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисян ; Ин-т социологии РАН. М. : РОССПЭН, 2011. С. 120–140.
- Орлова Л. В. Эффективность кадрового обучения предпринимателей малого и среднего бизнеса // Труд и социальные отношения. 2010. № 3. С. 69–74.
- Осипов Г. В., Климовицкий С. В. Индикаторы науки и технологии: история, методология, стандарты измерения / Научный совет по программе фундаментальных исследований президиума Российской Академии наук «Экономика и социология науки и образования». М. : ЦСПи М, 2014. 180 с.
- Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : Весь Мир, 2015. 432 с.
- Скоробогатый П. Тревожный и лояльный // Эксперт. 2015. № 45. С. 36–43.
- Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теория и реальность. М. : Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.
- OECD. The Measurement of Scientific and Technological Activity. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data (Oslo Manual). Third Edition. Paris, 2005. 92 p.

РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена основам социологического исследования рисков социальной политики в современном российском обществе. Автор опирается на то, что российское общество представляет собой определившееся в процессе исторического развития отечественное многонациональное сообщество со своей относительно устойчивой системой социальных связей и отношений как между большими, так и между малыми группами людей, поддерживаемое силой закона, социальных институтов, культуры, обычаев, традиций и т. п., основывающееся на определенном способе производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ. Социальный риск выступает как ситуация неопределенности социума при выборе решения о взаимодействии, основанном на вероятности ожидаемой дифференциации по доходу, социальной деятельности, возрасту. Автор исходит из того, что социальная политика – это деятельность общества и государства, направленная на развитие социальной сферы общества, повышение благосостояния, улучшение условий труда, жизни и т. д. Глобализация экономики в начале XXI в. создает рисковые ситуации и ведет к проявлению новых социальных рисков, обусловленных переходным характером развития российской социальной системы, поэтому социальный риск может быть рассчитан с точки зрения выявления социальных последствий интересам личности, социальных групп и общностей.

Социальная политика России, обоснованная теоретически и достаточно логично построенная, на сегодняшний день еще не в состоянии полностью решить проблемы социальной защиты всех категорий и групп общества, гарантировать социальную стабильность и создать социальный климат, благоприятствующий устойчивому экономическому росту и общественному развитию. За последние два десятилетия в мире изменился концептуальный подход к социальной политике. Об этом свидетельствует позиция, получившая повсеместное распространение, связанная с формированием системы адресной социальной защиты. Реформы социальной сферы обуславливаются трансформацией социальной структуры и экономики, при этом конкурентный аспект развития является первостепенным. Принцип равновесной и мотивирующей взаимосвязи между экономическими и социальными факторами, несмотря на изменения, рассматривается как условие успешной глобализации.

Ключевые слова: общество; российское общество; социальный риск; социальная политика; основные элементы социальной политики.

V. A. Lapshov

Doctor of Sociology (Dr. habil.), Head of the Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: valeralapshov@gmail.com

RISKS OF SOCIAL POLICY IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article is devoted to the basics of sociological research of the risks of social policy in modern Russian society. The author is based on the fact that Russian society is a national multinational community defined in the course of historical development with its relatively stable system of social relations and relations between large and small groups of people supported by the force of law, social institutions, culture, customs, traditions etc., based on a certain way of production, distribution, exchange and consumption of material and spiritual goods. Social risk appears as a situation of uncertainty of a society when choosing a decision on interaction based on the probability of expected differentiation in income, social activity, age. The author proceeds from the premise that social policy is the activity of society and the state aimed at developing the social sphere of society, increasing welfare, improving working conditions, living, etc. The globalization of the economy at the beginning of the 21st century creates risky situations and leads to the emergence of new social risks caused by the transitional nature of the development of the Russian social system, therefore social risk can be calculated from the point of view of revealing social consequences to the interests of the individual, social groups and communities.

Russia's social policy, founded theoretically and reasonably logically constructed, is not yet able to completely solve the problems of social protection of all categories and groups of society, to guarantee social stability and create a social climate conducive to sustainable economic growth and social development. Over the past two decades, the world has changed the conceptual approach to social policy. This is evidenced by a position that has become ubiquitous, related to the formation of a system of targeted social protection. Reforms of the social sphere are conditioned by the transformation of the social structure and economy, while the competitive aspect of development is paramount. The principle of an equilibrium and motivating relationship between economic and social factors, despite the changes, is viewed as a condition for successful globalization.

Key words: society; Russian society; social risk; social policy; basic elements of social policy.

XXI в. вносит коррективы и качественные изменения в глобальные процессы. При этом всё более очевидным становится возросшее значение социальных последствий этих процессов и всё чаще звучит мнение о том, что именно социальная политика будет определять облик нового века.

Категорию «общество» в социологическом исследовании можно рассматривать как формирующуюся совокупность социальных взаимодействий между людьми, складывающаяся в процессе их деятельности, под воздействием социальных институтов и групп конкретной территориально-политической государственной системы [Осипов 2014].

Российское общество представляет собой определившееся в процессе исторического развития отечественное многонациональное сообщество со своей относительно устойчивой системой социальных связей и отношений как между большими, так и между малыми группами людей, поддерживаемое силой закона, социальных институтов, культуры, обычаев, традиций и т. п., основывающееся на определенном способе производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ [Лапшов 2015].

Российское общество также характеризует неопределенность социально-экономических процессов современного переходного периода его развития. Россия – это часть глобального мира, который стремительно меняется.

Социальный риск – это ситуация неопределенности социума при выборе решения о взаимодействии, основанном на вероятности ожидаемой дифференциации по доходу, социальной деятельности, возрасту [Лапшов 2014].

Увеличение структурной и функциональной сложности, открытости и неустойчивости современного общества, нелинейная динамика социальных систем свидетельствуют о появлении особой специфики взаимоотношений социальных общностей и индивидов в условиях масштабности информационных, экономических, политических, экологических, технологических и социальных рисков.

Происходящие в социальных институтах и организациях изменения носят неопределенный характер и приводят к появлению новых социальных рисков, социально-экономические последствия которых сложно достоверно оценить и предвидеть. В связи с этим сегодня любому обществу, социальному институту и организации требуется достоверное социологическое исследование социальных рисков. Без этого становится невозможным стабильное функционирование любой социальной системы.

Для современного общества точкой отсчета ее социальной деятельности становится будущее, которое неизвестно. Поэтому при принятии решения отдельных социусов, необходимо учитывать их социальный риск не только для настоящего, но и будущего социума. Это оказывает растущее социальное давление на социуса в современном обществе, даже при условии принятия решений на основе консервативных идеалов. В начале XXI в. возрастает осознание новых социальных рисков [Бехманн 2012].

Можно констатировать, что в настоящее время сложилось социальное противоречие между возросшей потребностью российского общества в минимизации социальных рисков, с одной стороны, и отсутствием основ социологической диагностики исследования социальных рисков – с другой. Данное исследование призвано способствовать разрешению этого противоречия.

Социологический аспект исследования социального риска заключается в том, что последний является неотъемлемой составляющей любого переходного общества и связан с последствиями социальных изменений в период различных кризисов.

Основная гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: глобализация экономики в начале XXI в. создает рисковые ситуации и ведет к проявлению новых социальных рисков, обусловленных переходным характером развития российской социальной системы, поэтому социальный риск может быть рассчитан с точки зрения выявления социальных последствий интересам личности, социальных групп и общностей.

Всякая перестройка структуры общества, производственных отношений, политической деятельности органически сливается с социальной политикой государства, от проведения которой непосредственно зависит положение и деятельность людских ресурсов и интеллектуального капитала.

За последнее время область социальной политики заметно расширилась, в нее стали включаться аспекты:

- обеспечения занятости;
- социально-трудовых отношений;
- социального партнерства и социального диалога;
- социального обеспечения и страхования;
- защиты интересов и прав разных категорий населения;
- социальной экологии и социальной безопасности.

Провозглашенные и закреплённые в официальных документах многих стран принципы «социальной солидарности», «социального сплочения», «социальной справедливости» и «социальной ответственности» накладывают отпечаток на все процессы, которые влияют на эволюцию общества.

Социальная политика – это деятельность общества и государства, направленная на развитие социальной сферы общества, повышение благосостояния, улучшение условий труда, жизни и т. д.

Социальная политика в сфере труда – это целенаправленная система законодательных и административных правил и практик, касающихся положения наемных работников и обеспечения им определенных социальных гарантий.

Социальная политика системна по своему характеру, так как представляет собой некую целостность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов.

Основные элементы социальной политики: объект; субъект; цель и задачи; функции; приоритеты и принципы; формы, средства и методы реализации.

Главным объектом социальной политики считают социальную сферу общества. К остальным объектам социальной политики также относят: население страны (в том числе социальные общности и группы); социальные отношения; социальные явления и процессы в обществе во всем их многообразии и формах.

Субъекты социальной политики – это граждане и социальные группы, а также представляющие их интересы институты, организации и органы власти, взаимодействующие в социальной сфере.

Главный субъект социальной политики – государство, которое должно обеспечивать:

- движение к достижению в обществе социальной справедливости;
 - ослабление социального неравенства;
 - предоставление каждому работы или иного источника существования;
 - сохранение мира и согласия в обществе;
 - формирование благоприятной для человека жизненной среды.
- Субъектами социальной политики также выступают:
- государственные ведомства и учреждения социальной защиты населения;

- общественные, религиозные, благотворительные и другие негосударственные объединения;
- сами граждане (гражданские инициативы, например группы самопомощи);
- органы местного самоуправления;
- внебюджетные фонды;
- коммерческие структуры и бизнес;
- профессиональные работники, занимающиеся разработкой и осуществлением социальной политики;
- добровольцы и др.

Цель современной социальной политики – развитие человеческой личности, создание благоприятных условий для ее полноценного гармоничного существования, воспитание чувства ответственности за свою жизнедеятельность, за удовлетворение жизненно важных интересов и потребностей.

К приоритетным задачам социальной политики относятся:

- гармонизация общественных отношений;
- создание социально-гарантированных условий для жизнедеятельности граждан;
- обеспечение научно-технического прогресса, внедрение инновационных технологий, развитие инновационной деятельности;
- укрепление института семьи;
- обеспечение социальной справедливости в обществе.

Функции социальной политики:

1. Политические:

- адаптация – приспособление к условиям внешней и внутренней среды;
- интеграция – согласование интересов всех элементов общества;
- артикуляция – выражение интересов отдельных социальных групп;
- целеполагание – постановка целей и задач развития общества;
- координация – установление взаимодействия различных видов и направлений социальной политики;
- социализация – приобщение членов общества к социально-политической деятельности;

- ориентация членов общества на определенные нормы и ценности;

- рекрутирование – отбор и подготовка политической элиты.

2. Социально-политические:

- поддержание и укрепление ценностей общества;

- разработка целей и задач развития социальной сферы общества;

- ограничение процесса социальной дифференциации в обществе;

- предотвращение социальных конфликтов;

- регулирование социальных отношений;

- стимулирование социально-политической активности индивидов и групп.

3. Социальные функции:

- улучшение демографической ситуации;

- предотвращение массовой бедности;

- обеспечение эффективной занятости населения;

- воспроизводство рабочей силы и самого человека;

- сохранение семьи как базового социального института;

- обеспечение социальной защиты населения.

Приоритеты – наиболее важные, значимые проблемы, осознанные как первоочередные задачи социальной политики.

Мегаприоритеты современной социальной политики – это обеспечение национальной безопасности и сохранение независимости страны.

Мезоприоритеты социальной политики – это преодоление социальной несправедливости и резкой дифференциации в обществе; увеличение количества людей, принадлежащих к среднему классу; создание новой системы ценностей; создание демократической системы социальной защищенности; создание условий для возрастания экономической активности; обеспечение экологической безопасности и здоровья нации; развитие современной социальной инфраструктуры; обеспечение прогресса во всех социальных сферах жизнедеятельности населения.

Микроприоритеты – повышение уровня и качества жизни; обеспечение полной занятости населения; обеспечение жильем и развитие системы ЖКХ; развитие систем образования и здравоохранения; улучшение демографической ситуации; разработка семейной политики и т. д.

Основные приоритеты современной отечественной социальной политики в области развития человеческого потенциала:

- принятие неотложных мер в сфере демографии и здоровья населения, направленных на стабилизацию демографической обстановки в обществе, снижение смертности в трудоспособном возрасте;

- выход минимальной заработной платы на уровень прожиточного минимума, внедрение новых систем оплаты труда работников бюджетных учреждений, ориентированных на повышение эффективности и качества предоставляемых услуг и учитывающих сложность и объемы выполняемой работы;

- решение основных социальных проблем военнослужащих;

- преодоление проблемы бедности пенсионеров (минимальный уровень пенсии устанавливается с 2010 г. на уровне не ниже величины прожиточного минимума пенсионера, а средний размер трудовой пенсии повышается до 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера к 2016–2020 гг.);

- структурная и технологическая модернизация здравоохранения, образования и других отраслей социальной сферы, обеспечивающая доступность качественных социальных услуг для населения;

- создание механизмов доступности качественного жилья, решение проблемы ветхого и аварийного жилья, модернизация жилищно-коммунального хозяйства;

- улучшение состояния окружающей среды, повышение экологических стандартов, создание эффективной системы утилизации отходов производства и потребления, повышение обеспеченности населения качественной питьевой водой;

- возрождение массовой физической культуры и вовлечение населения в систематические занятия физической культурой и спортом;

- создание основ современной индустрии туристско-рекреационных услуг и повышение ее конкурентоспособности на международном рынке.

Под «типичным портретом социальных рисков российского общества» понимается обобщенное отражение определенной совокупности повторяющихся, существенных социальных качеств основных социальных типобразующих признаков ситуации

неопределенности социума при выборе решения о взаимодействии, основанном на вероятности ожидаемой дифференциации по доходу, социальной деятельности, возрасту.

Итоги исследования показали, что половина респондентов считают ситуацию, сложившуюся к настоящему времени в нашем обществе, как неопределенную, не позволяющую строить планы на будущее. 24 % – тревожная, вызывающая напряженность и негативные ожидания. 10 % – напряженная, вызывающая недовольство и протестные акции. Лишь 14,3 % считают ее стабильной, позволяющей оптимистично смотреть в будущее.

Социальные изменения, происходящие в российском обществе в начале XXI в. укрепили среди респондентов: веру в себя и свои силы (30,7 %), ожидание негативных перемен (24,9 %) и новых рисков и потерь для семьи (21,4 %). Как не было, так и нет доверия олигархам у 56,2 % опрошенных, профсоюзам – 49,1 %, политическим партиям и движениям – 47,7 %, крупным собственникам – 44,8 %, правительству РФ – 35,3 %, средствам массовой информации – 33,4 %. Ослабла уверенность в будущем своей страны у 40,2 % опрошенных россиян; в экономической дееспособности России – 38,4 %; в будущем своих детей – 38,0 %. Ослабла вера в духовное возрождение российского общества у 37,1 % респондентов, доверие средствам массовой информации – 30,3 %.

Дополняют представленный типичный портрет социального риска в современном российском обществе данные, полученные Всероссийским центром изучения общественного мнения совместно с Фондом «Общественное мнение» и Институтом маркетинговых и социальных исследований GfK Русь в начале XXI в. в ходе исследования «Россия удивляет», целью которого было предоставление объективной информации о темпах и направлении социально-экономического развития страны [Россия удивляет ...].

Россияне стали чаще оценивать материальное положение своей семьи *хорошо*. При этом в 2013 г. они в два раза реже, по сравнению с 2005 г., оценивают материальное положение как плохое. Большинство россиян удовлетворены своей жизнью. За последние восемь лет значительно увеличилось число довольных своей жизнью. При этом в два раза реже респонденты стали говорить о неудовлетворенности жизнью.

Несмотря на происходящие социальные изменения в российском обществе, у респондентов какой была, такой и осталась: вера в себя – 56 % и людей – 46,9 %; ожидание новых рисков и потерь для семьи – 51,6 % и негативных перемен – 48,7 %. Верят, как и прежде, в позитивные перемены 42,9 % опрошенных, но укрепились эта вера только у 13,6 %.

Оценивая деятельность российских властных политических и экономических институтов по снижению социальных рисков кризисов, 66,3 % респондентов считают, что они ничего не делают для рядовых граждан или делают далеко не всё, из того, что могут и должны. Еще 14,7 % уверены в том, что делается всё, но для крупных собственников. И только 5,7 % считают, что власти делают всё, что могли.

К основным социальным рискам россияне относят: безработицу – 68,4 %; бедность – 43,7 %; потерю профессии и неоплату кредита – 30,8 %; индивидуальную социальную ненужность – 21,0 %; одиночество – 13,9 %.

Для снижения социальных рисков 45,8 % респондентов рассчитывают на собственные силы, а 54,2 % – на помощь государства. 46,7 % считают возможности современных профессиональных союзов в социальной защите интересов трудящихся и минимизации социальных рисков кризисов очень малыми и практически сведенными на нет.

Хотелось бы обратить внимание еще на один факт. В ходе нашего исследования и по результатам исследований динамики еженедельных оценок по доверию российским политикам, проводимым ВЦИОМом [Доверие политикам ...], единственным отечественным руководителем, кому доверяют респонденты, является Президент РФ. Его индекс доверия среди россиян в разы превышает индексы доверия других руководителей государства, лидеров политических партий и движений. При такой одиночной опоре социальная система весьма неустойчива. В истории развития российского общества прошлого века памятными датами останутся 1917, 1953, 1982, 1985 и 1991 гг. Тогда смена лидера страны приводила к революционному или мобилизационному варианту развития общества. И тот, и другой приносили новые социальные риски. Один из вариантов их снижения – развитие гражданского общества. Но это тема отдельного исследования.

В начале XXI в. социальные изменения и риски процесса перемен российского общества приобретают особую социальную значимость. Они становятся не исключительным случаем или побочным продуктом развития нашего общества, а представляют собой новые факторы отечественного общественного развития, которые требуют своего социологического исследования.

Сегодня каждому россиянину ясно, что не революционный, а эволюционный путь развития принят нашим обществом, которое демонстрирует желание избавляться от проблем путем компромиссов, а не конфронтации. Решать спорные вопросы и острые проблемы оказалось возможным в рамках отечественного права.

Исходя из оценки реальной практики и результатов, следует признать, что социальная политика России, обоснованная теоретически и достаточно логично построенная, на сегодняшний день еще не в состоянии полностью решить проблемы социальной защиты всех категорий и групп общества, гарантировать социальную стабильность и создать социальный климат, благоприятствующий устойчивому экономическому росту и общественному развитию.

В заключение необходимо отметить, что за последние два десятилетия в мире изменился концептуальный подход к социальной политике. Об этом свидетельствует позиция, получившая повсеместное распространение, связанная с формированием системы адресной социальной защиты. Реформы социальной сферы обуславливаются трансформацией социальной структуры и экономики, при этом конкурентный аспект развития является первостепенным.

Принцип равновесной и мотивирующей взаимосвязи между экономическими и социальными факторами, несмотря на изменения, рассматривается как условие успешной глобализации.

Социальная политика без существенных изменений в области оптимизации распределения доходов мало что решает. Это является важным условием достижения эффективности и роста производительности труда (роста мотивации) на уровне всей экономической системы и ее конкретных субъектов (отдельных предприятий, компаний, фирм), а отсюда – обеспечения высокой конкурентоспособности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / пер. с нем. А. Ю. Антоновского, Г. В. Гореховой, Д. В. Ефременко, В. В. Каганчук, С. В. Месяц. 2-е изд. М. : Логос, 2012. 248 с.
- Доверие политикам. URL: wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam (дата обращения 20.01.2016).
- Лапишов В. А. Социальный капитал развития современной России // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания. Материалы II Международной науч. конф.: сб. науч. тр. / под ред. Р. М. Нуреева, М. Л. Альпидовской. М. : Финансовый университет, 2015. С. 722–732.
- Лапишов В. А. Теоретические основы социологического исследования социальных рисков // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2014. № 6. С. 5–25.
- Осипов Г. В. Общество // Социологический словарь / отв. ред Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев; уч. секр. О. Е. Чернощек. М. : Норма : Инфра-М, 2014. С. 294.
- Россия удивляет: статистика и социология против мифов и вымысла. URL: gtmarket.ru/news/2013/11/12/6411 (дата обращения 20.01.2016).

УДК 316.485.6

А. Т. Каюмов, Н. Р. Исакова, Н. З. Сафиуллина

Каюмов А.Т., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских наук МГЛУ; e-mail: atkayum@gmail.com

Исакова Н.Р., кандидат социологических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин Университета управления «ТИСБИ»;
e-mail: Lilia_iskhakova@mail.ru

Сафиуллина Н.З., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики ее преподавания Набережночелнинского педагогического университета;
тел: +79274724543

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ИДЕАЛАХ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на материалах Республики Татарстан)

Статья посвящена процессам формирования духовно-нравственных ценностей молодежи. Современная Россия – это особое добровольное сообщество народов разных национальностей и конфессий, что превратило ее в неоднородное сообщество. Все эти народности и их духовные ценности не сводятся только к русскому, так как Россия сегодня не имеет социокультурного единства. В современной историко-социологической науке идут споры о месте и роли России и ее культуры в историческом процессе. Начало этой научной дискуссии было положено еще в XVIII в.

Малопродуктивными в научном плане являются наблюдаемые сегодня среди социологов и историков попытки выделить Россию как чисто русскую цивилизацию. Английский писатель Р. Киплинг все-таки ошибался, когда говорил, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не бывать». Однако они сошлись в России благодаря ее двойственного геополитического и цивилизационного положения. Россия расположена на стыке евразийской цивилизации и всегда испытывала сильное влияние соседей. Эта ситуация стала основой для формирования одного из важнейших вопросов национального самосознания: кто мы – Европа, Азия или некая Евразия?

В дальнейшем, в XVIII – XX вв., цивилизационная парадигма развития России связана с модернизациями, которые неоднократно предпринимались на протяжении последних трех веков, предлагая внедрение к условиям России элементов западного типа развития. Движение по этому направлению привело современную Россию к демократическому обществу с рыночной экономикой и конституционным строем. Тем не менее сегодня в стране ситуация остается еще противоречивой. Корни происходящих в России перемен не следует сводить только к социально-экономическим и политическим процессам. Они заложены гораздо глубже – в самом человеке, в его внутреннем духовном мире и сознании. Однако негативную роль в проявлении этих тенденций в духовной сфере человека сыграла идеология советского периода. В результате

перестройки и ослабления коммунистической системы в конце XX столетия это «единство» развалилось, и многонациональная культура России получила новые возможности для возрождения некогда утерянных духовно-этнических, нравственных традиций, эстетических и прочих ценностей созданных нацией. Все эти проблемы современного мира сегодня сказываются на социальном поведении российской молодежи. В сегодняшних геополитических условиях они взаимосвязаны и актуальны, так как приобретают характер приоритетных проблем всего общества.

Научная новизна данной работы состоит в том, что она представляет собой исследование и на основе эмпирических данных предпринимается попытка выявления оптимальных методов регулирования социального поведения современной молодежи. Регулирование межконфессиональных отношений влияет на процессы формирования духовно-нравственных ценностей, культуры, традиций и общественных идеалов многонационального государства как Российской Федерации. Однако в работе по формированию духовно-нравственных ценностей молодежи нельзя надеяться на использование каких-либо быстродействующих и чудодейственных средств. Это работа не эпизодическая, не разовая, а системная, повседневная, будничная. Наиболее надежным способом формирования духовно-нравственных ценностей является создание в семье, в организации, в обществе такой психологической атмосферы, которая исключает самую возможность возникновения негативных явлений.

Таким образом, данное исследование является частью проекта, посвященного изучению формирования духовно-нравственных ценностей молодежи с использованием социологического подхода. На основе эмпирических результатов предпринимается попытка анализа выявления позитивного отношения молодежи к многонациональной российской культуре.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности; сообщество народов; евразийская цивилизация; многонациональная культура; демократическое общество; модернизация, общественные идеалы.

A. T. Kayumov

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor, Head of the Chair of Philosophical Sciences of the Moscow State Linguistic University; e-mail: atkayum@gmail.com

N. R. Iskhakova

PhD. of Sociology, Associate Professor of Socio-Humanities Department Law and Humanities Department University of Management "TISBI";
e-mail: Lilia_iskhakova@mail.ru

N. Z. Safiullina

PhD. (History), Associate Professor, History and Methods of Teaching her at the Naberezhnye Chelny Pedagogical University; тел: +79274724543

HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE IDEALS OF MODERN CITY YOUTH (based on the materials of the Republic of Tatarstan)

This article is devoted to the processes of formation of spiritual and moral values of youth. Modern Russia is a special voluntary community of peoples of different nationalities and confessions, which has turned it into a heterogeneous community. All these nationalities and their spiritual values are not reduced only to the Russian, since Russia today does not have a sociocultural unity. In modern historic-sociological science, there are disputes about the place and role of Russia and its culture in the historical process. The beginning of this scientific discussion was laid back in the XVIII century.

The attempts observed today among sociologists and historians to isolate Russia as a purely Russian civilization are not very productive in scientific terms. The English writer R. Kipling still made mistakes when he said that "the West is the West, the East is the East, and together they do not come together." However, they came together in Russia due to its dual geopolitical and civilizational situation. Russia is located at the junction of the Eurasian civilization and has always experienced a strong influence of its neighbors. This situation has become the basis for the formation of one of the most important issues of national identity: who are we – Europe, Asia or some kind of Eurasia.

Later, in the XVIII–XX centuries, the civilizational paradigm of Russia's development is connected with the modernization that has been repeatedly undertaken over the past three centuries, suggesting the introduction of Western-type elements to the conditions of Russia. The movement in this direction led modern Russia to a democratic society with a market economy and a constitutional system. Nevertheless, today the situation in the country remains controversial. The roots of the changes taking place in Russia should not be reduced only to socio-economic and political processes. They are laid much deeper – in the man himself, in his inner spiritual world and consciousness. However, the ideology of the Soviet era played a negative role in the manifestation of these trends in the spiritual sphere of man. As a result of the restructuring and weakening of the communist system at the end of the 20th century, this "unity" has collapsed and the multinational culture of Russia has acquired new opportunities for reviving the once-lost spiritual, ethnic, moral traditions, aesthetic and other values created by the nation. All these problems of the modern world affect today the social behavior of Russian youth. In today's geopolitical conditions, they are interrelated and relevant, as they acquire the character of the priority problems of the whole society.

The scientific novelty of this work is that it is a study and an attempt is made on the basis of empirical data to identify the optimal methods for regulating the social behavior of modern youth. The regulation of interfaith relations influences the formation of spiritual and moral values, culture, traditions and social ideals

of a multinational state as the Russian Federation. However, in the work on the formation of spiritual and moral values of young people, one can not rely on the use of any high-speed and miraculous means. This work is not sporadic, not single, but systemic, everyday. The most reliable way to create spiritual and moral values is to create a psychological atmosphere in the family, in the organization, in society, which excludes the very possibility of the emergence of negative phenomena.

Thus, this study is part of a project devoted to the study of the formation of spiritual and moral values of young people using the sociological approach. On the basis of empirical results, an attempt is made to analyze the identification of a positive attitude of young people towards a multinational Russian culture.

Key words: spiritual and moral values; community of peoples; Eurasian civilization; multinational culture; democratic society; modernization; social ideals.

Россия прошла длительный и сложный путь развития. Ее история является частью мировой истории и не может рассматриваться вне ее контекста. В течение долгого времени в России была сформировалась богатая многонациональная культура и особый тип цивилизации. Следует помнить, что Российская Федерация как государство явилась результатом добровольных присоединений республик национальных меньшинств. Это государство возникло на базе соединения христианского мира, мусульманской цивилизации и классического Востока. Таким образом, современная Россия – это особое добровольное сообщество народов разных национальностей и конфессий, что превратило ее в неоднородное сообщество. Все эти народности и их ценности не сводятся только к русскому, так как Россия сегодня не имеет социокультурного единства. Таким образом, как отмечает Л. И. Семенникова, «...существует не одна русская Россия, а много “России” в одном государстве» [Семенникова 1998]. В современной философской и историко-социологической науке ведутся споры о месте и роли России и ее культуры в историческом процессе. Начало этой научной дискуссии было положено еще в XVIII в. Немецкие ученые, такие как И. Г. Байер и Г. Ф. Миллер выдвинули версию о призвании варягов на Русь и скандинавском происхождении названия страны. Но эта версия не нашла поддержки у М. В. Ломоносова, которому императрица Елизавета Петровна поручила написание обобщающего труда по истории России. Он отрицал варяжское происхождение слова «Русь», считая делом первостепенной важности доказательство самодостаточности русского народа, его культуры и государства.

Малопродуктивными в научном плане являются наблюдаемые сегодня среди политиков попытки выделить Россию как чисто русскую цивилизацию. Английский писатель Р. Киплинг все-таки ошибался, когда говорил, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Однако они сошлись в России благодаря ее двойственному геополитическому и цивилизационному положению. Россия расположена на стыке цивилизаций и всегда испытывала сильное влияние соседей. Эта ситуация стала основой для формирования одного из важнейших вопросов национального самосознания: кто мы – Европа, Азия или некая Евразия?

Однако первая половина XIII в. внесла большие коррективы в судьбу русских земель. Они оказались под натиском католической и монголо-татарской экспансий. Это привело к распаду социокультурной целостности.

Многовековое владычество Степи повлияло на становление русского государства и характера, усиливая его противоречивость, отделяя его от европейских соседей. Казалось бы, христианство должно было роднить Россию с Европой. Но Степь оставила ей духовную связь только с Византией.

Тем не менее события XIII в. не смогли остановить ход историко-культурного развития Руси. Уже на рубежах XIV–XV вв. постепенно начинает вырисовываться облик будущего многонационального Русского государства. «В конце XV века Московская Русь заявила о себе как об одном из сильнейших государств Европы» [Костомаров 2004], хотя и следует признать, что цивилизационная парадигма этого времени (вплоть до начала XVIII в.) была восточной. При этом важно понять, что Россия не обладала целостностью. Она была кочевой и оседлой, мусульманской и православной, языческой и буддийской. Особенность культурного процесса XVI–XVII вв. состояла в том, что Московская Русь не пережила ни Ренессанса, ни Реформации, а только элементы ренессанского и реформационного характера. Начался сложный поиск собственного пути, способ перехода к новому историческому времени.

В дальнейшем, в XVIII–XX вв., цивилизационная парадигма развития России связана с модернизациями, которые неоднократно происходили на протяжении последних трех веков, предлагая внедрение к условиям России элементов западного типа развития. Движение по этому направлению привело современную Россию

к демократическому обществу с рыночной экономикой и конституционным строем.

Тем не менее в стране ситуация остается еще противоречивой. Надо еще многое сделать для того, чтобы в многонациональном государстве в рамках Конституции были защищены права и привилегии субъектов федерации, которые выступают как национальные республики в составе РФ. Корни происходящих в стране перемен не следует сводить только к социально-экономическим и политическим процессам. Они гораздо глубже – в самом человеке, в его внутреннем духовном мире и сознании. Однако негативную роль в проявлении этих тенденций в духовной сфере народов сыграли идеологические установки КПСС. Широкое распространение в условиях тоталитаризма получили представления о формировании в СССР новой исторической общности – «советский народ». Считалось, что по своим ценностным ориентациям культуры народы СССР едины, по форме существования и выражения (язык, жанровые характеристики и т. д.) – национально самобытны. Однако в результате перестройки и ослабления коммунистической системы в конце XX столетия это «единство» распалось, в результате многонациональная культура России приобрела новые возможности для возрождения некогда утраченных духовно-этнических, нравственных традиций, эстетических и прочих ценностей созданных нацией, которая ее отношение к социально-экономическим и историко-культурным процессам. Все эти проблемы современного мира сказываются сегодня на социальном поведении российской молодежи. В сегодняшних геополитических условиях они взаимосвязаны и актуальны, так как приобретают характер приоритетных проблем всего общества.

Необходимо подчеркнуть, что культура, имея общеисторический характер, тесно связана с прошлым, с преемственностью, учитывая целевой аспект понимания данного феномена – и с будущим. Она также исторически конкретна, так как в ней фиксируется уровень социальности, цивилизованности человека и общества [Каюмов 2016].

Научная новизна данной работы состоит в том, что она представляет собой научное исследование и на основе эмпирических данных предпринимается попытка выявления оптимальных

методов регулирования социального поведения современной молодежи. Координация межконфессиональных отношений влияет на процессы формирования духовно-нравственных ценностей, культуры, традиций и общественных идеалов многонациональных государств.

На наш взгляд, состояние научных исследований на сегодняшний день по данной проблеме всесторонне не раскрывает суть межконфессиональных отношений. Важным и определяющим сегодня является решение этой проблемы в условиях многонациональной России, реализующей идеи реального федерализма, которые позволяют в рамках единой страны в полной мере учитывать национальные и региональные интересы народов разных конфессий.

Современное российское общество сегодня озадачено значительным распространением экстремистской и террористической активности. Ее распространение связано с большим количеством причин. Основные из них:

- слабая поддержка развития молодежных программ;
- занятость молодежи;
- усиление расслоения общества на «богатых» и «бедных»;
- проблемы, связанные с получением качественного образования;
- социально-политические факторы, такие как активность националистически настроенных партий и организаций, деятельность различных неформальных групп;
- в обществе можно отметить страх, тревогу, неуверенность в завтрашнем дне.

В связи с этим снижаются ценности молодежи, их моральные и духовные качества. А это, в свою очередь, создает основу для активизации деятельности экстремистских организаций [Чупров 2009, с. 96].

На основе социологических исследований, проведенных авторами данной работы в 2014 г. среди подростков г. Набережные Челны Республики Татарстан, были проанализированы вопросы, касающиеся современного экстремизма и терроризма в молодежной среде. Экстремистские взгляды в современном обществе наблюдаются в самых разнообразных сферах подростковой и молодежной культуры [Исхакова 2014, с. 165].

Одной из опасных и трудно прогнозируемых для общества крайних мер экстремистов является терроризм. В результате социологического опроса было выявлено следующее:

- 50 % опрошенных дали правильное определение термину «терроризм» – «устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения»;

- 30 % – под экстремизмом понимают «незаконное право применения вооруженной силы одним государством против суверенитета другого»;

- 20 % ответили, что это «открытое и откровенное заявление о своих действиях поступках».

Исходя из анализа ответов респондентов, нет оснований нивелировать уровень знаний об экстремизме и терроризме, хотя определенная взаимосвязь между этими явлениями прослеживается.

Однако при ответе на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что настоящая дружба может быть между представителями только одной конфессии? 95 % опрошенных выбрали ответ «нет», т. е. не согласны с данным утверждением. Этот факт можно объяснить тем, что возможно среди их знакомых, друзей есть лица других конфессий, с которыми они поддерживают хорошие отношения. И лишь каждый десятый затруднился ответить на данный вопрос. На вопрос о причинах конфликта с другими конфессиями 90 % респондентов выбрали ответ: «неприязнь». Знание и уважение конфессио-нальных особенностей народов, их культуры, обычаев и обрядов очень актуальны сегодня, в период укрепления государственности. Они могут сыграть заметную роль сохранения и развития дружбы и сотрудничества между народами проживающих на территории многоконфессиональной России. Эти направления находят отражения в современной национальной политике Российской Федерации [Исхакова 2010, с. 163].

В современных условиях духовного обновления общества возрастает оценка культурного наследия прошлого народов разных конфессий. Так, например, для изучения влияния элементов исламской культуры на формирование самосознания и самоидентификацию молодежи был задан вопрос: «Ощущаете ли Вы себя носителем элементов мусульманской культуры?». Треть респондентов себя к таковым не отнесли. Таким образом, большая часть респондентов не считает себя носителем элементов исламской

культуры. Исправить данную ситуацию могла бы популяризация национальной культуры именно среди молодежи, поскольку, как показал опрос, большинство респондентов, изучавших исламскую культуру (34 %), ограничились лишь знаниями школьной программы. В то же время результаты анкетирования демонстрируют благоприятную ситуацию: в целом около 60 % респондентов так или иначе изучали исламскую культуру [Исхакова 2014, с. 167].

Популяризация исламской культуры, по возможности, не должна быть навязчивой, поскольку сознательное желание изучать культуру ислама выразили лишь 37 % респондентов, а навязывание каких-либо ценностей может вызвать неприятие, протест или отторжение.

Одна из наиболее важных ролей при изучении исламской культуры отводится материальной культуре и ее визуальным проявлениям. Благодаря проведенному опросу можно установить распространенность знаний о различных визуальных элементах исламской культуры среди респондентов, например основная часть опрошенных (88 %) встречают элементы архитектуры исламской культуры в виде куполов и минаретов в повседневной жизни, в каллиграфии – 48 %, арки и порталы – 37 %, растительный орнамент – 34 %, геометрический орнамент – 20 %. 71 % респондентов считают важным присутствие элементов исламской культуры в повседневной жизни, 52 % опрошенных отмечают их исключительно положительное влияние на формирование духовно-нравственных основ молодежи; у 37 % опрошенных вызывает интерес изучение национальных традиций и истории татарского народа; 28 % респондентов изъявили повышенный интерес к культуре ислама, из них 26 % считают, что присутствие элементов культуры ислама повлияло на формирование их эстетического вкуса. Также важно отметить, что ни один из респондентов не высказал отрицательного отношения к мусульманской культуре).

Опрос показал, что свыше половины респондентов (57 %) встречали представленные нами элементы исламской культуры за пределами республики Татарстан, и 66 % из встречавших испытывали при этом положительные эмоции, как гордость (29 %), радость (21 %), ностальгию (16 %), еще 29 % респондентов отметили узнаваемость этих элементов. Причем соотношение замеченных респондентами объектов в повседневной жизни республики

и за ее пределами почти не различаются: вне республики также чаще всего встречаются купола и минареты (63 %) и каллиграфия (26 %), чуть реже – арки и порталы характерной для мусульманской архитектуры формы, а геометрический и растительный орнамент респонденты встречали с одинаковой частотой (8,5 %). Необходимо отметить, что почти половина опрошенных (46 %), встречая данные визуальные элементы исламской культуры за пределами республики, воспринимает их как нечто знакомое, личное и родное, 60 % респондентов в подобной ситуации ощущают свою причастность к культуре и народу Татарстана. Это очень важное наблюдение, если принять во внимание, что ранее только треть респондентов называли себя носителями мусульманской культуры республики. Сравнив эти цифры, можно сделать вывод, что большая часть молодежи не осознает в полной мере влияния на них традиционной национальной культуры либо, находясь в этой среде большую часть жизни, настолько свыклась с ней, что свою принадлежность к мусульманской культуре они ярче воспринимает ее издалека, лишь покинув привычную среду. Этот вывод перекликается с идеей урбаниста Кевина Линча [Линч 1982, с. 85], изучавшего формирование и восприятия места, заключающейся в том, что образ места складывается только тогда, когда человек его покидает.

Также необходимо отметить, что большое число респондентов (63 %) считает, что наличие визуальных элементов исламской культуры в республике Татарстан повлияло на их восприятие себя как части населения республики. При этом только 43 % опрошенных исповедуют ислам, среди остальных оказалось 40 % христиан и 8,5 % атеистов. Таким образом, можно сказать, что визуальные элементы исламской культуры стали важной частью жизни народов Татарстана, независимо от их религиозной принадлежности, образовавшийся в сочетании с другими существующими здесь культурными традициями единый культурный слой. Подобная поликультурная среда позволяет воспитывать людей толерантных, свободных, открытых новому и уважающих чьи бы то ни было конфессиональные и культурные традиции. Кроме того, визуальные элементы исламской культуры становятся важным инструментом самоидентификации молодежи, помогая формировать образ и осознание себя как жителя многокультурной и многонациональной республики и части богатой многовековой культуры народов Татарстана [Сафиуллина 2014, с. 125].

Однако в работе по предупреждению конфликтов на конфессиональной почве нельзя надеяться на использование каких-либо быстродействующих, чудодейственных средств. Это работа не эпизодическая, не разовая, а системная, повседневная, будничная. Наиболее надежным способом профилактики конфликтов является создание в семье, в организации, в обществе такой нравственно-психологической атмосферы, которая исключает самую возможность возникновения агрессивных устремлений, ведущих к тяжелым конфликтам и экстремизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Исхакова Н. Р., Сафиуллина Н. З.* К вопросу возрождения этнических традиций народов (на материалах Республики Татарстан). Дискриминация, терроризм и другие виды нетерпимости (Современный мир: единство и разнообразие): учебно-методическое пособие / под ред. С. А. Гончарова, В. Ю. Сморгуневой. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. 295 с.
- Исхакова Н. Р.* [и др.]. Морально-нравственный потенциал формирования духовной культуры молодежи (на материалах Республики Татарстан) / [Н. Р. Исхакова, Н. З. Сафиуллина, Л. М. Исхакова, Т. Г. Шарафутдинова] // В мире научных открытий. 2014. № 5 (53). С. 164–169.
- Каюмов А. Т.* Культура информационного мира как предмет философского анализа // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация: Набережные Челны. 2016. № 5 (72). [Электронный журнал]. URL: kpfu.ru/nomer-5-72-za-2016-god-259038.html
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : ЭКСМО, 2004. 1024 с.
- Линч К.* Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева ; ред. А. В. Иконников. М. : Проспект, 1982. 328 с.
- Сафиуллина Н. З., Исхакова Н. Р.* Исторические аспекты развития национальной культуры народов России (на материалах Республики Татарстан) // Адлеровские социологические чтения. Т. 7. 2014. № 1. С. 123–126.
- Семенникова Л. И.* Цивилизации в истории человечества. Брянск : Курсив, 1998. 539 с.
- Чупров В. И., Зубок, Ю. А.* Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М. : Академия, 2009. 320 с.

УДК 331.543

В. Л. Примаков, В. А. Осипова

Примаков В. Л., доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук (факультет), МГЛУ;

e-mail: vprim2007@yandex.ru

Осипова В. А., аспирант кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук (факультет), МГЛУ;

e-mail: varechka-osipova@mail.ru

ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИЙ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОФИЛЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ

В статье анализируется содержание понятий «социальный престиж» и «престиж профессии», основные функции престижа, а также его структурные компоненты. Рассмотрены социологические исследования престижа профессий в современной России, сформулировано авторское определение престижа профессий социально-коммуникационного профиля. Проведен анализ престижности профессий социально-коммуникационного профиля в представлениях студентов московских вузов, а также определен образ престижной профессии и ее основные индикаторы в представлениях студенческой молодежи Москвы.

Ключевые слова: профессия; престиж; престиж социальный; престиж профессии; студенты; представления; социологические исследования.

V. L. Primakov

Doctor of Sociology (Dr.habil), Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU;

e-mail: vprim2007@yandex.ru

V. A. Osipova

Postgraduate, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU;

e-mail: varechka-osipova@mail.ru

THE PRESTIGE OF THE PROFESSIONS OF SOCIO-COMMUNICATION PROFILE IN THE PERCEPTION OF MOSCOW UNIVERSITIES STUDENTS

The article describes the content of the concepts of social prestige and prestige of the profession; the main functions of prestige and structural components are also examined. Sociological studies of the prestige of professions in modern Russia are analyzed, author's definition of "the prestige of the professions of

socio-communicational profile" is formulated. The prestige of the professions of socio-communicational profile in perceptions of Moscow universities students is analyzed, as well as the image of the prestigious profession and the main indicators.

Key words: profession; prestige; social prestige; prestige of the profession; students; perceptions; social surveys.

В последнее время в российском обществе вошло в широкое употребление понятие престижа профессий. Высокий престиж вообще и престиж профессии, в частности в привычном значении – это характеристика объекта «лучше обычного», «привилегированного», «принадлежащего к элите», «имеющего высокий статус». В российской научной литературе, так же как и в публицистике, содержание понятия «престиж» постоянно меняется и связывается то с авторитетом представителей отдельных профессий и уважением к ним, то с модой, то с привлекательностью.

Представления о престиже той или иной профессии помогают человеку ориентироваться в социальной ситуации: молодое поколение руководствуется ими при выборе специальности обучения, старшее – при выборе работы. Измеренный на уровне всего общества, престиж профессий может выступать одним из факторов, как объясняющих, так и предсказывающих поведение людей в ситуации профессионального и образовательного выбора. Знания о престиже различных профессий в обществе дают социологам и руководителям социальных служб основанную на эмпирических данных информацию о настроениях в обществе, их существенных чертах и особенностях.

Актуальность изучения престижа профессий на сегодняшний день связана с тем, что в общественном сознании существует определенная иерархия профессий в зависимости от уровня престижности. Хотя престиж профессий – достаточно устойчивый показатель, каждый год появляются новые профессии, поэтому представляется необходимым изучение на постоянной основе динамики изменения престижных оценок населения.

Социальный престиж изначально определяется как сравнительная интегральная оценка значимости социальных объектов или деятельности субъектов с позиций определенной системы ценностей [Социологическая энциклопедия 2003]. В социологии понятие престижа профессий возникло как один из подвидов престижа

социального, которое появилось, в свою очередь, в рамках различных теорий социальной стратификации.

Согласно общепринятому социологическому подходу, под престижем профессии понимается соотносительная оценка ее общественной значимости в ряду профессий, специальностей, занятий, стихийно формирующаяся в общественном мнении. Престиж профессии как явление общественного сознания имеет ценностно-нормативную природу и субординирует отношение к профессиям и занятиям в соответствии с их общественной значимостью и привлекательностью для индивидов на основе определенной системы ценностей.

Престиж обусловлен не объективными характеристиками в виде дохода или образования, а, в первую очередь, субъективными представлениями людей о социальной иерархии, т. е. положением профессии в иерархии относительно других профессий в представлении людей. Показатель престижности профессий – результат субъективного восприятия. Представления о различных видах деятельности, о профессиональных группах формируются в массовом сознании на протяжении определенного времени, отражая складывающуюся иерархию профессий. Сегодня, определяя профессиональный престиж, имеют в виду социальное положение профессиональных групп, обладающих определенным уровнем образования, оплаты труда, уважением и авторитетом в обществе, соотносящимся с доминирующими в обществе ценностями и нормами. Престиж – это всегда субъективная оценка положения профессии в общей иерархии профессий; это комплексный показатель, отражающий представления индивида о месте профессии в системе профессиональной структуры общества.

Престиж имеет много функций, среди них основные:

- престиж определяет образ жизни индивидов, социальных групп;
- престиж определяет принципы и схемы престижного поведения социальной или социально-профессиональной группы;
- на основе престижа формируются статусные группы, и таким образом происходит распределение власти внутри сообщества.

Главный феномен, связанный с понятием престижа профессий, заключается в том, что вне зависимости от использованной методики, выборки испытуемых, места и времени проведения

исследования относительный рейтинг престижности профессий остается практически неизменным [Руднев 2008]. Новейшие, более точные исследования показали, что престиж профессий всё же имеет небольшую динамику, но рейтинг по-прежнему остается очень устойчивым. Этот феномен представляет интерес как для решения прикладных задач (например, для профессиональной и образовательной ориентации или в качестве объективного параметра стратификации для всех общественных наук), так и в качестве самостоятельного предмета изучения.

С 1990-х гг. с возникновением нескольких центров изучения общественного мнения (ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ), при изучении престижа профессий произошла путаница в категориальном аппарате [ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ 2017]. Понятие «престиж» профессии часто подменялся такими синонимами, как «популярность» профессии, желательность профессии для своих детей, уважение профессии в обществе. Кроме того, центры изучения общественного мнения просили респондентов оценить востребованность профессии, уровень ее доходности, престижность образования по конкретной профессии, исследователи пытались проанализировать профессиональные планы и перспективы абитуриентов и так далее. После этого были предприняты попытки сопоставления нескольких признаков профессии, например, престижности и доходности. Не всегда выбранные категории совпадали по уровню оценки респондентами. Все вышеперечисленные характеристики являются компонентами престижа профессии и составляют субъективный комплексный показатель престижности профессий. На основе совокупной оценки данных характеристик определялся престиж профессий.

Беря во внимание тот факт, что престиж профессий является достаточно устойчивым феноменом общественного сознания, нам представляется возможным зафиксировать уровень престижности профессий как по данным центров изучения общественного мнения, так и по результатам собственного исследования. Стоит отметить, что исследования престижа профессий социологическими центрами не проводятся на регулярной основе, что подтверждает актуальность нашего исследования.

Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2012 г. представил данные о том, какие профессии

представляются россиянам самыми престижными и доходными. Следует отметить, что аналогичное исследование проводилось в 2006 и 2009 гг. Как показали результаты исследования, в рейтинге наиболее престижных профессий первое место занимают юристы (23 %), второе – экономисты (15 %), третье – врачи (12 %). В десятку самых престижных профессий также входят банкиры (9 %), государственные служащие, менеджеры (по 6 %), предприниматели, программисты, нефтяники (по 5 %). Далее следуют рабочие профессии, учителя, военнослужащие, инженеры (по 4 %) (см. табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие профессии Вы считаете в настоящее время наиболее
престижными?», % (закрытый вопрос, не более трех ответов)**

	2012	2009	2006
Юрист, адвокат, прокурор	23	20	28
Врач	12	12	11
Экономист, финансист	15	12	20
Банкир	9	7	10
Предприниматель, бизнесмен	5	6	10
Программист, работник сферы IT	5	6	7
Государственный служащий	6	6	7
Рабочие профессии	4	6	2
Учитель	4	4	4
Творческие профессии (художник, дизайнер, артист)	3	4	6
Работник сферы услуг (повар, парикмахер, работник торговли и т. д.)	2	4	4
Бухгалтер	2	3	5
Военнослужащий (в том числе милиция, МЧС)	4	3	3
Руководитель, директор	3	3	3

Показательно, что свое отношение к профессии люди определяют как через ее значимость для общества, так и по тем возможностям, которые она предоставляет работнику для удовлетворения его потребностей. Первая из названных сторон составляет предмет уважения индивида к профессии, вторая является предметом ее привлекательности. Критерием оценки профессий выступают качественные характеристики: характер, содержание, мера сложности

и ответственности труда. Важен для престижа профессий также и ее социально-экономический статус: мера морального и материального вознаграждения, совокупность условий, предоставляемых профессией для развития личности работника.

Очевидно, что престижирование, как определение рейтингового положения рода деятельности, занятий в общем списке всех профессий, существующих в обществе, не является абсолютно корректным. Прежде всего потому, что не учитывает особенности деятельности определенных профессиональных групп, склонности и интересы людей, многокритериальность оценивания, особенности экономического и рыночного развития общества, его доминирующую ценностную структуру. Понимая эту методологическую сложность, мы находим возможным и необходимым изучать престиж определенных групп профессий. Особый интерес, с точки зрения подготовки специалистов в Московском государственном лингвистическом университете, приобретает анализ престижа профессий социально-коммуникационного профиля.

Престиж профессий социально-коммуникационного профиля определяется нами как феномен общественного сознания, в котором опосредствованно отражается существующая в обществе иерархия профессий, связанных с управлением, обучением, воспитанием, обслуживанием. На основе «Общероссийского классификатора занятий» мы составили список таких профессий [Общероссийский классификатор занятий 2014].

К ним относятся:

- бухгалтеры;
- журналисты;
- переводчики и другие лингвистические специальности;
- писатели, поэты, литераторы;
- преподаватели вузов, школ;
- психологи;
- специалисты архивов и музеев;
- специалисты библиотек;
- специалисты в области политики администрирования;
- специалисты по рекламе и маркетингу;
- специалисты по связям с общественностью;
- специалисты органов государственной власти;
- специалисты в области организации и ведения социальной работы;

– социологи, антропологи и специалисты родственных занятий.

- судьи;
- философы, историки и политологи;
- финансовые аналитики;
- экономисты;
- юристы.

На основе проанализированных оснований престижирования мы составили концептуальную модель социологического изучения престижа профессий социально-коммуникационного профиля. В соответствии с этой моделью, престиж профессий, как комплексный и субъективно формируемый показатель, определяется совокупностью компонентов. Первый компонент – материально-экономический, выраженный оценками степени востребованности профессии и уровня оплаты; второй – материально-прагматический, включающий оценки перспектив карьерного роста и стабильности работы по профессии; третий – личностный, содержащий оценки творческой составляющую профессии, интерес к ней и возможность реализации в данной профессиональной области; четвертый – социально-статусный, включающий оценки социального статуса профессии и ее популярности, и, наконец, пятый – организационный, выраженный оценками таких характеристик, как условия труда и график работы. Все вышеперечисленные компоненты входят в комплексный показатель «престижности» профессии, формирующийся в зависимости от установок и ценностей конкретного индивида. Кроме того, на формирование и динамику престижных оценок в большей степени оказывают влияние несколько выделенных нами факторов: фактор социального окружения, экономический фактор, политический фактор, культурный фактор и СМИ.

В рамках изучения престижных оценок студентов московских вузов мы поставили перед собой следующие вопросы:

- Что студенты понимают под престижем и престижной профессией?
- Какими характеристиками она должна обладать?
- Как выстраивается иерархия профессий социально-коммуникационного профиля в представлении студентов?

Для ответов на эти вопросы в декабре 2017 г. было проведено онлайн-исследование с использованием сайта *webanketa.ru*. В опросе приняли участие студенты вузов четырех профилей –

гуманитарного, технического и технологического, естественно-научного, социально-экономического; в выборке представлены студенты всех курсов обучения. При условии подобного формирования выборочной совокупности, ошибка составляет не выше 5 %.

Анализ результатов исследования показал, что для большей части опрошенных престиж соотносится в основном с понятиями авторитета, влияния и уважения (см. рис. 1). Кроме авторитета, влияния и уважения, чуть менее значимой характеристикой престижа является высокий социальный статус, а также значимость и мода.

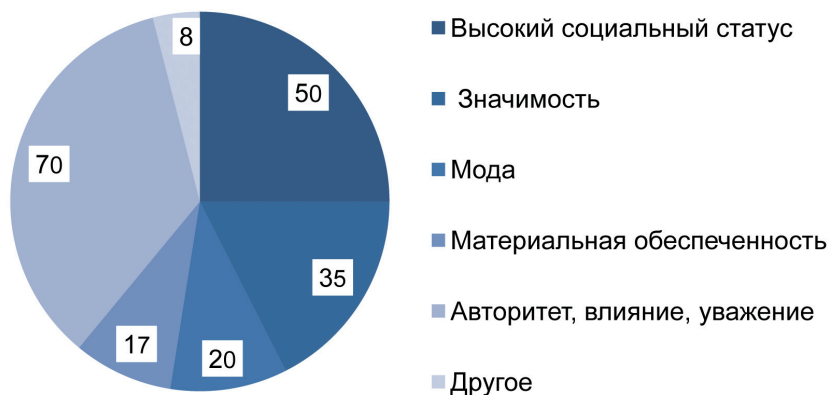

Рис. 1. Характеристики, определяющие понятие «престиж», в представлении студентов московских вузов, %

Стоит отметить, что материальная обеспеченность в данном случае в представлении студентов не является определяющей характеристикой престижа, в отличие от «престижа профессий», где оплата труда имеет решающее значение в определении уровня престижности. Таким образом, видим интересную особенность: «престиж» в целом как абстрактное понятие ассоциируется у студентов московских вузов в первую очередь со статусными характеристиками, а «престиж профессии» связывается с материальным компонентом.

Что же понимают под престижной профессией студенты московских вузов? Престижная профессия, по мнению студенческой молодежи Москвы, это в первую очередь профессия высокооплачиваемая (см. рис. 2). Немного менее важна в определении престижной профессии популярность профессии.

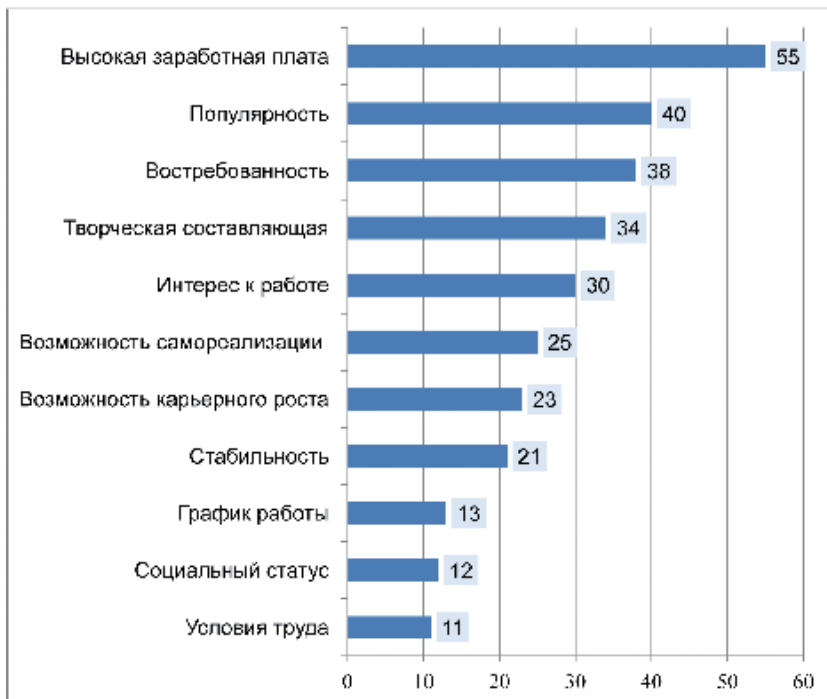

Рис. 2. Показатели престижной профессии в представлении студентов московских вузов, %

Как показали результаты опроса студентов московских вузов о престиже профессий социально-коммуникационного профиля, наиболее престижной профессией были названы специалисты органов государственной власти (см. рис. 3). В отличие от общероссийских опросов, в которых государственная служба имеет средний уровень престижности, в понимании студентов она наиболее престижна по сравнению с другими профессиями социально-коммуникационного профиля. Таким образом, представления студентов в отношении престижа профессий, связанных с работой в государственных органах, отличаются от мнения россиян в целом.

Действительно, за последние годы популярность такой специальности, как государственное и муниципальное управление, выпускники которой непосредственно могут работать в качестве специалистов органов государственной власти, резко возросла. Согласно данным ФОМ, за последние 14 лет сфера государственного

управления прибавила 380% популярности (с 5 % до 19 %), по мнению россиян [ФОМ 2017].

Рис. 3. Рейтинг профессий социально-коммуникационного профиля по уровню престижности (средний балл; шкала оценки от 1 – профессия низкопрестижная до 10 – профессия высокопрестижная)

Таким образом, престиж профессии в представлениях студентов московских вузов определяется, в первую очередь, через экономический компонент: высокую заработную плату и объективную востребованность профессии. Заработная плата является первой и наиболее важной характеристикой престижной профессии в представлении студенчества Москвы. На втором месте, по мнению студентов, идет содержательный компонент, т.е. творческая составляющая, затем интерес к работе, и, наконец, возможность самореализации. Наименее важен для студентов организационный компонент престижности профессии, то есть график работы и условия труда. На основе сделанных выводов можно говорить о ценностных приоритетах студентов, а именно – об ориентации на прагматические ценности в ущерб личностному росту и развитию. Однако данную тенденцию можно объяснить отсутствием или недостатком опыта работы и формально экономической необходимостью.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что изучение социального престижа и престижа профессий, в частности является необходимым условием социального прогнозирования и возможности воздействия на динамику социального престижа в интересах общества. Изучение представлений студентов о престиже профессий позволяет выявить структуру профессиональных сфер и факторы, влияющие на формирование представлений студентов о престижности различных профессий. Имея такие данные, представляется возможным их использование в целях социального прогнозирования, реализации программ, направленных на повышение уровня престижности профессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ВЦИОМ: Какие профессии Вы считаете в настоящее время наиболее престижными? URL: wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=868&q_id=60673&date=16.09.2012 (дата обращения: 12.12.2017).
- Левада-центр: Профессии: престижные, доходные, опасные, криминальные. URL: levada.ru/2005/08/08/professii-prestizhnye-dohodnye-opasnye-kriminalnye/ (дата обращения: 12.10.2017).
- Общероссийский классификатор занятий. URL: ivanovo.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ivanovo/resources/52c2c0004df9081baf86bfec9351daeb/OKPDTR.pdf (дата обращения: 02.12.2017).

Руднев М. Г. Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии. Вопросы образования // Статистика и социология образования. 2008. № 2. С. 220.

Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 251.

ФОМ: Какие профессии сегодня, на ваш взгляд, наиболее популярны, кем чаще всего хотят стать сегодняшние молодые люди? URL: fom.ru/ (дата обращения: 21.11.2017).

ФОМ: О профессиях популярных и нужных. URL: fom.ru/posts/10942 (дата обращения: 12.12.2017).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 3 (806)	Issue 3 (806)

Ответственные за выпуск 3 (806):
доктор политических наук, доц. В. К. Белозёров
доктор исторических наук Л. Г. Ивашов
доктор социологических наук И. В. Образцов
доктор политических наук, доц. Г. М. Сидорова

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 26.10.2018 г.
Усл. печ. л. 13 Формат 60х90/16
Заказ № 108

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология
22.00.00 – Социологические науки
23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Доменное имя сайта: MSLU-SOC.RU
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.